

Вл. МАЕВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БУЭНОС АЙРЕС

1972

VI. MAYEVSKY

ENSAYOS DE HISTORIA

BUENOS AIRES
1972

Reservados todos los derechos por el autor

Copyright by the author

EDICION DEL AUTOR

Talleres Gráficos "DORREGO"

Avenida Dorrego 1102 — Buenos Aires — República Argentina

Вл. МАЕВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БУЭНОС АЙРЕС

1972

Все права закреплены за автором

Издание Автора

ЖЕНЩИНА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Вопрос о семейном и социальном положении женщины не есть вопрос нашего времени. Возникновение его едва ли не современно самой первой встрече мужчины и женщины. И с той поры он во все времена и у всех народов был одним из важнейших вопросов теории и практики. Но едва ли было справедливо полагать будто наилучшие решения этого вопроса всецело принадлежат только новому времени, которое ничем не обязано тому, что говорила и практиковала по отношению к нему древность.

Наибольшая часть образованных людей полагает, что положение женщины у древних римлян было крайне неприглядно; полагают, что женщина третировалась, как раба, что в семье и обществе она была безлична и бесправна, и что для эмансипации ее необходим был радикальный и социальный переворот. Думают, что от времени и людей, оторванных от нас промежуток больше двух с половиною тысяч лет и не могших иметь даже подозрения о степени просвещения нашего времени, — нельзя ожидать ничего кроме варварства вообще и варварского отношения к женщине в частности.

Фактически положение римской женщины не было похоже на юридическое и, на самом деле, она стояла в обществе не так, как ставил ее закон. Кроме того, семейные, гражданские и уголовные законы Рима, — не зависевшие ни от каких сторонних воззрений, — были строги к женщинам не более, как и к мужчинам. Известно, что весталка, нарушившая обет целомудрия живою зарывалась в могилу. Но известно также и то, что соблазнитель ее до смерти засекаем был плетьюми...

Правда, законы Рима были очень строги к женщи-

нам. Но их кара грозила только женщине преступной; честная же и невинная находила в них такую же сильную и решительную защиту, как и мужчина. В Риме, как и везде, действительная жизнь постоянно опережала юридическую формулу, а по отношению к женскому вопросу римский принцип и практика, римские законы и обычаи — были даже в разладе и несогласии, что окончилось торжеством последних, так как сила обычаев оказалась могущественнее силы закона.

Вследствие этого фактическое положение римской женщины, — как в семье, так и в обществе, — было далеко не таким, каким его обыкновенно рисуют. Римская женщина с первых веков римского государства была окружена великими почестями и всеобщим уважением: она была любима мужем, почитаема детьми и рабами, уважаема в обществе. Как жена и мать, госпожа дома и гражданка, — она пользовалась таким вниманием, другого примера которого не встречается нигде в древности. Обычай и общественное мнение постоянно выдвигали женщину и эмансипировали ее от власти и опеки мужчины. И ко времени распространения в Риме греческого просвещения, — влияние женщины на общество было уже столь велико, что, например, закон Оппия не был одобрен и утвержден собранием народа, благодаря, главным образом, противодействию женщин. Это представляет бесспорное доказательство того, как далеко фактически положение женщины в Риме расходилось с теоретически-юридическим.

Римская женщина, — это безличное и бесправное существо *de jure*, — *de facto*, в действительности, была помощницею и подругою, почти равноправной мужу. Вместе и рядом с мужем она царила у домашнего очага и семейного жертвенника, в самой лучшей части дома. Как полная хозяйка дома, она руководила домашними работами рабов, заведывала воспитанием и обучением детей, которые до самой юности оставались под непосредственным ее наблюдением, заботою и властью. Мать римского семейства была по понятиям римлян живым воплощением Весты, божества чистого и высоко благодетельного, символом которого было чистое и благодетельное пламя домашнего очага.

Мать римского семейства занимала первое место среди членов семьи и, — подобно животворному пламени домашнего жертвенника, — разливала вокруг себя поучительные примеры добродетели, смягчая неволю рабов собственным примером трудолюбия и справедливости. Как подруга и помощница мужа, она делила с ним труды по управлению домом и домашним хозяйством; она была первою советницею мужа по всем важнейшим делам семьи. Весь объем прав римской женщины выражала старинная священная формула, которую произносила новобрачная при вступлении ее в дом своего мужа на вопрос новобрачного: *An sibi materfamilias esse vellet?*¹⁾ — молодая супруга его отвечала: *ubi tu Gaius, ubi ego Gaija?*²⁾ — и получала от него ключи. После этого жена действительно становилась госпожею и распорядительницею, чего распорядителем и хозяином был ее муж.

Семейное положение в древнем Риме, определявшее положение женщины в обществе и государстве определялось силою обычая и общественного мнения; оно имело основание в религии Рима и религиозной идее брака. Римляне имели очень высокое понятие о браке и их юристы определяли брак следующим образом: "Брак есть союз мужчины и женщины, общность всей (их) жизни, общение божеского и человеческого духа". В другом месте: "Супружество есть союз мужчины и женщины, предполагающий одинаковый и нераздельный образ жизни..." По свидетельству римских юристов, женщина в замужестве числилась "соучастницей божеской и человеческой стороны своего дома", то есть жена имела на половину участия во всем, что в доме мужа почиталось религиозно-священным и что принадлежало ему, как имение. "Выходя за тебя замуж, — говорила мужу благородная Порция, — я делаю это не для того, чтобы, подобно конкубине, быть около тебя на ложе и за столом, но для того, чтобы делить добро и зло, которое с тобою может случиться"....

1) Угодно ли ей быть хозяйкой дома?

2) Где ты, Кай, там и я, твоя Кайя.

Итак, в силу идеи римского брака, задачей жены было служение самым важным и высшим интересам семьи об руку с мужем. Эта задача вносила в римское семейство принцип равенства, которому ничто не могло противиться: он побеждал предрассудки света, теории философов, предписания законов — и выработывал такую практику, которая давала женщине весьма высокое значение в семье и обществе; оберегала все ее личные, имущественные и служебные права и имущества.

Как было уже сказано, в семье римская женщина была подругою, помощницею и ближайшею советницею мужа; она делила с ним труды и заботы не только по управлению домом и воспитанию детей, но даже и по отправлению семейного богослужебного культа. Вследствие этого на служение жены в семействе древние римляне смотрели, как на некоторый род священнослужения: поэтому они считали необходимым предварительное посвящение женщины к этому служению. Отсюда берет свое начало самый древний, самый священный обряд римского брака и объясняются составившие его церемонии. Мысль, лежавшая в основе древнего римского брака, вела непосредственно к нерасторжимости этого священно-таинственного союза и к запрещению безбрачия в государстве.

Обязанная почтительным повиновением мужу, — она пользовалась искреннею его любовью, как его "ихоч" (супруга), почтением детей, как *materfamilias* (мать семейства) и уважением рабов, как *matrona* и *domina* (покровительница госпожа) и была она оберегаема не только от непочтительности детей и рабов, но и от произвола мужа. По законам Рима, муж имел над женою *jus vitae nexisque* (право жизни и смерти). Но религия, возведшая брак на степень священного союза, ограничивала применение этого права советом родных и строго карала злоупотребления им: муж, убивший или продавший свою жену без достаточных оснований, лишался покровительства гражданских законов так, что каждый безнаказанно мог умертвить его. Катон, который рекомендовал беспощадно карать преступных жен, утверждал, что не только убивать, но и бить свою

жену — есть действие в высшей степени безнравственное и святотатственное... Точно также муж без причины прогнавший от себя жену, лишаем был особых прав и преимуществ и обязан был половину своего имущества отдать жене, а другую посвятить церкви. Так Л. Антоний лишен был (646 г.) сенаторского достоинства только за то, что без суда и следствия прогнал от себя свою молодую жену.

Ограждая женщину от грубого произвола мужа через ограничение суровых предписаний закона, национальная религия римлян пыталась даже изъять из ведения человеческой власти чисто моральные отношения членов семьи. В этих видах на горе Палатине был устроен храм богинь-примирительниц супругов. Здесь, перед жертвенником, они высказывали друг другу все, что таилось в душе у каждой из них — и возвращались домой примиренными и успокоенными.

Законы Рима давали право мужу лишать свою жену наследства и давать ей развод. Но ни предание, ни история Рима не знает примера безусловного применения этого права. Этим, конечно, можно объяснить то, что первый брачный развод в Риме, мотивированный бесплодием жены, случился только спустя 523 года после построения Рима. В первые столетия римского государства супруги, — повинуюсь каждый своему долгу и сходясь между собою в общности интересов и стремлений, — мыслили себя только половинами одного нравственного существования и только в соединении друг с другом находили смысл и счастье в жизни. Находясь в изгнании, вот что, например, писал жене своей Цицерон: "Всякий раз, когда я пишу тебе или читаю твои письма, я обливаюсь горькими слезами. Мне особенно тяжка разлука с тобою. Если страдания моего изгнания не суждено иметь конца и если потеряна уже всякая надежда на мое возвращение, то я желал бы одного: увидеть тебя, моя жизнь, и умереть в твоих объятиях".

С этой точкой зрения римских супругов становятся совершенно понятными те примеры необычайной для древности супружеской любви, множество которых отмечено у Валерия Максима, из которых укажем только

на следующие: Тит, Грах, Пловтий нумидийский и другой Пловтий (Марк). Все они никак не хотели пережить своих жен...

Внутренние качества, воспитание и образование древней римской женщины дают ключ к уразумению того, каким образом она могла составить счастье своего мужа. Идея древних римлян о матери семейства была очень возвышенна и серьезна. Функции матери семейства и хозяйки дома требовали от женщины таких внутренних свойств и качеств, которые всего более почитались и всего выше ценились практически рассудительными римлянками: они требовали от нее ума серьезного и характера решительного, практического знания своего дела, охоты к труду и навыка к непосредственной деятельности. Требовали того же, что требовалось и от мужчины.

Воспитание и обучение женщин направлены были к развитию требуемых от нее качеств. В богатых домах старого Рима дочери получали такое же воспитание и образование, как и сыновья. Под непосредственным наблюдением и руководством матери обучением их занимались образованные рабы: они изучали те же предметы и книги, какие считались необходимыми и для братьев. Люди небогатые сами занимались со своими детьми и старались о том, чтобы они были не хуже других. Дочери плебеев и бедных за небольшую плату посещали публичные школы, которые были доступны для детей обоюго пола. Но, как и мужчинам, им воспрещены были танцы, музыка и пение. Танцы римляне считали делом абсолютно неприличным, а к музыке и пению относились подозрительно из опасения, чтобы они не развили в женщинах мечтательности.

Женское воспитание в Риме несомненно было целесообразно. Оно содействовало развитию в римлянках первых веков того серьезного, энергичного и мужественного характера, который приобретал им высокое уважение. Римляне, как сами они говорили, выбирали себе жен "по сердцу своему" и при этом главным мотивом выбора были те свойства души, которые они так высоко ценили и которые сами воспитывали в женщинах.

Понятно, что находя в жене своей все, что было

нужно, римляне не имели надобности искать чего-нибудь на стороне. Менее мечтательный и поэтический, менее артистичный и любопытный, чем грек, — римлянин был вполне доволен и счастлив, если жена понимала и разделяла его желания и удовлетворялась его интересами; если она была домовита и домоседка, так же, как и он. И понятно почему наибольшую часть времени, которое оставалось от общественных занятий, римлянин любил проводить дома среди своего семейства.

Любимая и уважаемая мужем, римская женщина была не менее любима и почитаема своими детьми, которые вместе с молоком матери всасывали и безграничную любовь к матери: любовь, которая не ограничивалась только временем детства и юности, но сохранялась в течение всей жизни...

Подруга и помощница мужа, кормилица и наставница детей, — римская женщина была покровительницей всех домашних и рабов. Поэтому чувства, которые питали к ней низшие существа дома, выразительно называются в названиях *matrona* и *domina*, выражающих те же чувства расположения и преданности, которые заключались в нашем ласкательно-почтительном названии "матушка-барыня".

Вне семейства частная римская матрона пользовалась не меньшим уважением, как и дома. Римляне оказывали ей столь глубокое уважение, что оно представляется даже невероятным. Женщина в Риме никогда не была затворницей. Правда, римляне не находили похвал для тех женщин, которые любили сидеть дома и заниматься хозяйством; но это потому, что они сами были домоседы и домовиты. Но это не мешало женщинам, женам и девицам, посещать родных и знакомых, принимать участие в общественных собраниях и являться на праздничные народные гулянья и зрелища. По свидетельству самих римлян, присутствие в общественных собраниях женщин сдерживало порывы мужской несдержанности... То же самое подтверждает и другой обычай, по которому женщина удалялась из общественного собрания перед так называемым *mensa secunda* (вторым столом или десертом) — в тех случаях, когда мужчины хотели быть поразвязнее.

При появлении римской женщины на улице, каждый мужчина, кто бы он ни был, — хотя бы даже высокий государственный чиновник, — обязан был оказывать ей вежливость и почтительность: при встрече с матроной он должен был уступить ей дорогу; оскорбивший ее нескромным словом или неприличным взглядом, подвергается был строгому взысканию.

Действительность общественного уважения к женщине весьма ясно выражена римлянами в двух мифах в сказаниях об отмене царской власти по низвержении тирании. И позднейшие римляне искренно верили, что главным поводом изгнания из Рима Тарквиния Гордого и замены царской формы государственного правления республиканскою было то, что сам Секст Тарквиний обесчестил гражданку Лукрецию. Они также верили, что главнейшим мотивом к низвержению деценвиров было нечестивое намерение одного из них Анния Клавдия оскорбить невинность молодой девушки Виргинии, дочери простого сотника.

Всё римляне прощали Тарквинию Гордому и деценвирам, но не могли перенести одного: не могли простить им оскорбления женщины. Насилие честной матроны и покушение на честь девушки произвели на них то же действие, какое на греков производила педерастия их тиранов, и что окончилось тем же, т. е. изгнанием царей и низвержением деценвиров... Оберегая достоинство женщины, религия римлян сделала из брака священный и нерасторгаемый акт, которым заботливо охраняла личные и имущественные права жены, требуя только, чтобы женщина была и оставалась верно своему долгу и совести, равно как и требования приличия и умеренности... Со своей стороны римские женщины не оставались в долгу у своей религии: множество храмов и портиков в Риме обязаны своим существованием и украшениями религиозным чувствам и благотворительности женщин.

В спокойные времена государства деятельность римских женщин не ограничивалась пределами дома и семьи — она простиралась и на целое общество. В обычаях древних римлян было учреждать разнообразные общества в видах содействия общественной благотво-

рительности или сохранения народной нравственности. Не имея юридического права голоса, римские женщины все же оказывали иногда решительное действие на ход и результат совещаний в собраниях народа и заседаниях сената. И некоторые подвиги римских женщин были весьма важного государственного и международного значения. Были случаи, когда женщины выступали в качестве начала примиряющего и являлись посредниками мира и мирных договоров.

Личные достоинства, семейные добродетели и гражданские заслуги женщин приобретали им высокое уважение и признательность со стороны государства. Эти чувства были постоянны и выражались в тех особенных преимуществах, которыми сенат и народ дарили римскую женщину. Всеобщее уважение, которым римская женщина окружена была при жизни, провожало ее до могилы, у которой и переходило в благоговейное воспоминание о ней по смерти.

Таким образом, положение женщины в древнем Риме не было делом рыцарского отношения к ней мужчины, — а, напротив, было результатом ее личных достоинств и гражданских свойств. Свое положение римская женщина приобретала борьбою с предрассудками света. Она старалась и честно отвечала тому назначению, к которому призывало ее время с лучшими его потребностями; она была тем, чего требовала от нее семья и общество и не добивалась того, для получения чего не имела законных условий. Но зато в сфере своих сил и средств, — она не останавливалась ни перед трудом, ни даже перед жертвой.

В этом заключается разгадка, почему на ее стороне были муж и силы тогдашнего общества.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ИМПЕРИЯ

Падение Римской республики было неизбежною необходимостью. Она погибла в мучительном борении, и единственное оправдание демократической диктатуры Цезаря заключается в истории тех внутренних смут, которыми вызвана была эта диктатура.

Многими чертами своего личного характера переходил Цезарь через заветную грань римских воззрений. Его пороки и добродетели были во многом чужды старому римскому народному характеру. И никогда яснее не высказывалась эта противоположность, как во время знаменитого заседания сената, когда, после заговора Катилины, Катон. — во имя коренных римских убеждений, восстал против мнений Цезаря.

Политическая реформа, введенная Цезарем, полагала начало новому порядку вещей, несовместимому с государственными учреждениями республиканского Рима. Тем не менее она была логическим, необходимым результатом всего предшествовавшего развития. Для Рима 7-го века после основания города (1-ый до Р.Х.) возможен был выход в анархию или в диктатуру, в военную монархию. Цезарь решил последнее, но и на высшей степени своего могущества он остался верен своему прошедшему. Прирожденный вождь демократической партии, он остался демократом даже и в то время, когда полновластно располагал судьбами Рима; когда замышлял принять царский титул. Власть, основанная им, была диктатура, но диктатура демократическая.

После смерти Цезаря, новыми смутами доказана была для Рима невозможность возврата к прежним учреждениям, несовместимость республиканской свободы с господствовавшими стремлениями. Истомленное государство признало власть Августа. . . С восторгом приветствовали римляне приобретение внутреннего мира и спокойствия, хотя бы то было и за счет политической свободы. И первое время империи, по справедливости, названо золотым веком Рима.

Абсолютизм является иногда историческою необходимостью, шагом вперед в государственном развитии народов. В Греции, в эпоху борьбы демократии с олигархией, греческие тираны, — становясь во главе демократических стремлений, — окончательно подорвали аристократию; подготовили возможность нового развития свободных учреждений. Средневековые городские общины, примыкали всеми своими надеждами к монархической власти новой Европы; только в

ней одной находя защиту против феодального самоуправства.

Как переходное состояние, как возможность иного, лучшего будущего, абсолютизм имеет свое историческое оправдание, даже проявляясь в суровых формах. Склоняясь под его иногда тяжелой опекой, растут и крепнут тогда силы народа; дорастает он до своего политического совершеннолетия, до сознания и признания своей собственной полноправности. Поставленный же сам себе целью, — абсолютизм губительно действует на все живое; смертельным недугом поражает организм общества.

Абсолютизм римских императоров, — основанный на демократической диктатуре, — является в истории с двойственным значением, потому что самое политическое устройство римского мира, прежде всего, поражает свою двойственностью.

Все **свободные** государства древнего Рима строились в свои разнообразные государственные формы на крепком фундаменте **рабства**. Кроме этого постоянного разделения на рабов и свободных, не менее резкое различие было и между лично свободными подданными одного и того же государства: между полноправными и неполноправными гражданами. А в неполноправности было также много степеней, целая иерархия. Между римским гражданином республики и провинциалом, в политическом отношении, лежала целая бездна. Оттого и различна была их постановка относительно абсолютизма императоров.

Потомки древних квиритов гибли, не вынося тяжелого гнета деспотизма; для провинциалов начало империи было зарею освобождения, и они явились самой надежной опорой императорской власти. Если даже в самом Риме времен империи все более оскудевала и вырождалась римская кровь, — зато в стенах Вечного города сталкивались представители всех народностей, одинаково пользуясь правами римского гражданства. И даже на трон цезарей открывалась возможность вступить не только галлу, сделавшемуся римлянином во всех отношениях, но даже полудикому фракийцу или сыну Аравийской пустыни...

Велико было значение Рима и в особенности Римской империи для разрозненных народов древности. Империя разбила исключительную замкнутость старого Рима; сделала общим достоянием то, что было до тех пор священным правом одних квиритов; до крайних пределов римского мира раздвигнут был померий¹⁾ Вечного города. С полным правом мог говорить Блаженный Иероним, под влиянием скорбного чувства, о взятии Рима готами: "Отсечена была глава Римской империи, целый мир погиб в одном городе"... Рим времен империи — это была столица огромного государства, обнимавшего три части Света. Задача империи состояла в том, чтобы обобщить вековые результаты исключительного, замкнутого существования Рима, — и в те времена только абсолютизм императоров мог совершить такое дело. Но, обобщая еще до него добытые результаты, абсолютизм не мог стать сам движущим началом нового развития.

Напротив, под его гибельным влиянием иссякли все жизненные силы древнего Рима. Чем глубже и полнее проникала римская жизнь в нравы покоренных народов, тем менее становилось ее в самом Риме, и скоро римлян можно было найти повсюду, кроме города Ромула. Самые блестящие представители римской цивилизации были провинциалы; лучшими образцами римской доблести служили люди не-римского происхождения. Но всем своим могуществом империя была обязана республике. Лучшие литераторы сознавали, что дело их современников — не расширение пределов государства, а сохранение того, что было уже приобретено республикою. Уже Август, умирая, завещал не раздвигать границ империи.

Развитие духовных сил государства прекратилось с падением свободных учреждений. Обыкновенно с процветанием литературы времен Августа и последующих императоров видят внутреннее оправдание абсолютизма. Золотой век Августа является как бы созданием империи, как бы освящением ее законности. На

1) Священная черта древнего города.

это указывают, чтобы показать благотворное влияние абсолютизма, чтобы примириться с утратой политической свободы. Но обольщение исчезает, впрочем, при ближайшем знакомстве с тем временем. Абсолютизм сам по себе бессилен, чтобы вызвать к жизни духовные силы народа. Напротив, он поражает их бесплодием...

Золотой век Августа не был произведением империи. Это был результат предшествовавшего развития, последнее завещание умиравшей свободы. Если в нем искать чьего-либо оправдания, то, конечно, это не будет оправдание абсолютизма.

Не забудем, что монархия Августа не была крутым переворотом; она не снесла с лица земли республиканских учреждений. Скорее это было ловкое соглашение монархического содержания с республиканскими формами. Абсолютизм еще не облекся во внешние формы, ему одному свойственные; не нашел еще даже себе приличного имени. Предания республиканской свободы еще были крепки и сильны, еще не утратили власти над умами; еще стояли самые формы республиканского правления. И даже те императоры, в ком всего сильнее была наклонность к деспотизму, осторожно обращались с ними.

Это-то переходное время и ознаменовалось процветанием литературы. Когда абсолютизм сбросил с себя оковы, когда в Риме и в провинциях начались сатурналии деспотизма, тогда иссяк живой источник умственной деятельности. Писатели, воспитавшиеся под его гнетом и утратившие самый смысл политической свободы, поражены бесплодием, и их-то нужно считать представителями мысли времен империи, а не великих поэтов, историков и ораторов переходного времени, еще принадлежавшего республике лучшим своим содержанием.

Если бы империя была причиною такого блестящего развития умственной деятельности, то чем объяснить скоротечность этого развития, быстрое падение литературы? Империя дала литературе только материальное обеспечение, досуг, необходимый для нее — и только! Всем остальным литература обязана предшествовавшему развитию. Абсолютизм был так же губителен для

свободного развития мысли, как обоготворение императоров для религиозных верований народа.

В римской истории мы видим везде это двойное значение империи. Влияние Рима на народы, признавшие его власть; распространение римской цивилизации между ними. И в то же самое время падение этой цивилизации; вымирание всех живых сил древнего мира; утрату гражданской доблести и религиозных верований.

ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

1.

Руси суждено было занять страну с азиатскими чертами — **громадностью и континентальностью** (недостатком береговой линии). По социологическому закону, каждый народ стремится расти до естественных пределов своей земли, т. е. дойти до полного земельного и племенного сплочения. И этот внешний рост — самая тяжелая пора, задерживающая внутреннее развитие. А он-то составлял главную задачу древней Руси: её история есть история **переселенчества**, внутренней колонизации по преимуществу.

Гибельное разбрасывание сил подрывает основу общественного развития — дух единения: кочевать — значит поддерживать первобытную одичалость и развивать безволие, непротивление злу; нарушать интенсивность внутренних сил. А затем укореняются вредные для культурного развития идеалы: страсть к скоплению земельных громад, военная сила, тупая терпеливость да безграничная власть, — этот внешний символ сплочения, без которого немыслимо хотя бы прозябание разбросанной народности.

Сходство и различие между двумя половинами Европы, в начале их истории, видно и в этнографии. И там и здесь засели братья родные не по одной крови: германцы похожи на славян Нестора по нравам и быту. Западный "варвар", подобно восточному, должен был начать с переселений, что сталкивало его и с теми же полудикими финнами, и с миром античной гражданственности. Но этот мир, опять в силу географических условий, сразу воздействовал различно на тех и других

варваров: западный варвар примкнул к Риму, а русский — к Византии.

Рим и Византия уже давно представляли два разных вида классицизма: между ними уже кипела вражда. Искусный проводник классицизма, Рим, "романизовал" и "олатинил" варваров; он стал зерном "Запада", с его юношеской оживленностью, племенным разнообразием и богатым расчленением классицизма на новые культурные типы в различных средах. Византия же — основа Востока Европы; она была представительницей консерватизма. Здесь именно хранились сокровища эллинизма, но не употреблялись в дело. Здесь выработался враждебный движению, новизне дух нетерпимости, подозрительности к светскости, а также страсть к обширности земель и восточному султанату. Это идеалы Азии, с которой постоянно воевали греки, — соединялись с роскошью и умственным переутомлением высших классов.

**

Велико значение **исторической критики и сравнительного метода**. Эти неизбежные научные приемы принесли значительные плоды, даже подготовили целую область знания — социологию, но лишь в нашем веке. Ими воспользовалась и русская историческая наука, как преемница западной культуры; но она сделала менее успехов, начавшись позже. Здесь не мало еще даже крупных явлений, не совсем обследованных критикой: тем более пробелов со стороны **сравнительного метода**, вскрывающего научный смысл фактического материала.

У нас долго считали отечественную историю, в особенности до Петра I, чем-то особенным, не связанным с общею жизнью человечества, — ненаучный взгляд, который отчасти имел и неблагоприятные практические последствия. Затем выяснилось, что без знания европейской истории начало древней Руси столь же не постижимо, как и новая Россия; да и вообще трудно найти эпоху в нашей жизни, совсем свободную от западных влияний. С другой стороны, все сильнее развивалось убеждение, что только при сравнении двух половин Европы явственно и безошибочно выделяются те

особенности, которыми несомненно отличаются русские, как и всякий исторический народ.

Настоящая, наиболее "самобытная", древняя Русь (до Ивана III, почти до половины XV века) служит лучшим подтверждением незыблемости **исторических законов**. Она находилась на перепутьи между двумя историческими крайностями, — между необыкновенно подвижной, переимчивой "Европой", как зовут Запад, создавший душу человечества — культуру, и косным самобытником, типичным азиатом, Китаем, который породил одно только тело — огромное государство богдыхана.

Древняя Русь лежала в Европе, но причислялась к Азии по своей гражданственности; она была населена арийцами, но в их жилах текло много непретворенной крови желтой породы. Отсюда и поразительное сходство и очевидное различие с Западом. Ее история, разрешающая это противоречие, имеет особую поучительность: она и обращает на себя усиленное внимание европейских ученых, и именно социологов.

С такими средствами Византия никого не огречила: она оставила даже славянам их язык в церкви, что отчуждало их от просвещения Запада. Но она могла развивать в русских высокомерие перед всем неправославным и боязнь науки. Так с самого начала Востоку Европы суждено было проходить иную школу, чем Западу. Но на первых порах она была необходима, как всякие сношения с высшею гражданственностью. Прививая к русскому мировую религию, Византия вводила его в круг европейцев, помогала ему создавать государство для борьбы с азиатчиной. А ее дух нетерпимости не мог сразу овладеть гостеприимными полянами.

По своей живости и бойкой торговле Киевская Русь скорее походила на Запад. Родство между ними, запечатленное браками детей Ярослава, сказывалось во многом: от Русской Правды до сказки и легенды. На побережье Далмации, где Италия, при Возрождении, влияла на славянскую письменность, совершалась латинизация византийства, которая достигла до нас через Сербию; она проникла к нам и через Белоруссию. Оттого в Киевской Руси завелись переводчики и начиналось бога-

тое развитие собственной письменности: летопись Нестора, Слово о полку Игореве, Поучение Мономаха... От оживленных промыслов и торговли росли города; Киевская Русь становилась даровитой ученицей Запада.

Но вслед затем обнаружилась новая разница между Востоком и Западом. Настала глухая пора, когда Русь оторвалась от Европы: забравшись в трущобы северо-востока, она стала походить на Азию и ею овладел китайский застой. Виной тому были удельные усобицы и татары. Усобицы на Руси были тою же первобытной кочевкой и следствием их была подготовка политической и народной сплоченности, — этой основной потребности русских в борьбе с "нехристями"... Эта борьба была и на Западе, но германцы одолели язычников задолго до начала Руси: им приходилось бороться со слабыми литовцами, с разбросанными западными славянами и финнами. А русскому суждено было более шести веков ведаться с многочисленными южными кочевниками и больше двух веков нести татарское иго.

Правда, татары не имели большого прямого влияния на народ, но они принесли много вреда косвенно, подбавив желтой крови и азиатских наклонностей. А усилившаяся, благодаря им, потребность в сплочении вела уже прямо к восточному султанату: ханы, себе на голову, пролагали путь Москве, разгромляя старые городские веча и последние уделы. К тому же татарщина не давала покоя русским для культурного развития и подрывала их связи с европейским просвещением.

Под описанными условиями среды, обнаружались коренные черты древней Руси. Сложилось одно из обширнейших государств Европы, с таким земельным и политическим сплочением, какого тогда на Западе не видали. Общинно-родовой быт уже был подорван в корне. "Лествичное восхождение" превратилось в "собираение" земли русской, которая уже становится, при Донском, нераздельною "отчиной" великого князя. Андрей Боголюбский "ударил пятой" в Ростов Великий, вече которого было поддержано Новгородом. Он же расправлялся с боярами... Князь припал к земле и начал собирать себе слуг; дружиннику пришлось стать его

"вольным слугой"; дети боярские уже называются "дворянами", т. е. дворней князя. . .

Кроме государства восточно-византийского типа, при татарах ничего не было выработано. В культурном отношении Русь того времени представляет образец застоя, особенно в сравнении с Западом. Оставалась одна надежда на юго-западную Русь, которая начинала тогда усердно учиться у Запада и могла со временем восстановить прерванные связи между ним и Москвой. Это и видим в периоде русской истории 1450-1460 гг., имеющем значение в судьбах всего человечества. Тогда восток Европы выработался, как своеобразный тип народности. Сложился облик древней Руси, который иностранцы обозначили именем Московия.

Посредине этого периода стоит высоким переломом личность Грозного, полная исторического смысла и драматизма. Это — сам великий народ неоглядной равнины, с его широкими порывами и дарованиями, подавляемыми роковой средой; это — сама древняя Русь в наиболее тяжкую пору ее жизни. Она доживала в ужасной грёзе этой помутившейся души, в которой отразилась "смута", т. е. сумрак борьбы слабых зародышей нового порядка с пережитками старины. В лице Грозного древняя Русь падала под тяжестью сознания своей гнетущей громадности и необходимости наверстать века в деле внутреннего развития. Пылкий, даровитый юноша чуял еще, что древняя Русь была ему мачехой: она готовила, в его лице, жертву своих пороков. . . Грозный возненавидел ее с дикой страстью тогдашнего русского. Он не только смело схватился за ее отмену путем преобразований, но и бежал от своего народа. Он бессознательно тянулся к просвещенному Западу, мечтал умереть в Англии, до конца считал книгопечатание перлом своего царствования и не мог оторвать своих взоров от Ливонии, — этой дороги в Европу. . . Но старина, собиравшая тогда свои силы, в предчувствии кончины сокрушила властителя: из царя-надежи "людей Божиих" вышел царь-палач своего народа; за минутой просветления надолго сгустился прежний мрак. . .

В утомленную душу Грозного вселился малодуш-

ный страх русского человека: как бы от малейшего толчка не развалилась его громадная хранина. И царь стал оплотом "старины", а единственный человек, призывавший к науке, Максим Грек, томился в узах. Грозный разрушал плоды своих рук: он душил собственных сотрудников по преобразованиям; искоренил науку, которую манил к себе прежде; не пускал на Запад подданных, которые потянулись за просвещением. А рядом продолжалась безумная борьба со стариной, в лице бояр: царь сочинял крамолы. Но в то же время он оставил государство на руки тем же боярам, воскрешая удельную пору.

Грозный продолжал дело предков, — прибирание к рукам земель и власти, — а собственноручно прекращал династию и останавливал расширение границ. От его зверств отшатнулась западная Русь, которая собиралась поставить его в короли Польши. . . В злую пору, среди кровей и преступлений, сеялись семена "разрухи", которая и прикончила древнюю Русь, породившую грозного царя. Но в крупной личности его отразилось также роковое своеобразие Руси: жить минутами доброй поры, страстного движения вперед. Но в нем же проявилась сила исторического народа — неистребимость новых начал. Грозный — не только жертва древней Руси, но и кровавая заря будущего: проблески новой России мерцают по всему его царствованию; особенно во внешней политике, которая идет обыкновенно более прямым путем, повинувшись самому строгому историческому закону.

2.

Грозный страдал жгучею ревностью к власти, — к этому единственному тогда орудию для удовлетворения основной потребности народа в **земельном и племенном сплочении**. В этом сплочении и состоит положительный смысл русской древней истории. Оно уже перестало быть вопросом: оно было заявлено миру в правительственном титуле. Если на деле это еще не была "вся" Русь, то на нее указывала наступательная война с Поль-

шей, которая стала злобой дня, как только был покончен татарский вопрос. И борьба малороссов с польской уже подготовляла роковой исход для Польши, слабевшей под гнетом шляхты и иезуитов.

Выяснялось также, что Русь понимала сплочение в смысле естественных, а не народных границ. До татар даже Суздаль считался местом ссылки: отправляясь в Киев или Новгород, его князя "ездили в Россию". Теперь же Русь — и Балтика, где жили финны, немцы да литовцы, и Каспий, Черное море, Тихий океан, где случайно появилась кучка казаков среди массы инородцев.

То же самое, естественно, произошло с политическим сплочением Руси, или **самодержавием**. Оно развивалось беспрерывно, даже при самых невыгодных условиях. Русский народ выдержал и опричину, и даже разруху, чуть не сгубившую все, не усомнившись в его пригодности. Разруха даже послужила к его упрочению: с воцарением Романовых оно перестало быть вопросом.

Иностранцы уже с Василия III представляли Русь примером невиданной власти. Они говорили, что там "все рабствует, кроме властелина". А царь выражался с презрением об их правителях: "что это за государи!" Царь, по понятиям народа, был божеством: как источник закона, — он не мог подчиняться ничему. Царь и его царедворцы составляли всю Русь, все ее предопределение.

Самодержавие уже не встречало никаких сдержек. Общинно-родовой быт пал в лице Новгорода и удельного "княжья". А это влекло за собою низложение бояр, которым уже некуда было отъезжать. Оторванные от народа и земли, себялюбивые и сварливые, эти "вольные слуги" великого князя превратились в "служилых" царя, проявляя свою спесь только в местничестве: "дворянин" стал выше "сына боярского".

Если в XVI-ом веке бояре еще считали себя "столпами" и крамольничали, помня свои права дружинников, то под конец это уже были захудалые роды. Запоздалые попытки боярства приобрести политическое значение окончились его крушением. Подкошенные в основании разрухой столпы отказались от властительных

грез и стали холопами престола "на посылках". А дело правления перешло в руки выслужившихся разночинцев, про которых еще Грозный писал своему наперстнику, Васютке Грязному: "бояре стали нам изменять, и мы вас, мужиков, к себе приблизили, надеясь от вас службы и правды"... Духовенство никогда не думало о политическом значении. Воспитанное в понятиях Византии, мало связанное с народом, обремененное семьями и бедностью, — оно служило орудием власти еще до самодержавия, которое поднимало его до патриаршества, по мере собственного возвышения и пользы своей... Среднему сословию не было места при убожестве торговли и промыслов. Посадские — те же черные тяглецы. Города подрывались и взаимною завистью и казней, а также монастырями и служилыми, которым власть дала огромный и почти единственный тогда капитал — поместья и вотчины с крестьянами. Прикрепление крестьян к земле было связано с прикреплением высшего класса к службе; оно произошло незаметно, путем самой жизни, без предписаний закона.

Так, политическое своеобразие древней Руси состояло в том, что, после восьми веков существования, она представляла нерасчлененную и **бесправную массу**. Сословий не оказалось: всякий мог передвигаться по общественной лестнице, где не было граждан, а были только обыватели "лучшие, средние и меньшие", по достатку в окладной росписи казны. Община и город, Церковь и князь, земские соборы и дума — все стало нулем в политическом смысле, все лишилось первобытной свободы, не приобретя взамен более разумных прав. Все было принесено в жертву государству, которое должно было взять на себя задачу оседлости при всеобщем бродяжничестве.

Поголовное закрепощение проходит красной нитью по истории древней Руси по мере развития власти. Здесь новое различие между двумя половинами Европы. На Западе закрепощение народа означало господство знати, а его раскрепощение было задачей монархизма, который помогал развитию среднего сословия. И, наконец, управление принимало стройный вид, благодаря участию освобожденного народа, уже обладав-

шего богатыми познаниями и изучившего римское право. У нас же государство, создавшее помещиков, — создавало и всеобщее закрепощение; а при нем оно должно было взять на себя все заботы. А управление особенно затруднительно в такой громадной, разноплеменной и невежественной стране, как древняя Русь. Сами цари прибегали к помощи земщины; но она призывалась случайно и лишь как бездушное орудие власти.

Управление оказалось плохим, по свидетельству наших же летописей, документов и сказаний. В челобитных земских соборов оно рисуется именно в том виде, к которому идут слова летописи, при избрании Михаила: "влодущие, аки волчцы, насиловаху православных"... Древняя Русь завещала новой России **приказный дух**, — это всеильное дьячество и подьячество, которое подавляло в государстве зародыши законов, лишало народ даже намеков на права и, можно сказать, обращало самодержавие в своего раба.

В этом периоде выяснилась и другая черта древней Руси — **недостаток бытового развития**. Умственная незрелость — **плод невежества**, которое составляет главное отличие этого периода истории. Русскому некогда было заниматься наукой теорией: самый политический народ в Европе, после спартанцев, — он до того был увлечен своею практической задачей, что считал их забавой празнолюбцев. А Церковь внушала ему сверх того, что подобные знания — такой же грех, как народная поэзия и светское пение.

Была церковная или навеянная Церковью письменность, и по большей части переводы с греческого. Но наша сухая, византийская письменность стала только украшаться, под конец, под влиянием польского риторства.

Не было ясных выпуклых черт, не замечалось точных определений, расчлененных разумом понятий, строгого разделения труда: все делала сама жизнь, случайная практика; везде робкие опыты да примеры, не сведенные к правилам, к теории. Сам государственный "порядок" был скорее беспорядок, засвидетельствованный Нестором. Даже самодержавие порою вносило смуту в

в жизнь произволом, не говоря уже про такие противоречия, как две поры Грозного...

Управление шло по обычаю, по памяти да по законам приказов, которые сами представляли образец путаницы; даже придворное чиновначалие установилось лишь к концу древней Руси. Всюду проглядывал еще восточный взгляд: до самой разрухи встречались пережитки волостей княжений. Лишенные сословных определений князья, бояре и церковники, гости, посадские и крестьяне переплетались между собой в занятиях. Сама верховная власть путалась в отношениях к ним. Она то спешила с закрепощением мужика: сегодня давала права служилым, завтра сокращала их...

В угоду этим же стражам старины, она притесняла ею же призванных иностранцев. Оттого-то Грозному пришлось испытать горькую чашу переписки с Андреем Курбским.

При такой смуте в государстве трудно отличить, где кончается одна вера и начинается другая, где кончается Библия и начинается апокриф, где поправка владыки или собора и где ошибка писателя. В нравах, в искусстве — всюду смешение неожиданных крайностей, своенравная путаница заимствований чуть ли не со всего света. Древняя Русь, это — клад разных времен. Ее символами служат Василий Блаженный да кремлевский дворец, где сливалось многое в груде разбросанных зданий и хранились драгоценности татарские, арабские, персидские, византийские, западные и разных времен. И ее язык перемешан всякими составами: варяжским, византийским, татарским, польским, латынским, немецким.

Поэтому немудрено, что еще так много смутного в изучении древней Руси; тем более, что она, храня дорогие безделушки, частью истребила важнейшие свидетельства, частью не позаботилась сберечь их. Историк не может полагаться даже на точные с виду термины: в XVI-ом веке "сокольниками" именовались те, которые "платят за соколы оброк", а это были сапожники и хлебопеки. Так почти везде тогда...

Но древняя Русь явила редкий в истории пример благородной борьбы народа с тяжкими условиями за высшие блага человечества. В этом смысле она, в свою очередь, не дает опор ни для отчаяния, ни для самоунижения. Древняя Русь подчинена общим историческим законам. Независимость обеспечена великому историческому народу; а своеобразие, которого не лишена даже ни одна личность, — дело времени, развития. Древняя Русь во многом поражает своим сходством с Европой до названий в мелочах. Запад не только был такою же святою простотой в свое время, но отчасти сохранял до конца периода вид смуты от пережитков средневековья: там были даже свои разрухи и самозванцы в свою переходную пору. В своем быту Европа также представляла смесь всяких влияний, не исключая азиатских; но она успела претворить их в новую богатую гражданственность и полагала своею гордостью истребление пережитков старины.

И эта разница объясняется не тем, что на Западе жили какие-то избранники: перенесенные на восток, — они оказались бы тою же святою Русью... Иностранцы сами сознавали это. Гнушаясь бытовою отсталостью московита, они скорее боялись, чем презирали этого сильного "варвара", который среди самых тяжких условий, собрал громадную землю, создал большое государство и, едва освободившись от татарского ига, уже протягивался к пяти морям; даже переходил в наступление на Запад.

Иностранцы дивились переимчивостью русского, который своими заимствованиями со всего света готовил богатый материал для своего будущего творчества. Они понимали, что если Москва — не Афины, то и не Спарта, разрушительница прогресса; что это — черно-рабочий человечества, "богатырская застава" Европы от азиатчины. Развив, благодаря этой защите, свою гражданственность, — Запад под конец нес её к московиту, как достойную плату своему брату, арийцу.

Но и Русь также тянулась к Западу, возвращаясь к лучшим преданиям Киева, подорванным Византией,

усобицами и татарами. И в этом стремлении к старшему, по образованности, брату лежал главный залог великой будущности. Древняя Русь проявляла его в каждую счастливую минуту, ибо это было таким же непрерывным призывом жизни, как византийство было преданием застоя. Первообраз московита, суровый скопидом и властодержец Андрей Боголюбский призвал фразингов — и св. Марк из Венеции стал гулять, в суздальском наряде, по всей святой Руси... Не успела Русь освободиться от татар, как уже горячо смело схватилась за западный вопрос и за упущенное бытовое развитие. Тотчас ее повелитель выбрал себе подругу на Западе — и настала та знаменитая пора, которая считается и настоящей Московией, и нашим первым Возрождением.

Москва с жадностью стала брать все с Запада, от светских учителей и типографий до одежды и манер: она брала даже через посредство своих врагов и погубленного ею Новгорода. Сразу появились и западные книжки при дворе, и русские выходцы, которые посрамляли своим бегством запрет поучиться в Европе... Московия в своих лучших слоях и стремлениях, вдруг стала походить на татарскую Русь меньше, чем Россия XVIII-го века походила на нее самое. Такие явления, как Нил Сорский, этот живой протест Нового Завета против византийства осифлян, или как восстание самого Стоглава против старины, не говоря уже про письма Андрея Курбского, — сделали бы честь и Западу: в них сказались сила европейских идеалов в пробужденном даровитом обществе. Курбский и его друзья — уже зрелый патриотизм: то были питомцы Запада, но с русской душой. Сами жертвы древней Руси, они любили святорусскую землю и всю жизнь боролись за ее освобождение от зла. В их царственном противнике воплотился всеобщий раскол, спор между азиатчиной и европеизмом, между Византией и Западом; борьба древней Руси с зачатками новой.

В этой борьбе, достойной великого народа, помутился ум царя, как по смерти его, замутилась и вся земля. Но новая Россия росла, не взирая ни на что. Годунов был уже западным человеком, предтечей Лжедмитрия I и Морозова. И русские, истребляя поляков в

разруху, у них же брали всё, от языка до брадобрития. Под конец уже был решен вопрос — суждено ли Руси быть Азией или Европой? В ней делались попытки всесторонних преобразований, от постоянного войска до финансов и статистики; бродили новые понятия; обнаруживались первые проблески личности; появлялись благородные характеры и развитые умы. Москва деятельно сносилась дипломатически с далеким Западом. В ней самой появилась даже его обстановка и утверждалась целая колония его представителей. И уже широкою волной переходила к ней европейская гражданственность через польскую Русь.

Не мало жизненной крепости и идеализма было в народе, который достиг таких успехов человечности, при столь тяжких условиях. Вопрос состоял только в том: как понимала свою задачу единственная выработанная им сила, которой покорялась даже всемогущая в такие времена Церковь? Русь не могла обмануться в своем самодержавии. При всех его восточных недостатках, — оно бессознательно шло впереди народа в силу исторического закона, по которому в неразвитом обществе все идет сверху. Самодержавие воспитывало общественное сознание, подавляя всеобщую рознь и частные льготы, облагая тяглецов по разрядам достатка. Оно смиряло спесь бояр и сдерживало любостяжание церковников и алчность купцов, покровительствуя иностранным гостям. Оно нещадно било батогами попадавшихся приказных лиходеёв. Оно упорно стремилось к Западу, наперекор косной толпе и византийствующему духовенству. С престола шли все нововведения, начиная с освобождения женщины из терема, с глобуса, часов и театра; кончая брадобритием и табаком.

Оттого под конец уже все предвещало великий исторический переворот, с которого самодержавие же начнет дело раскрепощения народа. Древняя Русь была готова принять новый мученический венец, но уже обвитый лаврами, достойными христианского и европейского народа.

Древняя Русь завещала, с одной стороны, весь свой сумрак пережитков, с другой — крепкое самодержавие с свежей династией и народ, который в своих передо-

вых рядах, с юношеским пылом рвался к новой жизни, под знаменем европейского просвещения. Но, чтобы настала пора преобразований коренных, небывалых, — требовалась особенно крупная личность на престоле. В ней должны были воплотиться: безграничная власть и такая же воля, светлая мысль и ясные желания; непреодолимая страстность и неусыпное трудолюбие; любовь к своей стране и отвага героя. Таков был представитель новой России, — тот Петр, который признан Великим. Тот небывалый исполин истории, за порождение которого простятся все грехи его матери, древней Руси.

Но переворот, произведенный великим царем Петром, привел бы только к разрушению востока Европы, а не к созданию новой России, если бы народ русский не подготовился к нему раньше тихим московским обычаем. Все, что происходило после первого Романова, уже носит на себе иной отпечаток, чем прежде. Вторая половина XVII века более походит на эпоху Петра, чем на предыдущий исторический период. Она сливается с нею до того, что их невозможно разъединить: во всех сторонах жизни, семена одной дают плод в другой. Новая история России начинается около 1650 года: царствования Алексея и Федора и правление Софьи — её первая вводная глава.

ЗАКАТ ВИЗАНТИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

В середине XV века Русь вступила в поворотную эпоху своей истории. Государство, которое образовала Москва из объединенных русских земель, было еще очень мало территориально: в конце княжения Василия Темного, когда великий сын его Иван III, принял бразды правления, Московская Русь владела не более, чем 15-ью тысячами квадратных миль. Весь север русской равнины принадлежал независимой республике — Господину Великому Новгороду; Западная Русь, — не только Белоруссия, но и Смоленщина с другими прилегающими к ней частями Великой Руси, — входили в состав Литвы. Литовско-польское государство распространило свой суверенитет и на всю Русь Малую, что в боль-

шей мере способствовало выработке самостоятельных национальных черт в украинском народе. Южные края Курской и Орловской областей (и даже западные части Калужской и Тульской) были под Литвой и Польшей... На юг от Тулы и Рязанской земли начинались степи, где для русских еще не могло быть оседлой жизни. А за средней Волгой господствовало Казанское ханство.

И, тем не менее, Москва выходила на международную арену 15-го столетия неожиданно значительной силой. Причиной этому было два смежных исторических явления: с одной стороны, кончался трехсотлетний период татарского ига, — и этим обуславливалось усиление Московской Руси; с другой стороны, начинался период турецкого могущества, — и этим обуславливалось ослабление Европы. Победа русских славян на Куликовом поле почти совпала по времени с разгромом западных и южных славян на Косовом поле. А перемещение политического центра тяжести в мире тюркских народов — определяло перемещение его и в мире народов христианских.

Татарское иго на Руси было преодолено. На этот исторический процесс ушло целое столетие. Татарская империя одряхла, и Куликовская битва нанесла ей непоправимый удар. Правда, золотоордынские ханы — Тохтамыш, Эдигей и Ахмат — еще и после этого держали опустошать московские владения; осаждают, а то и разорять самую Москву. Но победа Дмитрия Донского, как бы изнурительна она ни была для русских, оказалась все же решающим фактором. И после нее татары уже были не те: их набеги отличались с тех пор осторожным коварством, расчетом на измену в русском стане и стремлением застичь противника врасплох. А о прежних грозных, неотразимых нашествиях огромных орд, уверенных в себе и в распространяемом ими страхе, не могло быть уже и речи.

Сам грозный Тимур шел было на Москву после карательной расправы с зазнавшимся вассалом Тохтамышем. Но именно его колебания в Ельце и необъяснимое, по видимости, отступление из рязанской земли служили указанием на новое соотношение сил в восточной Европе. Раздоры в монголо-татарской империи

были другим признаком ее распада. Отделение Казани от находившейся на ущербе Золотой Орды повлекло за собой сепаратизм Крыма, и именно крымским ханам суждено было доканать авторитет Сарая.

С Ивана III (1462-1505 гг.) исчезает окончательно трехвековая зависимость Руси, во время которой русский народ выработал в себе волю к национальному и государственному бытию. За эти именно три столетия Москва сумела "собрать" русские земли и преодолеть удельное дробление страны, — этот главный источник русской слабости. И на месте старого феодального государства возникла молодая национальная держава.

Параллельно росту московского государства и несколько предворяя его во времени, возрастало могущество империи, основанной оттоманскими турками на развалинах царства сельджуков в Малой Азии. Авангарды ее уже перекинулись в Европу и в конце XIV века Мурад I (1359-1389) утвердился на Балканах, перенеся свою столицу в Андрианополь. И Царьград-Константинополь, обойденный с севера, был обречен на скорую гибель. Дни славной Византийской империи были сочтены, когда в 1389 году на Косовом поле разыгралась великая трагедия сербского народа, цвет которого лег костями в этой роковой битве, во главе с царем Лазарем.

Западный мир пришел в смятение. От прежнего пафоса наступательных крестовых походов, от мечты об освобождении от неверных Святой земли, от горделивой уверенности в превосходстве эллинско-латинской цивилизации — не осталось и следа. Все это уступило место тревоге, принимавшей характер панического психоза. В конце XIV столетия (в 1395 году) султан Баязет (1389-1403 гг.), ставший грозой Европы, занял Лариссу и Салоники на европейском побережье Эгейского моря.

И вот, в этот критический момент, Запад был спасен не кем иным, как Тимуром-Тамерланом. Последний опустошил в 1401 году многострадальную Грузию и счел после этого за благо вступить за права недовольных вассалов Баязета, который имел неосторожность

резко ответить воинственному хану — заступнику. И в 1402 году турки были наголову разбиты Тимуром под Анкарой, а сам султан Баязет взят в плен. . . Тимур, выйдя на Эгейское море, взял Смирну, но в Европу так и не вторгся. Баязет умер в неволе, и, таким образом, Западу дана была передышка.

Беспомощность Византии, окруженной врагами, придавала новый и большой вес Риму. За тысячелетие Восточной Римской Империи — "Второго Рима" — утекло немало воды. Действительно: произошло разделение церквей в 1054 году; образовалась "Священно-Римская империя германского народа". Эволюция папской власти превращала ее из духовной в политическую. И престол св. Петра стал не только религиозно-нравственным, но и государственно-территориальным центром особого вида феодальной федерации, где сюзереном был глава церковной иерархии.

Нашествие турок на Византию, разъедаемую династическими и партийными распрями, могло сулить реванш "первому Риму", первосвященники которого притязали на наследие цезарей и не прощали Константину возвеличения Константинополя.

С XI века антагонизм "обоих" Римов имел характер открытого соперничества. Как писал один из столпов западного христианства, св. Бернард Клевосский, папе Евгению, несмотря на разделение, единство между Римом и Восточной Церковью еще существовало "в том, что касается религиозных вопросов, кроме разве вопросов мало существенных; но мы **более разделены в любви**". . .

Взгляд православия на политические притязания папства был ярко выражен в поучении св. Кирилла Белозерского о власти: "Возненавиди всякую власть, влекущую тя на грех; **непреложен имей благочестия помысел и не возвышайся временно славою к суетному штатанию**". . . Но в XV веке папы готовы были свести, наконец, застарелые счеты. Только на этот раз сильно просчитались: оттоманская лавина оказалась, однако, средством слишком сильным и, нанося смертельный

удар второму Риму, — оно угрожало и всей Европе во главе с "первым Римом"!

**
*

Папство издревле пыталось вовлечь Русь в орбиту своего влияния. Папские послы вели переговоры с киевскими князьями, начиная с Владимира Святого. Уже после разделения Церквей, в конце XI века, когда папа Урбан II перевез мощи св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских (Малая Азия) в Италию, в Бари, — на торжествах присутствовал православный русский епископ. В результате, 9-го мая праздновалось всегда Русской Церковью, как день перенесения мощей святителя Николая, в то время как Греческая Церковь не ввела у себя этого праздника.

Тот же папа Урбан посылал своего легата в Киев с частицами мощей св. Николая Чудотворца для русских храмов. Проповедники, канонизированные Римской Церковью, — Бруно, Бонифаций и Олаф, — приходили в Киевскую Русь при Владимире, Ярославе и Всеволоде, пользуясь их покровительством и содействием. Но в начале XIII века, когда во время четвертого крестового похода, крестоносцы Балдуина I заняли Константинополь и разграбили там все вплоть до храмов, — впечатление на Руси было тем глубже, что католическое войско преследовало греческое духовенство и издевалось над восточной обрядностью, за которую русские держались не меньше греков.

Кровавые бесчинства крестоносцев в Царьграде-Константинополе в 1204 году были первым массовым погромом православных со стороны Запада. "Мы — орудие Божие для справедливой кары грекам", — писал в свое оправдание папе Иннокентию III король Балдуин. Он жаловался, что его воинов православные греки прозывали "псами". (Но тоже произвище дано было и другим "крестоносцам" русскими православными три-четыре столетия спустя, во время Ледового побоища). Папа сначала ответил Балдуину, что это прозвище вполне заслужено поведением крестоносцев. Но, выяснив из дальнейшей переписки, что обстановка складывается для Рима весьма выгодно, пришел к другому выводу: "Гре-

ки из неповиновения приведены в повиновение и, как схизматики теперь возвращены в единство“...

В конце XII века папские делегации приезжали в Россию несколько раз, — в частности в 1167 и вновь в 1169 г. г., — что как будто указывает на важность переговоров. На следующий же год после разгрома крестоносцами Царьграда, Иннокентий III послал новую дипломатическую миссию на Русь. А в 1207 году еще одна миссия, во главе с кардиналом Виталисом, должна была добиваться смятения отношения русских к латинам. Но обстоятельства быстро менялись и дело шло к военной интервенции католичества, которая окончилась полным крахом при Александре Невском.

Победа последнего над рыцарями побудила Рим вновь перейти к методам и ловкости дипломатии. Папа Иннокентий IV посылал известного ученика св. Франциска Ассизского, Джиованни ПIANO Карпини, в Каракорум — столицу монгольского великого ханства. Там, в Орде, папский посол застал великого князя Ярослава Всеволодовича, который при нем же и скончался там от недуга.

Впоследствии папская грамота великому князю Александру Невскому старалась убедить его, что перед смертью отец его был присоединен ПIANO Карпини к... Римской Церкви. Но, несмотря на то, что папа Иннокентий ссылался при этом именно на самого Карпини, — последний ни одним словом не упомянул о таком важном для него событии, в весьма обстоятельном и подробном описании встречи своей с русским великим князем. Александр Ярославович знал об обстоятельствах кончины своего отца от чинов его свиты, и к тому же сам побывал в Орде вскоре после того. Как и все русские, он не сомневался в том, что Ярослав, по своему характеру и стойкости, не изменил бы православию, и что он в действительности умер православным.

Впрочем, для Руси новая попытка Рима подчинить ее себе духовно не создала никакого соблазна. Ватикан, повидимому, имел в виду произвести на великого князя особое впечатление ссылкой на его отца. Вообще же, вся нота папы Иннокентия выдержана в духе лести. Папа писал: "Слышали мы о тебе, князь, — говорится

в этой ноте, — что ты честен и дивен, и велика земля твоя; поэтому прислали мы к тебе от двенадцати кардиналов двух хитрейших — Галда и Гемонта, да послушаешь учения нашего“.

Кардиналы-легаты были отправлены в 1246 году в Новгород, но Александра Невского там уже не было. Они встретились с ним во Владимире, по возвращении его из Орды в 1251 году. Переговоры носили характер богословского диспута. Интересен ответ на папскую грамоту, составленный великим князем Александром с митрополитом, духовенством и советниками из бояр: "От Адама до потопа, до разделения язык, от разделения язык до начала Авраамля, от начала Авраамля до проития Израилева сквозе море, от исхода сынов Израилевь до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломоня до Августа Римьского кесаря и до Рождества Христова, до страсти и воскресения, от воскресения же Его и на небеси восшествия, до Константина царя, и до первого собора и до седмого собора добре сведаем; а от вас учения не примаем“.

После этого разрыв между православной Русью и католическим Римом стал окончательным.

Ни немцам ни полякам не удавалось сломить сопротивление русских силой оружия. Папские дипломаты и миссионеры не преуспевали, с другой стороны, ни в Киеве ни в Новгороде. А с появлением новой русской столицы — Москвы — интерес Рима к русским делам не только не ослабел, а, наоборот, возрос. И не только потому, что ценность христианской Руси была в глазах пап еще больше после того, как она избавилась от татарского ига. Западному христианству уже угрожал раскол Реформации и присоединение Русской Церкви к Риму было бы для последнего неоценимым подспорьем в религиозном отношении. Но в XV столетии папский престол был поставлен еще и перед острой заботой о противодействии турецкому продвижению на запад. И сговор с окрепшей Россией становился поэтому для Европы самой повелительной необходимостью. Вот эти обстоятельства и привели к новому и чрезвычайно настойчивому дипломатическому нажиму на Восточную

православную Церковь, как в слабеющем Константинополе, так и в усиливающейся Москве.

Нет никакого сомнения в том, что эта попытка воссоединения церковей через подчинение восточного христианства западному — отвечала реальным потребностям европейских стран, нуждавшихся в русской силе для отпора исламу, вновь ставшему грозной наступательной силой с тех пор, как меч его перешел из арабских рук в турецкие. Но если Византия, над которой уже был занесен этот меч, испытывала, в свою очередь, нужду в союзниках, — то Москва оказывалась в стороне от конфликта. Ей турки не угрожали прямо, а безопасность ее западных и восточных рубежей требовала от нее больше бдительности, нежели юг. Надо было заканчивать ликвидацию очагов татарской силы; поляки и литовцы держали в своих руках территорию Украины и Белоруссии — "вотчину святого Владимира", с Киевом и Смоленском.

Работать на Европу меньше всего хотелось Москве. Солидарность же русских с греками в московский период русской истории была уже значительно слабее, нежели в период киевский. И эта солидарность ограничивалась областью религиозной, то есть как раз областью, в которой и Византия и Москва сталкивались с Римом.

Получив христианскую веру из Византии, древняя Русь с христианской традицией восприняла от нее и основы своей духовной культуры. Она долго признавала затем старшинство Константинополя в религиозной сфере. Впрочем, уже расцвет христианского Киева при великом князе Владимире, Ярославе Мудром и Мономахе, — превращал столицу Руси в соперницу Византии, бывшей, в апогее своего могущества. Помимо того, русские были очень искренними прозелитами христианства и принимали его идеалы во всей их полноте и целостности. Они не стремились оправдывать собственные грехи и не обеляли свои недостатки в начале своей христианской жизни. Подмечая в грехах лицемерие, корыстные побуждения и духовные противоречия, — русские быстро утратили ученическое преклонение перед своими учителями.

К тому же чередовавшиеся волны нашествий при-

вели к вытеснению русского государства с Поднепровья: центр тяжести русской судьбы переместился на северо-восток, во Владимир и Суздаль; новое значение приобрели Тверь и Новгород. Затем быстро поднялась над русскими городами юная Москва. И там влияние Византии и связанность с ней были уже гораздо слабее.

Когда кафедру митрополитов "Киевских и всея Руси" перенесли во Владимир, то она там не осталась: ей естественно было помещаться в Москве. Сохраняя первое время титул "Киевских", — московские митрополиты утверждали этим преемство Москвы. Русского митрополита еще долго ставили по уговору между московским и провинциальным духовенством, константинопольским патриархом и русским великим князем. Русские долго еще строго соблюдали апостольское правило преемства своей иерархии через патриарха, состоявшего в подданстве византийского императора. На Византию поэтому Москва, по примеру Киева, смотрела, как на формальную преемницу Рима. И для всего восточного христианства византийские императоры были наследниками Константина Великого — не только последнего римского цезаря, но и равноапостольного христианского государя.

Они были, следовательно, правителями Восточной Римской империи, но и охранителями чистоты и неприкосновенности христианской веры. А это последнее качество было ступенью выше их качества монархов, носителей только государственной власти... В глазах западных христиан византийские императоры грешили узурпацией духовной власти — "цезарепапизмом". Но с точки зрения христиан восточных, римские первосвященники были, в свою очередь, повинны в узурпации власти светской, то есть "папоцезаризме".

Возвышение Москвы и нарастание могущества русского государства, в сочетании с внутренним упадком Византии и обострением грозившей ей опасности, укрепляли в русской столице сознание ее собственной роли в защите православной веры и православных народов. Если к этому добавить подозрительность Руси к Западу, возникшую под действием военно-политических посягательств шведов, немцев, поляков и литовцев на за-

падно-русские земли, то станет понятной неподатливость московского правительства при переговорах с Римом.

В дипломатических отношениях с Польшей и Литвой великий князь Иван III неизменно подчеркивал: "Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля из старины от наших прародителей наша отчина..." Папскому послу ставили на вид, что Польша и Литва желают силою удержать за собой исконные русские земли: "Папа положил бы себе то на разум, гораздо ли короли поступают, что не за свою вотчину воевать с нами хотят..."

Заигрывания Европы поэтому наталкивались в силу всех этих причин, на прочно укоренившийся скептицизм в Москве XV века.

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ИДЕЯ МЕССИАНСТВА

В 1453 году произошло событие чрезвычайной важности, — событие, которое оставило глубокий след не только в религиозной, но также и в политической жизни народов. Это — падение Константинополя, покорение турками Византийской империи и постепенное их продвижение на запад.

Естественно, что это величайшее событие имело целый ряд исторических последствий и для Руси; но в данном случае нас интересует лишь одно: мессианская идея вечного царства третьего Рима. Принятием религии от греков определилось новое направление русской истории. Определилось отношение Руси к западу: русские стали смотреть на события в жизни восточной и западной церковью глазами Византии. Исключительное положение последней мыслилось русскими людьми преимущественно, как религиозное: Византия — единый сосуд истинного православия. Идеи, заимствованные из Византии, получили на Руси широкое распространение. То были: идея вечного мессианского царства и идея преемства царств.

Мысль, что на земле до конца мира должна сохра-

ниться истинная вера, обыкновенно сопровождалась представлением о вечном царстве, где эта вера найдет себе убежище. И царство это сохранится до последних дней. Византия в представлении русских умов была носителем истинной веры. Поэтому понятен тот страх и недоумение, которые овладели русским сердцем при мысли: что же будет, если падет самостоятельность Византии? Как же мир будет существовать без истинной веры и ее носительницы и защитницы?

Когда Византии угрожала опасность, то ожидали конца мира. И на Руси ожидание "последних дней" определилось переводной греческой письменностью; во время усиленных ожиданий второго пришествия значительно возрос спрос на эсхатологическую литературу. И при этом особым распространением пользовалось мнение, что конец мира наступит после 7000 лет. Все окружающее наводило русских людей на эту мысль: монгольское порабощение, междоусобицы князей, эпидемии, пожары, голод. Все наталкивало на ту мысль, что восьмая тысяча — "образ будущего века". В предисловии к своей пасхалии об этом говорит митрополит Зосима. Подобный апокалипсический взгляд встречается у Максима Грека и у Андрея Курбского, который пишет: "горе живущим на море и на земли, яко разрешен бысть сатана от темницы своея на прельщение".

**

Время, однако, шло. Грозные годы проходили, а конца мира не наступало. И благодаря этому ожидание конца мира переносилось из религиозно-исторической сферы в религиозно-философскую. И в XVI веке уже приводятся признаки конца мира настолько общие, что они могут быть с успехом приложены к любой эпохе.

До тех пор, пока существовала политическая независимость и признанная сила Византийской империи,— до тех пор Константинополь пользовался правами вечного города. И идея вечного мессианского царства хотя и существовала среди русских книжников и была жизненна, — все же оставалась без практического приложения. Но достаточно было явиться некоторым условиям, чтобы эта идея пустила глубокие корни в русской

почве и распустилась пышным цветом. Условия вскоре создались и создавшие их исторические события быстро следовали одно за другим: Флорентийская уния 1439 года и падение Византийской империи после взятия Царьграда-Константинополя турками в 1453 году.

Русские книжные люди по-разному отнеслись к этим событиям. Но все же особенно их поразило первое, следствием которого считали второе: как **наказание за измену православию**. И вывод, сделанный на Руси из всех событий, был тот, что греки продали свое православие. Поэтому возник вопрос: где же теперь оплот истинного православия, которое должно существовать до последних дней?.. И на желательный для русского сознания ответ наталкивало поведение после Флорентийского собора московского великого князя Василия Васильевича, который выступил горячим борником Православия.

Флорентийская уния и падение Константинополя дали повод перенести идеи вечного царства и вечного города на русскую почву. И теперь уже не доставало только отчетливой формулировки, чтобы эта идея приняла законченный определенный вид... Но несомненно, что новизна сознанной идеи богоизбранности все же несколько смущала русских и они с особенным удовольствием желали найти какое-либо пророчество, которое бы предсказывало их новое положение. И, действительно, где только есть отдельный намек на слово "русский" или к нему относящееся, — русский ум с готовностью видел там предопределение своей участи из века.

Невольный потурченец Нестор Искандер, находившийся среди турецких войск, осаждавших Константинополь, записал все то, что ему удалось наблюдать. А впоследствии, по рассказам защитников Царьграда, Нестор записал и то, что происходило в его стенах. Таким образом создалась "Повесть о Царьграде", в которой встречаются строки и философского содержания: "Русский же род прежде создательными всего Измаилита победят Седмихолмного примут со прежде законными его и в нем воцарятся". И "русский род" укрепил в умах русских книжников идею о мировом значении русского народа. И в последующих "повестях" и "сказаниях" о

Флорентийском соборе и о взятии Константинополя — можно встретить уже более определенные выражения о мессианстве русского царства. Так в повести "О взятии Царя-града от безбожного турецкого царя Амурата" есть следующее место: "...русская земля Божиею милостью и молитвами Пречистыя Богородицы и всех святых чудотворцев, растет и молодеет и возвышается. Еже Христе милостивый даждь расти и младети и расширяться и до скончания века".

В Московской Руси не было определенного разграничения между политическими и религиозными идеями. Они сплетались в тот причудливый узор, который налагал особый, чрезвычайно характерный отпечаток на тогдашнюю русскую жизнь. Религия была общим фоном, на котором начинали проступать политические и социальные идеи, будучи еще окрашены отблеском от общего фона — религии. И потому нет ничего противоречивого в том обстоятельстве, что при наличии татарского ига могли у русского человека вылиться вышеприведенные строки. Таким образом, благодаря преобладанию религиозных элементов и в идеологии того времени и татарского ига, — Русь стала мыслиться русскими людьми, как центр истинного православия... Но при этом следует заметить, что, в виду ослабления монгольского владычества, начинает уже проявляться и политическая миссия Руси.

С централизацией земель в руках московского великого князя определилась и общерусская святыня: это — Москва с ее соборной церковью во главе. Поэтому весьма показательно описание преп. Иосифом Волоцким значения соборной русской церкви. Он писал: "...ее же достоит нареци земное небо, сияющу яко великое солнце посреди русские земли, украшену всяческими видами: и чудотворными иконами, и мощами святых: и аще благословил Бог в созданных жити, в той бязе, где бо инде"... В приведенном отрывке уже заключаются элементы идеи третьего Рима, и нужно было только назвать Москву с ее соборной церковью третьим Римом, — то есть сказать вслух то, что уже постепенно сложилось в представлении русских людей и с чем их ум успел уже освоиться.

Окончательный шаг в перенесении идеи богоизбранности царства в Москву был сделан Флорентийской унией и падением Константинополя. Но признание Москвы третьим Римом все же произошло не сразу: сначала Москва мыслилась, как второй Константин-град, новый Царь-град, существующий рядом с прежним, но его не заменяющий. И название Москвы третьим Римом стало вполне возможным лишь когда сравнение ее с Константиноградом уже достаточно примелькалось в умах тогдашних русских людей.

К концу XV и началу XVI вв. относится несколько литературных памятников, в которых прекрасно выражено настроение умов того времени и на них же можно наблюдать развитие и формулировку идеи богоизбранности Московского царства. А дальнейшее развитие идеи преемства наследия Византии проявляется в сказаниях, в которых уже выставляются исторические притязания. И, благодаря последним, можно наблюдать уклон мысли тогдашних людей. Так, начиная с "Повести о белом клобуке", — где картинно разворачивается идея перенесения на Москву роли мессианского царства, — во всех сказаниях и повестях того времени выяснялась и определялась идея русского царя и перенесения на него роли Византии. . .

Но трудно допустить, чтобы на Руси была собственная, **домашнего происхождения какая-либо легенда или сказание**, на почве которой развилась бы идея Москвы — третьего Рима. Так как в таком случае не было бы идеи преемства прав Византии, которое так определенно высказывается в "Сказании о Вавилонском царстве" и в "Сказании о князьях владимирских". Подобная идея могла появиться только в конце XV века или в начале XVI, то есть уже после падения Константинополя.

Надо еще отметить, что при победоносном шествии ислама на православном Востоке, мысль о переходе вечной миссии к русскому царству, — должна была появиться **не у одних только русских**. Появилась она и у южных славян, почему их взоры и обратились с надеждой на далекую и независимую "Московию", **к которой и стали прилагать все понятия Третьего Рима**. . . Такою

представляется связь: "поганые турки" не могли занять место Византии и на ее место должно было вступить только православное царство. И в сознании авторов славянских литературных памятников ответ на вопрос, кто встанет на место Византии, — был уже готов: — это — Русь.

ОПРИЧИНА ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

1.

Постепенно слагавшееся, — по мере того, как Московское удельное княжество превращалось в Московское государство, — новое общественное и государственное устройство утвердилось окончательно при царе Иване IV Грозном. Но этот новый порядок тяжело ложился на народ. Все здесь имело одну цель, одну задачу: добыть побольше денег и людей на военные надобности. Служить и платить приходилось по многу, чрез меру.

После свободы удельного времени закрепощение на службу и прикрепление к платежу податей казалось особенно тяжело. Поэтому население Московского государства, особенно те слои его, которые в удельное время пользовались совершенной свободой, — т. е. по преимуществу верхи служилого общества, — встречали новые московские порядки с большим неудовольствием. А, сравнивая московскую неволю с удельной свободой, мечтали о желательности возврата к ней. Другие же в тогдашнем обществе не хотели возврата прежних удельных порядков. Они предлагали царю учредить "единомысленный вселенский совет от всех градов и от уездных градов тех... безпрестанно всегда держати погодно царю при себе ото всяких мер, всяких людей и на всяк день их добре и добре распросити царю самому про всякое дело мира сего".

Но Московское государство устроившись точно огромный военный лагерь, в котором одни служили в войске, а другие платили на его содержание, — не терпело споров и противоречий и старалось сделать так,

чтобы все служили, как прикажут, а не по собственному рассуждению. И на все толки и действия, мешавшие делу по охране границ и обороне страны московское правительство отвечало суровыми наказаниями и казнями. Особенно казни усилились при царе Иване IV, что во многом объясняется его личным характером.

Царь Иван Васильевич вырос среди смут и насилий. Жестокий и скрытный от природы, привыкнув с детства видеть вокруг себя врагов и льстецов, — он не мог воспитать в себе доверчивости к людям. Страшный московский пожар 1547 г. и бунт народа заставили его смирить себя, подчиниться влиянию Сильвестра и Адашева; но с годами он делался все самостоятельнее и все меньше совещался со своими друзьями. С другой стороны, — по мере того, как устраивался государственный порядок, — и самые советы перестали быть такой необходимостью, какой они были во время полного неустройства государства; советники же, привыкнув принимать участие в управлении, надоедали царю, оскорбляли его самолюбие. Жаждавший видеть себя таким же вдохновенным и помазанным свыше царем, как Давид, Соломон или Константин, — он не мог терпеть такого обращения с собою.

Случилось обстоятельство, окончательно разделившее царя Ивана с его советниками. Зимой 1553 г. царь опасно заболел и все думали, что он умрет. Больной назначил наследником малолетнего своего сына Димитрия и приказал боярам присягнуть ему. Но многие из бояр отказались давать присягу "пеленичному" царевичу и склонялись на сторону двоюродного брата царя — Владимира (Старицкого). Среди бояр поднялись шум, споры, брань — и все это слышал больной царь. Стало ему известно, что Сильвестр и Адашев, хотя и молчали, но не убеждали бояр подчиниться воле царя. Тяжело переживал больной такое отношение к своей семье со стороны бояр, которые столько раз клялись служить до гроба ему, царю Ивану, и кому он укажет, — и вот забыли о чем присягали.

Недовольство советниками, до того незаметно нараставшее в душе царя, перешло в недоверие. Пережитое во время болезни сомнение в близких и тревога

за будущее никогда не забывались царем. Выздоровев, царь Иван поехал в Белозерский монастырь и по пути заехал в Песношский монастырь. Там жил Вассиан, бывший коломенский епископ, сосланный во время боярского правления. В разговоре с ним царь Иван сказал: "како бы могл добре царствовать и великих и сильных своих в послушестве имети?.." "Аще хочещи само держцем быти, — ответил Вассиан, — не держи себе советника ни единого мудрейшего себя, понеже сам еси всех лучше; тако будещи тверд на царстве и все имати будещи в руках своих".

У царя Ивана были сторонники. Дело бояр-княжат не находило сочувствия в стране. Против них были все высшие незнатные служилые люди, которым бояре не давали хода в думу и к высшим должностям; против них были средние и мелкие служилые люди, стесненные большими землевладельцами-боярами. Военную силу Московского государства составляли люди, которым правительство давало землю в поместье "для службы" как жалованье за службу, и помещики должны были являться на службу по первому призыву. Лучшие земли, находившиеся в местах удаленных от неприятельского нашествия, принадлежали боярам и правительство могло давать служилым людям земли у границы, где можно было ждать вражеского нападения. Это вызывало недовольство служилых знатным боярством.

Не были довольны знатью и жители городов, у которых знатные люди перебивали торговлю, выхлопывая себе у государя грамоты на беспошлинную торговлю в городах.

Большая часть духовенства, особенно монастыри с большими землями, видели в знатном боярстве соперников и стояли за сильную единую власть в государстве. Духовенство своими трудами в литературе, проповедью, всеми имевшимися в его руках средствами стояло на стороне московского государя, благословляя и оправдывая каждый его шаг. На упреки противников эта часть духовенства умела отвечать словом и делом. Посланиями и сочинениями писатели этой части духовенства создали и укрепили самую идею о величии царской власти. Это они называли Москву третьим Римом, а

ее государя — христоименитым, новым великим Константином нового града Рима-Москвы.

Во главе этой правительственной части духовенства стоял во времена Ивана III игумен Волоколамского монастыря преп. Иосиф; поэтому и людей его образа мыслей противники называли "осифлянами". Своих сторонников правительство вознаграждало всеми благами земными: у них скопилось масса жалованных земель, они получили многие льготы и права. На этой почве и создано боярское сопротивление. Духовные писатели из боярской среды или разделявшие мнение ее о первенствующем положении бояр, не находили слов для осуждения осифлян. На укоризненные речи и упреки правительство царя, его старинные слуги и духовенство — осифляне отвечали требованием, чтобы власть была сильна, едина и не стеснялась в средствах, казнила и ссылала без пощады супротивных.

Вражду и недоверие к княжатам князь Иван IV унаследовал от отца и деда. Еще у них шла большая "нелюбовь" с великородными боярами, потомками прежних удельных князей. Предки царя Ивана на "престол великого царствия" вошли с удельного стола и принесли с собой туда свои удельные привычки. Князья — хозяева в своих уделах, там они не терпели рядом никакой связывающей их власти; обычный боярский совет не имел никакой власти. Московское государство выросло из московского удела и князьям московским трудно было отвыкать от привычных удельно-хозяйственных взглядов и поступков.

Чувство внешней независимости, чуждое удельному князю, рисовало перед глазами московского государя полноту власти татарского хана. Укрепившаяся идея об унаследовании мирового значения византийского имперума, — как власти богоустановленной и священной, -- тоже не могла мириться с притязаниями княжат на дележ власти, на обязательное для царя участие их в ней. Московские государи, начиная с Ивана III, не упускали случая показать на деле, что в их воле признавать эти притязания на место в правительстве, но только... пока это государю угодно, ибо бояре-княжата, хотя знатные люди, но такие же слуги великого государя, как

и все остальные. Поэтому московские государи стали чуждаться советов, какие им навязывали бояре-княжата и на "высокоумство" Василий III отвечал тем, что рубил головы и резал языки. Правда, не столько княжатам, сколько их сторонникам из простых бояр и дьяков.

Но согласия между государем и боярами-княжатами это не создавало. Со времени Ивана III начинаются дворцовые смуты, и интрига свивает себе прочное гнездо при московском дворе; знакомым делом становятся в Москве тайные убийства: не своей смертью гибнет мать Ивана Грозного, умирают бояре, князья и другие.

При царе Иване это обострение взаимных отношений царя и высшего боярства достигло большой напряженности и царь пришел к решению освободиться от советников, от всяких обязательств к ним и быть государем на всей своей воле, самому держать свою власть. Но царь не сразу дал ход этим своим задушевым желаниям и еще около семи лет после его болезни избранная рада с Адашевым и Сильвестром продолжала находиться при его особе, хотя первенствующее значение ее пало все больше.

2.

Наступил 1559 год. Отношения русского государства к двум его соседям, крымцам и ливонцам, сложились к этому времени так, что являлась возможность напасть на обоих и одним ударом обезопасить себя от нападения с их стороны. Советники и вся рада советовали покончить сначала с Крымом, но царь склонялся к тому, чтобы сначала завоевать Ливонию, чтобы приобрести берег моря и открыть независимые сношения со странами Запада, что обещало большие выгоды русской торговле. Желание это окрепло у царя Ивана после того, как завязались прочные торговые сношения с Англией, когда в 1553 году в устье Северной Двины буря занесла английский корабль. Он был отправлен разыскивать морской путь Северным океаном в Китай, — но, вместо этого, англичане нечаянно открыли морской путь в Московское государство.

Воспользовавшись смутами в Ливонии, Царь Иван

отправил в 1558 г. туда свое войско под начальством касимовского хана. Татарские отряды безжалостно опустошали и грабили несчастную страну. Сильвестр постоянно напоминал царю, что ливонцы-христиане, и грозил ему гневом Божиим за пролитие христианской крови... Это возбуждало в царе неудовольствие и недоверие, которое усилилось, когда скончалась царица Анастасия Романовна, очень не ладившая с его советниками. Враги княжат и избранной рады начали нашептывать горевавшему царю, что царица умерла неспроста: была отравлена доброхотами Сильвестра и Адашева... Царь нарядил суд над оговоренными — и оба были обвинены: Сильвестра сослали в Соловки, Адашев умер от горячки.

Вокруг царя стали теперь другие люди, которые чернили перед ним прежних его друзей, называя их колдунами, отравителями. Смерть жены, разрыв с прежними друзьями сделали царя одиноким — и он предался разгулу; пиры сопровождалась потехами и играми. Но это мало успокаивало царя и увеличивало раздражение против бывших друзей, неодобрительно отзывавшихся о его поведении. В этом несочувствии его поведению царь видел ослушание его власти, желание понизить его царское достоинство. Казни княжат и людей, известных своим сочувствием к прежним советникам царя, начались очень скоро: казнены были все родственники и близкие Алексея Адашева и все те, кого считали за его единомышленников.

Среди бояр пошли слухи, что царь хочет известить все боярство, и тогда многие из них стали думать об "отъезде", как бывало в удельное время. Но куда было отъезжать? Удельных князей больше не существовало, — был только один государь всея Руси. Отъехать можно было только за границу. Но все эти государства были политическими соперниками Руси; с ними всегда могла возникнуть война: отъезд туда становился изменой. Когда произошло несколько случаев "отъезда", царь Иван стал брать с бояр клятвенные поручные записи о неотъезде. И за боярина, дававшего такую клятвенную запись, должны были поручиться другие бояре.

Гнев царя, гроза его на бояр особенно усилилась,

когда отъехал в 1564 году боярин и воевода, князь Андрей Курбский, когда-то один из лучших друзей царя и участник избранной рады, — "любимый мой", как называл его царь. Теперь же этот "любимый", — покинув вверенное ему войско, не только отъехал к польско-литовскому королю, когда узнал о перемене в царе и гибели своих друзей, — но еще повел и отряды польского войска против русских... Из-за границы Курбский прислал царю письма, в которых жестоко и резко укорял его за ненависть к боярам и оправдывал свой поступок; упрекал царя в том, что он лучше готов погубить государство, чем поступиться гордостью.

Царь отвечал отъехавшему боярину и приводил примеры боярской измены и предательства, упрекал Курбского в его бегстве и измене. На воспоминание Курбского об удельных временах, когда предки его и других княжат были такими же князьями, как и предки московского государя, — царь Иван отвечал, что действительно было так. Но если во время Ветхого Завета нужно было обрезание, то в Новом Завете нужен крест; если в удельное время было самовольство, то теперь настало время царского владения... Резко определились в этой замечательной переписке взгляды княжича-боярина и царя всея Руси на власть и ее значение в государстве.

Еще Иван III завел при московском дворе обстановку и церемониал, напоминавшие византийский придворный; его внук, признанный всеми царь, именует себя так: "Мы, царь и великий князь Иоанн Васильевич, Божию милостию всея Руси самодержец"... и т. д. Он высоко ставил свое царское достоинство, как древнее и неизменное. Свысока смотрел он на избранного панами польского короля и писал ему: "Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по Божию изволению, а не по многмятежному человеческому хотению". В другой раз Грозный говорил полякам, что он считает себя выше римского императора и французского короля.

Ради большей важности московские книжники придумали пышное происхождение для рода государей всея Руси. По этому родословию выходило, что Рюрик

был в четырнадцатом колене потомок Пруса — небывалого брата римского императора Августа!

3.

Постоянно доходившие до царя слухи, что тот или иной боярин хочет отъехать, господствовавшее в народе недовольство новыми московскими порядками, заставлявшее вспоминать о прежнем удельном времени, — все это очень раздражало и без того уже подозрительного, мнительного царя. Занятый мыслью, какие бы меры принять для спасения себя и государства от боярских крамол и от возвращения к прежним удельным порядкам, — царь решил, наконец, покончить со всем этим одним ударом. И 3 декабря 1564 года он вдруг уехал из Москвы.

Царь и раньше часто выезжал на богомолье в ближние и дальние монастыри; но этот выезд не был похож на прежние. Царь выехал со своей казной; тем боярам, дворянам и приказным, которым велел ехать с собой, приказал захватить жен и детей. Служилые люди ехали за царским поездом, вооруженные как бы для дальнего похода. Народ с недоумением смотрел на происходившее. Оставшиеся в Москве митрополит, бояре и другие высшие чины ничего не понимали и не знали, куда едет царь. А в это время шла война с Ливонией и грозило нападение крымских татар. Народ смутился и роптал; бояре не знали, что делать.

Месяц продолжалась эта неизвестность. Наконец, 3 января 1565 года прибыл от царя, остановившегося в Александровской слободе, гонец с грамотой к митрополиту. В ней были прописаны "измены боярские, воеводские и всяких приказных людей", указывалось, какие убытки государству делали они до совершеннолетия государя. И за все это царь клал свой гнев на них и в конце грамоты объявлял, что он "от великой жалости сердца, не могши их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство и поехал поселиться, где ему Бог укажет"... К гостям, купцам, ко всему простому "всенародству" Москвы царь прислал особую грамоту и велел прочитать ее на площади. В этой грамоте гово-

рилось, чтобы простые люди никакого сомнения не держали; царского гнева и опалы нет на них никакой, что царь хочет только укрыться от лиходеев-бояр.

Все начали упрашивать митрополита, чтобы он с высшим духовенством и особо чтимой святыней отправился к государю: умилиствовал бы его; упросил бы не оставлять государство; молил бы царя владеть и править, как ему угодно. С таким поручением от всей Москвы явились к царю митрополит с духовенством и боярами, пали ниц пред ним и объявили общее решение: пусть правит, как ему угодно, только бы "паки принял свое государство"... Царь сначала и слышать не хотел о возвращении на царство. Но потом, как бы сдавшись на общие моления, сказал, что, — ради мольбы епископов и архиепископов, — согласен вернуться, но с условием, а с каким — обещал объявить после.

В начале февраля того же года царь торжественно въехал в Москву; созвал всех бояр, высшее духовенство и определил на каких условиях соглашается он снова принять государство. Прежде всего, царь сказал, чтобы ему была беспрекословная воля на всех изменников и ослушников опалы класть, а иных казнить, имение же их отобрать в казну. Все государство царь делил на земщину и опричину (от слова "опричь" — кроме). В опричину были взяты земли в центральных и северных местностях государства; земщиной называли все пограничные земли. Во главе земщины царь оставил боярскую думу, которая должна была править данной ей частью государства, постарому; сам царь в свое непосредственное управление взял опричину. Отчисленные в опричину земли и люди составили особый двор государев, в котором он и начал, как обещал, "опалы класть на своих изменников, ослушников казнить, имущество же их брать на себя", стараясь всюду уничтожить последние следы удельного времени.

Во взятых в опричину землях Грозный сорвал княжат с их старых родовых гнезд, где они еще чувствовали себя владетелями, и поселил подальше. Эти потомки удельных князей первые и пострадали от новых опричных порядков, когда очутились среди населения, которое их не знало и относилось к ним равнодушно. К

тому же и служилых людей бояр-княжат Грозный обратил в служилых людей великого государя.

На отобранных землях, — пользуясь доходами с богатейших местностей, располагая своими особыми опричными слугами, — царь Иван постепенно "перебирал" служилых людей и знать. В этой переборке и погибли последние остатки удельного быта. А, подорвав путем переселения хозяйственную силу и местное значение княжого боярства, — он нанес решительный удар и первенствующему положению княжат в правительстве. По виду только он оставил как будто неприкосновенным прежнее государственное значение боярства, как высшего правительственного класса. Правил своим царством при помощи тех же бояр; только в бояре он больше стал жаловать тех, кого хотел, не считаясь с знатностью или происхождением угодных ему лиц.

Удалившись в опричину, он оставил во главе текущих дел боярскую думу, на имя которой присылал свои распоряжения. Но в думу с его времени доступ получили и люди незнатные, в качестве думных дворян и думных дьяков. И с этого времени думное звание становится чином, до которого может дослужиться и человек незнатный. Тем самым прежний сплоченный кружок бояр-правителей скоро потерял свою самостоятельность. Правительственное значение прирожденных думцев пало. Таким образом, именно царь Иван IV положил начало новому порядку, в котором прежний аристократический строй правительства Московского государства превращался в бюрократический. Бояре-княжата и в правительстве должны были стать по отношению к власти царя в положение его подневольных слуг, в его государских холопов.

В своем опричном дворе он жил, как господин и государь, среди своих холопов, страдников, перед которыми и через которых мог без помехи проводить свою личную власть. В опричники он набрал людей не знатных, а знатных допускал лишь при условии, что они про свое "великородство" забудут и признают, что "государь — Бог: малого делают великим и великого ни во что не вменяет". Действительно: в противовес боярству, царь Иван выдвигал значение средних служилых лю-

дей и посадских, которые были настроены против бояр.

В трудные минуты государственной жизни царь всея Руси созывал выборное служилое начальство представлять за все разряды служилого и посадского населения. Из этих собраний при царе, соборе духовенства и боярской думы и составились земские соборы XVII века, являющиеся третьей после царя и думы силой в Московском государстве первой половины этого века. Пока это еще слабая сила, и нужны были события Смутного времени, — всколыхнувшие все государство, все общественные слои, — чтобы совещательное представительство интересов службы в московском правительстве стало заменяться действительным представительством всей земли, всех классов населения. В XVI веке об этом мечтали только отдельные лица.

Царь Иван Васильевич два раза созывал земские соборы: в 1550 и 1566 годах. Задача первого Собора — обсудить улучшение местного управления и суда; второго — решить вопрос о войне с Польшей. Даже для учреждения опричины и оправдания наступивших с ней казней царь искал признаков формального согласия и одобрения народа. С самодержавием грозного царя уживалось довольно широкое развитие местного самоуправления, с выборным местным начальством, обязанным известной отчетностью перед избравшим его населением и перед центральной властью. Он ценил свое самодержавие пока только как независимость государя от Богом данных советников.

Самодержавие царя Ивана Грозного далеко не сформировалось при нем в те размеры, какие намечаются самым смыслом этого слова, т. е. оно не доросло еще при нем до полной неограниченности своих проявлений. Провозгласив свою независимость от каких бы то ни было ограничений вовне и внутри страны, — эту свою неограниченность царь Иван умел выражать лишь в тех пределах, какие очерчивались старыми удельными представлениями о государе — хозяине и вотчиннике. А эти пределы кончались правом царя неограниченно распоряжаться зависимыми от него слугами, живущими при нем на его земле, Но не порядком, покоившимся на обычае, который в государствен-

ном устройстве требовал обязательного для государя участия в правлении высшего класса.

От "самодержавия" Грозного царя этот государственный порядок потерпел лишь постольку, поскольку пострадали от него лица, представители того общественного слоя, сплоченностью и силой которого был крепок тогдашний политический порядок, т. е. бояре-княжата. Боярская дума при нем попрежнему стояла во главе правительства. Когда государь ушел в свой опричный двор и взял себе в государстве опричную часть, — управлять остальной частью он предоставил боярам.

Итак, опричина царя Ивана IV была учреждена им для борьбы с боярством, в котором он подозревал всякие крамолы, и для борьбы с прежними удельными порядками, когда на землю было много хозяев. Московский государь хотел быть единым хозяином и властителем земли. Поставив под грозу опричины все то, что могло нарушать государственный порядок, как он его понимал, — царь Иван мог надеяться, что предупредит измену, которую его болезненная подозрительность усматривала всюду; а под изменой он разумел приверженность к удельной старине. Но сгубив политическую силу и значение княжат, опричина больно отозвалась на служилых людях и крестьянстве. Раздробление крупных вотчин княжат между мелкими служилыми людьми, перемещение многих служилых разорило тысячи хозяйств; крестьяне бежали от земельных владельцев, которые по бедности не могли поддерживать их. Страна беднела и оказывалась не в силах платить налоги и поставлять войско в прежних размерах...

4.

Для прямой борьбы с "изменой" царь составил особый отряд служилых людей. Набранные из разгульной бездомной молодежи, одаренные поместьями и богатым жалованием, одетые в богатые кафтаны и всегда пьяные, — опричники имели одно дело: должны были "грызть" изменников государевых и выметать

измену из государства, в знак чего к поясу каждого опричника или к узде его коня были подвешены помело и собачья голова. У подозрительного царя таким слугам нашлось много дела.

Настало злое время на Руси, обильное казнями и преследованиями тех, кто казался подозрительным, сочувствующим удельным воспоминаниям. Царь не остался жить в Москве; он уехал в Александровскую слободу и сюда опричники доставляли мнимых изменников. Здесь пытали их, всячески мучили и казнили. Из числа опричников царь выбрал 300 наиболее жестоких и назвал их иноками, а себя игуменом. Поверх блестящих кафтанов велел им надеть монашеские рясы и завел свою монастырскую жизнь. Рано утром отправлялся царь на колокольню трезвонить. Под страхом строгого наказания полупьяные и не отдохнувшие от кровавой расправы, опричники спешили в церковь. Сам царь молился усердно и часами простаивал на коленях. Но... в церковь приходили и палачи за распоряжениями и, прерывая молитву, царь указывал каким наказаниям подвергать заключенных. По окончании всех церковных служб, положенных по уставу, вся братия садилась за богатую трапезу. Царь же читал обедавшим жития святых, отрывки из святого Писания и поучения святых отцов церкви...

Казни были и в слободе и в Москве; озверелые от крови и вина рыскали опричники по улицам, врываются в дома жителей и хватали мнимых изменников. Ужас овладел несчастными жителями, но все дрожали и молчали. Только митрополит Филипп осмеливался "печаловаться" за осужденных и замечать царю. Однажды митрополит всенародно укорил его и в храме, переполненном народом, он отказался благословить царя, сказав ему: "От века не слыхано, чтоб благочестивые цари волновали так свою державу, и при твоих предках не бывало того, что ты творишь; у самых язычников не происходило подобного"... Царь, сдерживая гнев, только повторял на это: "Молчи, одно говорю тебе... Молчи, отец святой, и благослови нас!" Но Филипп не давал благословения и на угрозы ответил: "Я постырь стада Христова!" — и молил прекра-

тить казни, говоря так: "Здесь мы приносим Богу бескровную жертву за спасение мира, а там за алтарем льется безвинно кровь христианская. Ты сам просишь прощения перед Богом, прощай же других, согрешающих перед тобой".

Но таких поучений не мог стерпеть грозный царь и над митрополитом был назначен суд, порешивший низложить его. И вот однажды, когда митрополит Филипп торжественно служил обедню в Успенском соборе, в храм ворвалась с шумом толпа опричников. Прочитав указ о низложении святителя, они бросились на него, сорвали с него облачение, накинули рваную монашескую рясу и метлами выгнали из собора.

Этот жестокий поступок царя Ивана был только одним в ряде тех, которыми он думал освободиться от влияния и другого совместника своей власти — высшего духовенства. Бояре-княжата свое право на участие во власти основывали на прирожденности этого права. Право же на самостоятельное значение при московском государе митрополита всея Руси основывалось на старине и обычае. С самых ранних времен утверждения христианства на Руси, митрополит занял очень высокое положение при князьях киевских времен; сохранил это свое значение и в удельное время и в Москве.

Как детство царя Ивана определило его отношение к княжатам, так ранняя юность определила его отношение к духовенству. В минуту раскаяния после страшного московского пожара, царю понравилась нелестная речь протопопа Сильвестра, обличавшего беззакония его жизни, — и он приблизил к себе Сильвестра. Но это был очень тяжелый человек для жизни с ним рядом. Характер его лучше всего рисует составленное им руководство для порядливого жития, так называемый "Домострой": сухой формалист и книжник, он всю жизнь человека укладывал в рамки строгих правил. Избранный любимец царя, он и его жизнь стал направлять по "Домострою"; к тому же распоряжался делами и даже его именем раздавал должности. Но с течением времени те же факты, которые раскрыли царю глаза на кажущееся только повиновение его воле княжат, подо-

рвали и значение Сильвестра. Подошла минута, когда царь освободился и от него. Но господство Сильвестра оставило неприятное воспоминание в душе царя Ивана и, — в сознании своей боговдохновенности и величия, как помазанника Божия, — он стал отрицать всякую надобность для царя в обязательных советниках.

Мы знаем, как он решил дело о советниках-княжатах; одинаковое решение поставил и относительно советников из духовенства. "Священство, — писал он, — не должно вмешиваться в царские дела; дело монахов — молчание; иное правление святителей и иное царей"... Утвердившись на такой точке зрения, царь Иван повел дело и в отношении к духовным советникам так же беспощадно-круто, как и по отношению к княжатам. После смерти робкого ученого митрополита Макария, царь Иван сменил одного за другим двух митрополитов; третьим был Филипп, поплатившийся жизнью за неуместное, с точки зрения царя Ивана, "печалование". Последовавшие за ним слабохарактерные митрополиты "только молчали": разрешили царю четвертый и пятый браки, вопреки каноническим правилам, и уже не пробовали вмешиваться в дела и поступки "царского величества". Новгородский архиепископ Пимен был утоплен, а его преемник Леонид зашит в медвежью шкуру и затравлен собаками, — оба по одному только подозрению в противлении царской власти.

После казней, царь Иван ослабил бояр-княжат отобранием их имений. По отношению к духовенству он предпринял ту же меру: обложил монастыри тяжелыми взносами.

**

Вернувшись в Москву после Новгородского погрома, царь Иван занялся разбором дела тех лиц, которые якобы замыслили вместе с новгородцами измену. Обвиненные запутали под пытками много других, так что число всех прикосновенных к делу и осужденных на казнь превысило триста человек. И на Красной площади перед Кремлем вырос целый лес виселиц, всюду разложили костры, вбили в землю заостренные ко-

лья, на высоких перекидках повесили огромные котлы... Царь сказал народу: "увидишь муки и гибель изменников!" Затем начались казни и изуверства опричников.

После этих страшных московских дней 1572 года казни затихли. Опричина, уничтожая последние следы удельного времени, разрослась чуть не во все государство — и тем самым перестала существовать. С другой стороны, и сам царь устал от крови и жестокостей. В минуты раскаянья он уединялся, молился и посылал по монастырям богатые вклады за упокой погубленных им — "убиенных мужского и женского и детского чина"... Тяжело было Грозному царю и в минуты раскаяния он хотел уйти в монастырь. А скоро к мукам душевным прибавились телесные недуги. Но характер, вспыльчивый и раздражительный от природы, не умел покориться рассудку: в минуту гнева и ярости царь Иван не умел сдерживаться и думать о последствиях своих поступков. И случилось так, что в минуту крайнего раздражения он убил своего старшего сына.

Между тем, Московскому государству приходилось плохо. Неурожай вызвали голод и люди умирали массами; явилась и заразная смертельная болезнь. Росло недовольство в народе, начались и бунты. К печальному внутреннему состоянию присоединились внешние бедствия и поражения от соседей. В 1571 году крымские татары прорвались чрез оборонительную линию и увели больше 150.000 пленных; после длительной и неудачной войны с Польшей, Москва вынуждена была заключить перемирие в 1582 году; неудачен был и мир, заключенный со Швецией в 1583 году. Зато борьба с восточными соседями проходила удачно. Взятие Казани и Астрахани открыло для русской предприимчивости обширные земли, а покорение Сибири Ермаком завершило эти победы. После неудач ливонско-польской войны весть о покорении целого царства, славившегося своим богатством, пришла во-время. Приободрился народ, обрадовался царь, начавший болеть.

Царю Ивану IV Васильевичу было в это время всего 50 лет, но по наружности был он стариком. Невоздержанная жизнь и душевные муки рано состарили

его. Зимой 1584 года у него открылась опасная болезнь: тело его гнило внутри и пухло снаружи. Болезнь усиливалась, сопровождаясь ужасными болями, истощавшими окончательно ослабевшего царя. Помочь не могли доктора и знахари... 18 марта того же 1584 года царь, сидя в постели, вдруг опрокинулся навзничь. Над полумертвым царем духовенство совершило обряд пострижения и, нареченный в иночестве Ионой, Грозный царь скончался.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АВАНТЮРИСТ

I

Любопытное происшествие имело место в Московском государстве в царствование Иоанна Васильевича Грозного.

Как известно, доступ иноземцев в Московию был затруднен донельзя. Немецкий писатель выражается по этому поводу весьма образно: "В течение целых веков даже птицам едва удавалось пролетать в границы Московского государства..." Действительно, проезд дозволялся только посланнику или торговцу. Да и то прибытие их обставлялось необыкновенными мерами предосторожности. Приезжающих в Россию иностранцев пограничные воеводы пропускали обыкновенно лишь после запроса в Посольский Приказ или при получении оттуда известительной о приезде такого-то иностранца грамоты. Только около 1689 года воеводы стали часто довольствоваться простым заявлением иностранца о своем имени и цели приезда.

Частным лицам, — так сказать тогдашним "туристам", желавшим лишь посмотреть Московское государство, — приходилось не легко. Любопытные иностранцы пробовали заручаться рекомендательными письмами от западных государей, но и это часто не помогало им в свободе передвижения по Московской стране. К таким туристам правительство московское относилось чрезвычайно подозрительно и недоброжелательно. Смотри, вероятно, по солидности рекомендации, таких посетителей то просто не пропускали, то уклоня-

лись от чести их посещения под весьма любезными предложениями.

По рассказу Карамзина, знатный рыцарь Поппель, большой любитель путешествовать, в 1486 году приехал в Москву с письмом германского императора, простым туристом, "без всякого особенного поручения, единственно из любопытства" посмотреть Россию. Так как ему не верили и думали, что он подослан Казимиром литовским, то самое лучшее для него было поскорее выбраться из России, что и совершилось благополучно.

В другом случае в ход была пущена тонкая дипломатия. В конце 1492 года явился в Московское государство Снупс с рекомендательным письмом к Иоанну III от римского императора Максимилиана I. В своем письме император объяснял, что Снупс приехал "тем обычаем, иже бы твое и иных князей земли и государства узнал и достоверно бы обычаи увидал и розных людей языков. А большое в твоей земле того языка учиться желает, для своей охоты..." Максимилиан просил ласково принять Снупса и оказать ему содействие в его деле: "да и к своим бы еси ему дверем велел приходитьи и ласку свою и жалованье свое к нему бы еси держал для нашия просьбы..."

В планах Снупса было проехать на север России, почти неизвестный в то время. Но его любезно попросили вернуться, снабдив грамотою к Максимилиану, где говорилось, что московское правительство опасается, как бы путешественнику в дальних землях, за неудобностью пути, "которая притча не сталася..."

**

При всех этих условиях, тем более удивительным является любезный прием в Москве Рафаэля Барбарини в 1564 году.

Кто бы мог подумать, что ко двору сурового московского владыки, отнюдь не любившего шутить, явится чистокровный авантюрист, самовольно присвоивший себе права и привилегии уполномоченного иностранного государя, — королевы Елизаветы, властительницы тоже не мягкого и кроткого характера. И если еще вспо-

мнить чрезвычайно строгие законы относительно въезда иноземцев в Московию, замкнутость и строгую обособленность русской земли в те времена, то этот исторический факт становится еще более достойным внимания и удивления.

В личности Рафаэля Барбарини и в его приезде вообще очень много странного, трудно объяснимого. Во-первых, Барбарини — итальянец, а приезжает в Москву с рекомендательной грамотой английской королевы; во-вторых, его не только принимают в Москве, но обставляют посольскими почестями: он едет с приставом, на казенный счет, имеет аудиенцию у царя Иоанна и приглашен к его столу... Между тем, в рекомендательной грамоте королевы ровно ничего не сказано о каком-либо дипломатическом поручении Рафаэля Барбарини или о его официальном положении. Там просто — "рекомендация".

В этой "рекомендации", между прочим, сказано: "Особенная ваша любовь к нам и к нашим подданным соделывает то, что и в настоящее время, сею нашею грамотою, мы рекомендуем вашему величеству некоего Рафаэля Барбарини (хотя природного) итальянца, но нам, по некоторым отношениям, чрезвычайно любезного. Поэтому мы просим, чтобы сей муж, по вашей милостивой воле, и, если то нужно будет, по властному повелению вашему, был милостиво принят вашим величеством, и чтобы ваши подданные оказали ему дружеское любие, чтобы как ему, так и находящимся при нем с их имуществами было дозволено безопасно приезжать в ваши царства и области, проезжать через оныя, в них пребывать сколько он пожелает и оттуда отъезжать и совсем выезжать, когда ему или находящимся при нем то можно будет. Все таковыя дружелюбныя распоряжения как крайне желательны ему, столь же будут весьма приятны и для нас. С своей стороны и мы в подобном случае, если того потребуют дела ваших подданных, по вашей просьбе с готовностью сделаем то же".

Снисходительность царя Иоанна, конечно, можно было бы объяснить особенным его расположением к "сестре Елисавете", у которой он одно время думал искать убежища; которой делал и брачное предложение.

Но, думается, этого еще мало для такого доверия. Правда, царь замышлял заключить с Англией особый союзный договор, в проект которого им была включена статья о том, "чтобы подданные обеих союзных стран могли свободно приезжать и отъезжать по всем государствам, областям и местностям каждой из них без препятствий и задержания".

Но дело в том, что этот проект был выработан впоследствии, а именно в 1659 году, т. е. через несколько лет по приезде и разоблачении Барберини. Проще всего дело объясняется тем, что хитрый итальянский авантюрист сумел сам себя выдать за доверенное лицо королевы Елисаветы и сделал это настолько искусно и внушительно, что ввел в заблуждение даже осторожное московское правительство.

II

Можно себе представить, каково было смущение посольского приказа и гнев Грозного царя, когда в Москве было получено письмо английской королевы от 20-го апреля 1566 года, посланное с Антоном Дженкинсоном, где разоблачалась выдумка Рафаэля Барберини и его дипломатическое самозванство. Королева Елизавета писала, что рекомендовала Барберини "в милость вашего величества, как путешественника, а не как уполномоченного для переговоров. Наш прелюбезный слуга Антон Дженкинсон лично своими речами, но нашими словами, объявит в присутствии вашем наше суждение об этом итальянце, который осмелился употребить во зло и нашу рекомендательную грамоту, и благосклонность вашего величества".

Ловкий авантюрист ухитрился провести и королеву Елисавету, надеясь с ее грамотой войти в доверие у московского правительства и приобрести у него — в ущерб английской торговле — торговые льготы для другого государства. Такое подозрение высказывает и сама королева в наказе, данном Дженкинсону, в числе статей "для объявления от имени ее величества царю русскому". Там говорится и о "лжи", которою Барберини выманил у королевы Елисаветы ее рекомендацию. "Так,

её величество известилась, что некто Рафаэль Барберини — итальянец обманул её величество; она признала долгом чести предупредить о сем его величество, с тем, чтобы царь не давал никакой веры сказанному Барберини или кому-либо из находящихся с ним в тайных сношениях, но был бы вполне предуведомлен об их поступках, так как они до того были дерзки, что, употребив пред королевиною особою ложные представления, — он получил от неё рекомендательную грамоту к его величеству. Её величество подозревает (и не без причины), что они в скором времени прибегнут к новым проискам или в противность чести его величества и в ущерб его подданным, или для подрыва торговли её подданных в его владениях. Это было бы крайне прискорбно ее величеству не только по доброжелательству её к его величеству и к торговле её подданных, но и потому, чтобы его величество не приписало проступков этих иностранцев недавно присланной его величеству рекомендации их величеством“.

После такого серьезного разоблачения, Хлестакову XVI столетия, несомненно, грозили бы в Московском государстве весьма крупные неприятности. Пожалуй, он попал бы в "застенки" и совсем не снес бы головы. Но, к его счастью, он в это время уже покинул русскую землю.

Много ума, хитрости и смелости надо было иметь итальянскому авантюристу XVI столетия, чтобы больше 400 лет тому назад ловко обмануть проницательного царя Иоанна Васильевича и умнейшую королеву Елисавету.

ГАЙДАМАЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1.

С началом XVIII столетия на правой стороне Днепра было уничтожено казачество. А, вместе с ним, уничтожена и та излюбленная форма, в которую искони отливался протест малорусского народа в его столкновениях с поляками. Протест, однако, продолжал существовать и искал выхода. История снова предоставляла творчеству и энергии народа отыскать себе этот выход; создать его, как он создал когда-то казачество.

Началось брожение. Началось оно, естественно, там, где густота населения накопляла протест, то есть на Волыни, в заселенной части Польши... Но это брожение еще не носило на себе типических черт гайдамачества. Это — отдельные, бессвязные вспышки, которые часто носили отпечаток своекорыстных побуждений. Что тут составляло преобладающий элемент — было не видно. Но интересно, что дворяне, имевшие дело с единичными случаями грабежа и только, — тем не менее в жалобах своих вспоминали "бунты Хмельницкого"... Значит, чувствовали внутреннюю связь между этими столь различными по внешности фактами: могучим народным восстанием и отдельным грабежом случайно собравшейся кучки с каким-нибудь вожаком мещанином во главе.

Население относилось к подобным шайкам, как к простым грабителям. Но в них нельзя не видеть первых шагов гайдамацкого движения: в первый раз и название гайдамаков (универсал региментаря Галецкого 1717 г.) применялся к таким шайкам. Дело в том, что и к настоящей гайдамачине часто примешивались своекорыстные элементы наживы, мщения и т. п. Едва ли

без этого может обойтись народное движение, как не обходится без них движение и культурных классов, хотя в менее грубых формах. Когда общество всколыхнется, на поверхность его выбрасывается и дрянь, которая в спокойное время укрывается в глубине.

Быстро заселялась пустынная Украина. Так быстро, как только может заселяться местность с благодатной почвой и климатом. Близко родная малорусскому народу по старым преданиям и по свежим воспоминаниям только что пережитого кровавого прошлого. Манявшая крестьянина такими льготами, которые почти приравнивали его, хлопа, к тому идеальному свободному земледельцу, образ которого носился в воображении малорусского крестьянина, когда он приставал к загонам Хмельницкого и других вождей.

В то же время выходят из Турции и появляются на старом своем пепелище, за порогами, Запорожцы, — эти казаки из казаков, самые типические представители казачества. С тридцатых же годов место отдельных бессвязных вспышек заступает систематическое движение, то есть настоящая гайдачина, главным театром действий которой делается Украина. Движение, которое началось с севера и запада, — из малорусских провинций Польши, — встретилось с могучим течением, направляющимся из Запорожских степей, и было поглощено им; слилось с ним в один поток, захвативший все малорусские области.

Каждую весну набегала на Польшу волна из степей. При благоприятных условиях она затопляла собою огромное пространство; при неблагоприятных — замирала на равнинах Украины. . . Но она была неизбежна, как весенний разлив рек, и приносила с собой опустошение и всякие бедствия для шляхты и католического духовенства.

От устья Тясмина в Днепр у Крылова до устья Синюхи в Буг у Богополя широкой полосой тянулись Запорожские степи, отделенные от Польши лишь незначительными притоками Днепра и Буга, которые не представляли никаких препятствий для перехода гайдамацких отрядов. И полосою лесов, которые всегда служили верным убежищем для гайдамаков и при-

крывали их переход через границу. Только северная полоса этих степей была заселена несколько русским правительством, к большому неудовольствию запорожского товариства. Все остальное была вольная и пустынная степь, где лишь изредка попадались запорожские хутора, пасеки и рыбные ловли.

Эти степные пустыни давали приют и пропитание целому бродячему населению совсем особого характера: это был разнообразный люд, отчасти выброшенный обществами соседних стран, — главным образом, Польши и Русской Украины. Отчасти сам добровольно покинувший родину в поисках за новым и лучшим; были и прямо дурные, испорченные люди; но гораздо более было разного рода неудачников и искателей счастья. Где не бывали, чего не испытали эти аргаты и наемники, явившиеся за заработками на запорожские зимовники и рыбные ловли.

Этот люд, попавши в Запорожскую степь, вечно кочевал по ней, переходя, в качестве овчаров и наймитов, с одного зимовника на другой, в качестве аргатов — с одной рыбной ловли на другую; с Буга на Ингул, с Ингула на Тилигульское озеро, на Кинбурнскую косу, на Лиман и т. д. Пока не натыкался на ватажка-запорожца, который выводил эту бесприютную удаль из запорожских пустынь в населенные польские области.

Этот бродячий элемент Запорожских степей, состоявший в значительной степени из тех же малорусских крестьян, спасавшихся от шляхетских порядков, — ложился первым наслоением около того основного ядра, которое образовывали настоящие запорожские казаки.

Как бы ни отнекивались кошевые с их канцеляриями перед русским правительством от участия в гайдамачине и как бы красноречиво историки (например, Скальковский), ни оправдывали запорожское товариство, — сваливая всю вину на бродячее население степей, — несомненные исторические факты изобличают запорожское братство в самом деятельном участии в организации и ведении гайдамачины. . .

Не следует, конечно, обвинять в увлечении чужими

делами кошевых, — выбираемых под давлением русского начальства, — и вообще ту положительную часть запорожского общества, которая, обзаведшись зимовниками, предпочитала спокойно и без риска увеличивать свое состояние. Как всегда и везде, "легкомысленные люди", — выражение, взятое из бумаги кошевого к русскому начальству, — оказывалась "сиром", холостое казачество, отбывающее службу Сечи за содержание от нее. Не связанное ни семьями, ни имуществом: из тех, которые "що в лямы на рыбальнях или на звериной ловли загоруют, то все то через пьянство скоро и прочайкуют"... — как объясняет в своем интересном "Устном повествовании о нравах и обычаях запорожских" запорожец Корж.

И вот эта-то часть запорожского общества и взяла на себя руководящую роль в деле малорусского хлопства. Впрочем, и консервативная его часть с участием смотрела на это, как ни отрешивались от всего кошевые в своих официальных сношениях с русским правительством. По крайней мере, Корж, — свидетель во всех отношениях достойный веры, — прямо говорит, что некоторые куренные атаманы, самая влиятельная часть запорожской старшины, делали поблажку удальцам, которые ходили в Польшу за ведомом куреня. "Когда, бывало, убирается ватажок", — рассказывает Корж, — "и просит у атамана козаков, то куренной атаман и приказывает ватажкови: "ну, братчику, глядижь,, чтоб ты якого козака не утратив, то тоди вже и до куреня не вертайся"... Ватажок же, со своей стороны, уверяет атамана, что все будут целы... То есть, куренные боялись одного: ответственности перед русским начальством и охотно покровительствовали удальцам, лишь бы все было скрыто. Но шила в мешке не утаишь и роль запорожцев в гайдамачине раскрывается в исторических памятниках с полной очевидностью.

В Запорожской Сечи должна была сильно обращаться общественная и политическая мысль. К Сечи был непрерывный приток люду с разных сторон: сами братчики не сидели на месте. Помимо официальных сношений, товариство было в постоянном частном общении, промышленном и торговом, с народами со-

седних стран. Запорожцы ловили рыбу на турецких границах, брали соль из татарских озер, ездили по ярмаркам русской и польской Украин; торговали в Молдавии... Из всех этих стран приезжали в Запорожье за рыбой, солью, лошадьми, мехами, кожами и другими товарами; приплывали в Сечь даже турецкие торговые суда.

Все эти постоянные сношения с разными странами и народами, при развитой общественной жизни, которая в Запорожье почти поглощала частную (в Сечи не допускалась семья и жизнь устраивалась на коммунальных началах). Все это должно было поддерживать между сечевым товариществом интерес к общественной и политической жизни соседей. Интерес к слухам возрастал, когда дело шло о родном народе, с которым у Запорожья были постоянные родственные и дружеские связи.

Поэтому всякое новое стеснение, какое накладывала шляхта на хлопство, всякая новая выходка ревнителей униатства против православия — тотчас же облетали Запорожские степи, возбуждая негодование, злобу и жажду мщения. Всякая новая комбинация на политическом горизонте главнейших соседних стран, от которых зависела судьба малорусского народа; война и мир, перемены в правлении, — все это тотчас же обсуждалось и истолковывалось в их отношениях к судьбам братьев...

Немудрено поэтому, что всякая благоприятная для малорусского хлопства политическая комбинация подхватывалась в Запорожских степях и производила усиленную гайдамацкую агитацию. Каждый год вожаки собирали свои отряды и ходили в Польшу на гайдамацкие подвиги. Но в годы, благоприятные политически, движение вдруг принимало громадные размеры. Запорожцы группировались около временных атаманов, ватажков, которыми делались более опытные, знавшие местность и условия, при которых предстояло действовать. Ватажки эти, большей частью были, так искусны в своем деле, что народ считал их "характерниками", т. е. знахарями, которых не берет пуля и которые мо-

гут провести целую шайку между часовых, не возбуждая тревоги...

Конечно, тут искусству ватажка помогало общее сочувствие к гайдамакам со стороны населения. Затем по степям раздавался клич, который собирал все бродячее население степей в определенные пункты, на известные хутора, зимовники или рыбные ловли, где и формировались запорожцами военные отряды.

"Миргородского полку сотен Крыловской и Цыбулевской разных сел и деревень жители, кои поселение свое имеют в волостях Войска Запорожского, так что уже и к козацким запорожским зимовникам весьма приблизились", — писал кошевой в одном из своих обычных весенних донесений Киевскому генерал-губернатору. "А сверх того, оставя своих жен и детей с хуторов овчары и наймиты, согласясь с некоторыми запорожскими казаками да и называющимися напрасно запорожцами, которые внутри Малой России в разных городах и других местах за воровства и разбои содерживались в секвестрах, бежав и прокрались за Днепр (кошевой старался свалить вину с запорожцев на каких-то "называющихся напрасно запорожцами"), а иные от запорожских казаков с наймов же утекая и с ними по степям бродят, и взяв от ветра якобы по некому указу от него, кошевого, и с старшиною им повелено на поляков собираться и учиня легкомысленное разглашение в немалых части собираются, яко-же много и собралось"... "А понеже он, кошевой, в получении ниякого указа и ордера ни откуда о том не имеет и повеления такого от него, яко и от старшины его, им, вышеписанным недобрым людям, не дано, но они сами по легкомыслию своему то разглашение чинили и в партии воровские собираются, то"... и т. д.

Это писано было в один из бурных годов — 1750 год. В такие годы, обыкновенно, появлялись и упорно ходили слухи об указах кошевого и царских грамотах, которые должны были легализовать участие запорожцев в делах малорусского хлопства.

Достаточно приволья было в Запорожских степях организовать гайдамацким отрядам. Правда, русское начальство очень подозрительно поглядывало на степи, но собираться отрядам оно не могло помешать. Сечевые власти, — на глазах у которых высился Новосеченский ретрашемент с русским гарнизоном, — были далеко. Начальство паланки, на глазах у которого приводились в исполнение гайдамацкие замыслы, — смотрело на гайдамаков сквозь пальцы... Администрация этой части степей, — по крайней мере, Бугогардовые полковники, главные начальники паланки, — постоянно обвинялись то русскими, то польскими властями в покровительстве гайдамакам. Да что было и делать полковникам и прочей старшине, когда общественное мнение Сечи было на стороне удальцов? Ведь вся эта старшина была выбираема вольными голосами; кроме кошевого, на выбор которого влияла русская власть.

К формировавшимся отрядам примыкал разный люд: беглый крестьянин, промышленник, отправившийся за рыбой, надворный казак — все, что было предприимчивее и могло урваться из-под надзора панов, — слышав заветный клик, — шло в степи. Шло пополнять собою ряды формирующихся отрядов. Запорожцы всему этому придавали стройный вид. Но часто приходилось, прежде чем отправляться в поход, еще отряжать купы на розыски лошадей и необходимого оружия. Лошадей раздобывали большей частью от ногайцев. Несколько удальцов, — приблизившись к татарским пределам, — переплывало пограничную реку и присматривало с берега, не кочует ли где ногаец со стадом. Подкрадывались к стаду в высокой степной траве и поканчивали с ногайцем; хватали того жеребца, который ведет стадо, и на него садился ктонибудь; крикнет и летит к реке, — а остальное стадо мчится вслед, подгоняемое другими гайдамаками... Так и снабжался конями отряд.

В случае неудачи, обходились и без лошадей, рассчитывая запастись всем необходимым на месте, в Польше.

Между тем, с весной, масса богомольцев тянулась к Киеву; между женщинами и стариками попадалась и молодежь из малорусских хлопов; виднелись и запорожские чубы... Но не богомолье было в голове у этих удалцов: они слышали что нечто готовится в степях и надеялись, что найдут здесь случай снарядиться в Польшу. Знали они, что есть немало доброхотов и в самом Киеве, которые не прочь помочь молодцам. Но еще больше их во владениях монастырских, в среде самого киевского монашества, которое, большею частью находилось в родственных связях с православным народом польской Украины и горячо принимали к сердцу угнетения там православия.

Поэтому молодцы и не возвращались с богомолья, а расходились в виде послушников и монастырских слуг... ремесленников, рыболовов и т. д. — по монастырским угодыям и владениям, отыскивая в среде монахов подходящего человека... И такой человек, — которого монашеская ряса не отдаляла душой и сердцем от интересов угнетенных православных его братьев, — находился. Находился из управителей монастырских угодий и позволял у себя собраться отряду; укрывал его, снабжал всем необходимым и на дорогу давал гайдамакам свое благословение... В то же время и в самой малорусской Польше всюду возникали небольшие шайки из смельчаков, готовых пристать к отрядам, когда они появятся. А при случае они действовали и самостоятельно.

А между тем хлопы чутко прислушивались к тому, что долетало до них из-за границы, из запорожских степей и из Киева. То тот, то другой исчезал из села; чаще собирались в кучи, но держали язык за зубами. Красноречивее угроз было молчание их... Наконец, доходил черед и до панов своих: хлопы отказывались отбывать повинности. А, между тем, слухи о приближающихся грозных запорожских отрядах росли; хлопство все больше волновалось и неорганизованно расправлялось с панами; остальные все с большим нетерпением поджидали гайдамаков...

Ждали их и шляхтичи: кто убирался в более безопасные места, — в глубь Польши, даже в русские пре-

дела, — кто рассчитывал, что обойдется малым и старался обезопасить себя какнибудь на месте. Собирались на сеймики, но не всегда доступно было это утешение: излиться друг перед другом в красноречивых фразах или внести в актовые книги жалобу без надежды получить удовлетворение.

В годы разыгравшегося гайдамацкого движения шляхте не было проезду по дорогам; всякое сообщение прекращалось. Да и в относительно мирное время шляхта не могла чувствовать себя в дороге безопасной. Уже не говоря о лесах и пустынных дорогах, где всегда можно было натолкнуться на гайдамацкую шайку, — даже проездом мимо сел и деревень шляхтичи должны были соблюдать осторожность, чтобы не вызвать хлопской вспышки. . .

Когда начиналось волнение в народе, шляхте, окруженной со всех сторон опасностью, оставалось одно — выждать, не пройдет ли мимо приближающаяся гроза. Правда, польские команды могли быть извещены об опасности и тогда они растягивались по границе, пытаясь предупредить вторжение гайдамацких отрядов. Но помешать перейти гайдамакам было также трудно, как помешать перелететь птицам. . . Когда же граница была пройдена, — мчались они вихрем по стране, то разделяясь на мелкие кучки, то соединяясь опять; пропадали, будто проваливались сквозь землю, то появлялись там, где их никто не думал ожидать.

Кони у гайдамаков были быстрые, прекрасно приспособленные к степям; в искусстве верховой езды оборванные и грязные степные рыцари никак не уступали турнирному польскому рыцарству. А насчет гайдамацкой храбрости, умения биться, ловкости и находчивости, — вот что говорит в своем сочинении ксендз Котович: "Один гайдамак, ворвавшись между поляков, мог в один момент разогнать их сорок человек, нанеся каждому из них рану или смерть. . . На пятьдесят гайдамаков надо было наших двести-триста и более, чтобы с ними справиться. С пешими гайдамаками справиться польскому войску было еще труднее, чем с конными. Они укрывались в высокой траве украинских степей и стреляли по войску, не будучи видимы. Если войско

обступало их кругом, то защищались так отчаянно, что часто поляки отступали, потерпев жестокие потери, или гайдамаки и сами, дождавшись ночи, проскользали между поляками. Если "подъезд" польский так близко подъезжал гайдамаков, что им нельзя уже было уходить далее, они становились в ряды и, снявши шапку, отдавали поклон полякам, а потом начинали биться; что делали частью по дерзости своей, а частью, чтобы придать себе мужества"...¹⁾

А вернее, что таким образом гайдамаки издевались над теми обычными формами изысканной вежливости, которыми всегда гордилась шляхта.

Если и делало польское войско попытки предупредить вторжение гайдамаков, — это летние гости все таки рассыпались сначала по Украине, а оттуда и по другим русским областям. Тогда все принимало военный вид. Надворные казаки день и ночь стерегли своих панов за стенами замков и замочков, что не мешало им, однако, переведываться втихомолку с сечевыми гостями; в городах каждую ночь половина жителей, в полном вооружении, с барабанами и литаврами, сторожила на улицах. Что также не мешало многим из обывателей поджидать гостей с нетерпением.

Менее состоятельная шляхта и все, кому нельзя было укрыться за вооруженную стражу, — перед заходом солнца уходили из дому и прятались в степи, скрываясь один от другого... Невесело было хлопским господам, когда гостили в ней эти "гости".

Непривлекательны были на вид гайдамаки. Грубая черная рубаха, пропитанная козлиным жиром в виде предосторожности от насекомых, холщевые шаровары; сверх рубашки до колен кунтуш из телячьей кожи с шерстью; рукава с огромными вылетами, висячими или заложёнными за плечи. На голове шапка из такой же кожи в виде остроконечного мешка, с концом, висящим на правую сторону; на ногах сапоги. Копье и самопал, как вооружение. Деревянные стремяна лошади и ремённая тоненькая уздечка довершали убор гайдамака... Но

1) Kotowicz: "Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III."

описание этой внешности дополняется еще таким типическим признаком, как запущенные усы и закрученные за ухо чубы.

Какая разница между видом этих хлопских рыцарей, с одной стороны, и защитниками шляхты, — панцирными и гусарскими хоругвями в их богатых нарядах, яркоцветных и блестящих серебром, золотом и дорогими камнями, с развевающимися перьями и леопардовыми шкурами!.. Но хлопы уже давно успели выйти из-под импонирующего влияния внешнего блеска и дорогое оружие с блестящими патронташами служили только приманкой для гайдамаков, которые не любили возвращаться домой без добычи. И часто случалось, что сечевики возвращались в степь, разубранные, как польские рыцари.

Ватажки особенно отличались храбростью и умением заполучить ценную добычу. Недаром же и поляки считали их характерниками, на которых нельзя выходить на-просто, а необходимо принять предосторожности: например, отлить пули на свяченой пшенице. А то простые пули, как уверяли шляхтичи, отскакивали от таких ватажков-знахарей как горох, — он их сметал с себя рукой, хотя бы они сыпались градом...

3.

Когда по стране рассыпались гайдамацкие отряды, хлопы различным образом отзывались на брожение. В годы сильного движения они поднимались громадами и справлялись с панами. Но чаще только выделяли из себя сильный контингент в гайдамаки, который или заблаговременно, еще в степи и Киевском округе, присоединялся к гайдамацким купам, или приставал к ним в то время, как они рассыпались по стране; или, наконец, сам образовывал небольшие гайдамацкие шайки. Чаще всего хлопы приставали к гайдамакам в то время, как те появлялись в Польше.

Но и помимо непосредственного участия в гайдамацких предприятиях, хлопы находили много способов помогать гайдамакам, — и последним все было известно, все к их услугам. Конечно, польские хлопы на гла-

зах у панов не могли вступать с гайдамаками в открытые отношения, как это делали, — несмотря на строгости начальства, — жители той заднепровской русской полосы, лежавшей между Запорожьем и польскими владениями, которая с 1680 года принадлежала России и куда входил знаменитый Черный Лес, одно из главных гайдамацких прибежищ.

Польские хлопы не могли открыто заявлять о своих связях с гайдамаками, если дело не доходило до общего бунта; но зато тайно помогали им, как только могли и умели. Благодаря хлопам гайдамаки ходили по чужой и незнакомой им стране так свободно, как по родной: хлопы проводили их по самым удобным и скрытым дорогам к панским имениям; указывали укромные места, где бы можно было переждать и укрыться в случае опасности и т. д. Они снабжали гайдамаков съестными припасами; обходили хаты и собирали провизию... Только таким содействием объясняется удача гайдамацких шаек, часто почти невероятная: как они незаметно прокрадывались и внезапно нападали на панские двory; укрывались где-нибудь в камыше вблизи села посреди густо замеленной местности; ускользали в самых затруднительных случаях от польских команд, точно проваливались сквозь землю и т. д.

Трудно было бороться с такой силой, которую так поддерживал своим сочувствием народ, еслиб даже он массой и не принимал прямого участия в движении. Это общее сочувствие побудило польское военное начальство в 1737 году издать такой универсал для мест, охваченных гайдамацким движением: что если на какой-либо город или село нападали гайдамаки в количестве не превышающем треть жителей, — а те не дали им отпора и позволили грабить или дали провиант, — то эти жители будут сочтены за гайдамаков.

Как бы ни были велики силы гайдамаков, они редко действовали большими отрядами. В рассыпную им было сподручнее: больше местности можно было захватить и укрыться было легче; не было риску понести большие потери, если натыкались на значительную силу регулярного войска. Конечно, если бы польское войско было многочисленнее и деятельнее, а гайдамаки не

имели такой поддержки населения, — тогда было бы иначе.

Гайдамаки соединялись в большие отряды лишь в исключительных случаях, когда нужно было, например, атаковать замок, что делалось редко. В актах только один раз встречалось описание удачной атаки замка — в Погребищах, в 1738 году, соединенными отрядами ватажков Хорька и Жилы: "Приступили до замка, где с вечера целую ночь штурмовали, стреляли и добывали замок. Потом, посоветовавшись, приступили к мирным переговорам и согласились на 200 червонных золотых, которые и получили. А потом, как бы отступивши, снова все бросились и, окруживши его, одни стреляли, другие вырубали пали и добыли замск"...

Гайдамацкая купа, иногда еще не вступая в польские пределы, намечала главный пункт своего похода. В других случаях уже в Польше решалось, куда направиться: хлопы, которые приставали к шайке, вели ее в знакомые места. И, направляясь к известному пункту, отряд принимал все меры, чтобы не распустить о себе вестей и не дать врагу приготовиться. Поэтому шли со всякой осторожностью.

Панский двор, корчма, католический монастырь — равно привлекали к себе гайдамацкое нападение. Его сопровождали грабеж и истребление, иногда и убийство. Они делались общим правилом только при сильных движениях, когда перед народом ярко восставала надежда совсем освободиться от ига. Но в годы более мирные, когда не было надежды на общее движение, могущее привести к конечным результатам, — гайдамаками овладевало больше желание пожить-ся и сорвать сердце. Убийства тогда совершались относительно редко: например, когда пан очень обозлил своих хлопов — и гайдамаки расправлялись по их просьбе; или при отчаянной обороне... Так что жалобы шляхты о "страшных убийствах, взывающих к Богу, о справедливом отмщении" и о других гайдамацких неистовствах, — часто только риторические украшения. Правда, гайдамаки не прочь были поиздеваться над панами и заставить их испробовать того, чем те потчевали хлопов...

Католическое духовенство было на этот счет менее счастливо: в 1734 году гайдамаки с сотником Гривой истязали иезуитов Винницкой коллегии. Вообще, по отношению к католическому и униатскому духовенству гайдамаки, повидимому, выказывали больше ожесточения, хотя и тут нельзя не назвать преувеличенными жалобы на гайдамаков. Впрочем, фанатическая шляхта больше всего возмущалась той дерзостью, с которою, гайдамаки учиняли святотатства, при захвате церквей и монастырей. А такие святотатства гайдамаки делали, считая это мщением за постоянные оскорбления религиозного чувства, которые хлопы испытывали от шляхты и польского духовенства.

Вообще, гайдамацкое движение в целом не было так кроваво, как привыкли его представлять по таким образчикам, как Уманская резня. Массовые убийства случались лишь в исключительные годы, когда такие убийства казались народу делом политической необходимости. Конечно, и страсти разыгрывались в такие моменты. Но в другое время национальная ненависть и мщение редко доводили народ до больших крайностей.

Если дело шло не о нападении посторонней шайки, а о домашнем волнении хлопов, — то шляхтичи, случалось, и сами находились, как предупредить крайности: заявляли хлопам свое сочувствие и готовность с ними вместе действовать; позволяли им, чтобы ответить душу, расправиться с обидчиками.

4.

Наступала осень. Довольно погуляли шайки — и рассеиваются гайдамаки. Хлопы расходятся по домам, надеясь на то, что громада скроет их отсутствие и, в случае надобности, удостоверит, что ручается за того или другого члена громады. Да и паны, хоть и скрежетали зубами на хлопов, но не особенно спешили отдавать своих работников в руки правосудия. Вопить перед властями о жесточайших наказаниях для бунтовщиков — это было одно дело; а показывать эти примеры на своих хлопах — было совсем другое. Пан так

нуждался в рабочих руках, что нередко готов был даже принять постороннего гайдамака к себе за работника, если тот задумывал оставаться в хате до весны, а не идти на зиму в степь.

Все это так. Но за то, если какой-нибудь гайдамак, или просто хлоп, заподозренный в сношениях с гайдамаками, хотя бы по пустому поводу, — например, что у него ночевали гайдамаки или что нашли у него награбленное, — попадался в руки правосудия, то оно мстило на его голове за все; мстило жестоко и неумолимо. Судебное следствие сопровождалось жестокими пытками и дело почти всегда кончалось смертною казнью: легкое наказание — отрубить голову или повесить; дальше шли ужасные пали, самая распространенная казнь, и четвертования. Пали — это было следующее, по описанию современника. Обнаженного гайдамака клали на землю, лицом к ней. Палач втыкал в него снизу острый кол, так называемую палю; потом припрягал к ногам преступника пару волов в ярме и медленно втягивал его на палю, наблюдая, чтобы она шла прямо. Посадивши гайдамака на палю, — а случалось и двух на одну, когда преступников было много, а палей мало, — поднимали ее вверх и вкапывали в землю... Если паля выходила прямо головой или затылком, гайдамак скоро умирал; если плечом или боком — жил на пали и до третьего дня.

Котович, на которого мы уже ссылались, рассказывает удивительные вещи о том невероятном терпении, с которым иные гайдамаки выносили эту ужасную казнь. "Бывали такие, которые, — вместо того, чтобы стонать от страшной боли, — кричали палачу, управлявшему втягиванием пали: "криво идет пали, майстру", точно не чувствовали боли... А иные, сидя на пали, просили горилки и пили"... Гайдамаки, — рассказывает еще Котович, — не только не усмирялись через такие ужасные мучения, — но, напротив, считали как бы за геройство покончить на пали. И когда один братался с другим в компании за горелкой, то говорил ему: "щоб нам с тобой на одной пали торчать".

Это, вероятно, рассказывается о гайдамаках из запорожцев: действительно, запорожцы включали в свой

идеал казака высшую степень презрения к физическим страданиям.

**
*

Что же делали, между тем, польские команды? — Они никогда не могли предупредить вторжения гайдамаков. Не могли также остановить их, когда они кружились по стране: "исчезают прежде, чем появится войско, и след взять, за малой величиной их куп, крайне трудно" — заявляли начальники команд. Одна надежда была у польских команд: захватить гайдамаков на обратном пути, когда они возвращались в степи, нагруженные "Батовки", — то есть караваны навьюченных лошадей, телеги, волы и овцы, которых гайдамаки гнали перед собой, — все это должно было замедлять их движение.

Польским командам тут нередко помогали надворные казаки, которые не прочь были заставить гайдамаков поделиться добычей. Хотя и не предпринимали против них ничего серьезного: "надворные казаки не преследовали никогда настояще своих братьев", — говорит Котович, — "разве уже тогда, когда дело делалось слишком открыто на глазах польского начальника; чуть же несколько подальше от глаз, то казаки с гайдамаками снюхивались, как волки с собаками, и расходились каждый в свою сторону"...

Но для шляхты мало было пользы, если имущество ее переходило в руки надворных казаков: они никогда его не возвращали по принадлежности, считая своей военной добычей. Однако, еще труднее было вырвать добычу от гайдамаков. Только значительно превышающий численностью отряд решался напасть на гайдамацкую купу. Да и тут случалось, что гайдамаки не только спасались сами, но спасали и добычу: их выручала отчаянная храбрость, которая не знала отступления и выражалась в их боевом клике: "або добути, або дома не бути!"

Поэтому даже в польских известиях, — печатавшихся в свое время в польских газетах, — гораздо реже встречались известия об удачных стычках с гайдамаками, чем о том, что гайдамаки ушли благополучно

в степи, за-границу, где их уже не могли преследовать польские команды. Впрочем, молодежь из пограничного польского дворянства, которая иногда устраивала охоты на гайдамаков, — вторгалась в Запорожские степи. Но она больше мстила за свои обиды на невинных запорожских зимовниках и рыбных ловлях, чем на самых гайдамаках...

Итак, кто из гайдамаков не оставался на месте, в Польше, — уходил за-границу; большею частью в степи. Одни расходились по волостям запорожского войска — в Сечь, в Гард; по хуторам, зимовникам и рыбным ловлям, чтобы при случае снова отправиться в Польшу. Другие совсем не расходились, а держались в степи, близ границы, постоянно вторгаясь за граничную черту, нападая на пограничные города, местечки и деревни; угоняя лошадей и другой скот.

Гайдамаки устраивали себе в удобном месте лагерь: обсекались и оставались зимовать, пока не придет время отправиться в поход... Но чаще всего в исторических воспоминаниях и донесениях с мест упоминается о лагерях гайдамацких под Черным Лесом.

Черный Лес и близкий к нему Чута — были местностями очень замечательными в истории гайдамацких походов. Черным Лесом называлась лесная полоса северной части известного впоследствии Александрийского уезда Херсонской губернии, входившая в состав русских владений. Дремучий лес, большею частью дубовый, тянулся там верст на 30 от востока к западу и верст на 15 от юга к северу: было где укрыться гайдамакам... Глубокие овраги, балки, пересекали его в разных направлениях. Несколько речек и степные озера могли в изобилии снабжать водой и рыбой; на лесных полянах было вдоволь корму для лошадей.

Вот этот Черный Лес, дальше к западу Кучманский и, наконец, другой Черный, доходивший до берегов Буга, — вся эта пограничная лесная полоса точно нарочно создана была тут, чтобы скрывать гайдамаков, с их лошадьми, сечами, городками, кишлами — от польских и русских военных сил; от надзора и распоряжений начальства Запорожской Сечи.

МАЗЕПА

Иван Степанович Мазепа в течение 25-летнего гетманства, до своей измены, пользовался уважением благодаря подвигам закаленного воина, умевшего оставаться преданным сыном родной Церкви.

Он был воспитан матерью Мариною, впоследствии игуменьей Киевского Флоровского монастыря и настоятельницей Глуховского, инокинею Мариною-Магдалиною. С ранних лет видел он пример сурового аскетизма и деятельного служения Церкви, требовавшей личных жертв. В этой обстановке глубокой религиозности зарождались и крепились самобытные особенности характера Мазепы. Рос он в такой обстановке, которая давала ему на запросы его точные и определенные ответы. И от этого характер Мазепы получил черты прямолинейности, которая часто принимается за упрямство.

В 1687 году гетман Самойлович был арестован и на его место избран был Мазепа. И с этого времени в жизни его начинается блестящий период, трагически закончившийся в 1708 году.

В истории, как и в жизни отдельного человека, высокие полеты мысли нередко чередуются с низменными побуждениями, а порывы с падениями. И было бы ошибкою рассматривать нравственный облик человека, или уголок истории, сквозь призму этих порывов или падений... Между тем образ Мазепы выдержан историей строго в одном тоне: "Мазепа изменил Польше, когда пребывание там сделалось для него невыгодным; изменил Петру, когда шведская сторона казалась сильнее; изменил Дорошенку, когда от него нечего было ждать; изменил Самойловичу, когда представилась возможность захватить гетманство..." Таковы факты, но часто содержание факта не отвечает его заглавию или недостаточно для его объяснения. Необходимо знание условий, сделавших его возможным; знание того, что дало факту его содержание.

И, если мы перенесемся в отдаленную область исторических воспоминаний, связанную с эпохой гетманства Мазепы, то увидим, что его деятельность далека от состава преступления, связанного с именем "измена".

Мазепа был гетманом Малороссии в те годы, когда она, как самостоятельная единица, доживала уже свои последние часы. Для всех было ясно, что только союз с Москвою может сохранить Украине ее православный облик. После Андрусовского договора не приходилось думать об автономии. И, если 30 лет назад, Богдан Хмельницкий понимал, что для государственной самостоятельности Малороссии не имеет основания, — то тем очевиднее это было для Мазепы. Но его преданность Москве была не только политической: это было совершенное сознательное восхищение величавым настроением Москвы, выходявшей на путь широких реформ..

Имя образованной правительницы, царевны Софии, пользовалось любовью. Ее благорасположение к Малороссии и заботливость вызывали чувство столь большой признательности, что сделали возможным осуществление замысла о личной поездке гетмана в Москву "ударить челом всеми малороссийскими городами и местечками и с слободами и с уездами и со всякими доходы"¹).

10 августа 1683 года, в карете, "в которой всегда въезжали великие и полномочные послы иностранных государей", окруженный блестящей свитой, свыше 300 человек, — куда входили 5 генеральных старшин, 5 полковников, при них полковые судьи, есаулы, писаря, войсковые товарищи, канцеляристы и пр., — вступил престарелый гетман в Москву. Но здесь его ждал тяжкий удар. Вместо царевны Софии, — уже изнывавшей в келии Новодевичьего монастыря и "в немом отчаянии созерцавшей казни своих приверженцев", — Мазепа увидел Петра, "посягающего на вековые святыни своего народа..."

**
*

Нужно взглянуть на эту эпоху глазами современника, чтобы судить о впечатлении, вносимую в русскую жизнь реформами Петра. Если даже и теперь многое из наследия, оставленного России ее преобразователем, признается не отвечающим ее задачам, не согласован-

1) Соловьев, XIII, 229.

ным тогда с историческими целями Руси и говорит о недостаточном знакомстве Петра с национальными особенностями этой жизни, — то с точки зрения современника, реформы Петра казались ураганом, от которого нужно было бежать.

Так и случилось тогда с Малороссией. Однако, что хотя Мазепа и бежал, изменил Петру, но сделал он это не прежде, чем исчерпал все попытки к сближению с Москвою. Но ни одна из них не удалась.

Теперь, спустя почти 300 лет, описываемые события приобретают иную окраску, кажутся озаренными иным светом. Теперь ясно, что преступление Мазепы подготовлялось условиями исторической жизни России и реформы Петра лишь ускорили наступление этого момента, ставшего роковым лишь для одного Мазепы. Не было тайной, что нерасположение Петра к Малороссии обуславливалось не опасениями, связанными с мечтами Украины об автономии, — коих в то время и не существовало, — а практическими соображениями иного свойства. В глазах Петра, охваченного идеей создания единой России, — Малороссия, как таковая, не представляла собою ничего ценного. В гораздо большей мере он интересовался расположением Польши, что и обнаружил в период шведской войны, когда, — привлекая на свою сторону поляков к союзу против шведов, — обещал им за это значительную часть Малороссии... При таких взглядах понятно, что Петр не щадил особенности жизни и быта малороссийского казачества. И, идя прямо к своей цели, вооружал Малороссию против себя.

Мазепа все это видел и предостерегал царя от такого отношения к казачеству: "Нужно с нашим народом обращаться человеколюбиво и ласково, — говорил Мазепа, — потому что если такой свободолюбивый народ озлобить, то уже потом трудно будет суровостью приводить его к верности..."¹⁾

В этом наставлении слышится голос отца; голос умудренного годами старца неосторожному юноше, а вовсе не интрига вероломного изменника... Мазепа хорошо знал, что благополучие Малороссии возможно

1) Костомаров. XVI, 239.

только при условии ее слияния с единой Москвою; что этого требует логика исторических событий. Но тем большее недоумение вызывало в нем отношение царя Петра. Несмотря на свое отрицательное отношение к некоторым петровским реформам, Мазепа внимательно следил за политикой царя; подмечал ее слабые стороны, предостерегал от ошибок и указывал способы их исправления. Словом, проявлял такую энергию преданного слуги царского, какая не только не может быть согласованной с отдаленной идеей измены царю, но даже навлекает подозрение в измене родному краю.

Здесь сказывается любовь к родине, из-за которой он готов не видеть темных пятен Петровской политики, не обращая внимания на осуждение черни. "Этот подляшек или полный лях продал москалям Украину за кавалерию и княжеский титул", — говорили о Мазепе, намекая на благорасположение Петра, выразившееся в пожаловании Мазепе в 1700 году ордена св. Андрея Первозванного... "Не буде у нас на Украине добра, — рассуждал другой представитель толпы, сотник Мандрыка, — пока сей гетман живый буде, бо сей гетман сдно з царем разумеет..." "Еще такого нежелательного гетмана у нас не было", — кричал третий, кошевой Гордиенко. Словом, всякая несправедливость Петра, неверный шаг его политики ложился тенью на Мазепу и вооружал против него Малороссию.

Но что же делал Петр: защищал ли он своего верного слугу? Понимал ли хотя бы его положение?

Петр не имел поводов подозревать Мазепу в измене, хотя и знал об отношении к нему консервативной Малороссии. Но тем более он должен был ценить ее умного гетмана, стоявшего неизмеримо выше общего уровня развития своего народа. К тому же он понимал законы исторической необходимости и следовал вопреки злобно настроенной толпе. И, если бы царь Петр был внимательнее или более интересовался судьбами Малороссии, то заметил бы в лице гетмана Мазепы своего единомышленника.

А вышло иначе: с непостижимым упрямством Петр шел навстречу тому, что только озлобляло против него Малороссию и даже ее гетмана. Он знал, что Мазепа

начинает на местах казаться изменником родному краю; что горячая любовь его к отчизне, вызвавшая его вмешательство в политику царя, — толкуется врагами как соглашение с царем на почве желания погубить Малороссию; что положение Мазепы делается все более трагическим. И, между тем, им делается как бы умышленно все то, чтобы увеличить трагизм этого положения и создать обстановку, откуда нет выхода. "В начале 1700 года был получен указ послать казаков в Ливонию на помощь польскому королю; гетман снарядил охотные полки под начальством Искры. Но едва приготовились полки, как получен был приказ: самому гетману идти на войну... Не успел гетман выступить, как пришел новый указ: не ходить вовсе. Едва гетман распустил полки — новый указ: отправить наскоро 12.000 казаков!.. В апреле 1701 года выступить самому гетману; через два месяца новый указ — гетману возвратиться, но послать отряд казаков... Весною 1705 года — гетману указано идти на Волынь; в мае — указ идти налегке в Брест; в июне третий указ: идти самому в Польшу, а в Литву отправить казачий отряд для соединения с великорусскими военными силами...⁴¹⁾.

Нужно было иметь слишком мало уважения к гетману, чтобы забрасывать его такими противоречивыми указами... Следует принять во внимание тогдашнее настроение Малороссии, раздраженной и уже озлобленной, чтобы судить о впечатлении таких указов. И нужно представить себе тогдашнюю дикую воинскую массу, поставленную в необходимость несколько раз покупать боевого коня и продавать его; снаряжаться и разоружаться, чтобы понять положение Мазепы... Положение это делалось тем более рискованным, что не позволяло ему унижать престиж царя и Москвы — и заставляло его часто брать на себя ответственность за ошибки московского правительства пред казаками, упрекавшими его в измене Малороссии.

Мазепа предвидел, чем могут кончиться испытания, создаваемые ему царем. Но тем большая ему честь, что

1) Уманец: Гетман Мазепа. СПб. 1897 г., стр. 189.

он продолжал вести борьбу с прежним рвением, делая попытки открывать глаза московскому правительству на неосторожные шаги его политики.

Но вот наступает шведская война. Усилилось общее недовольство Петром, вызываемое его реформами и неуважением к исконным русским началам. К этому прибавилось недовольство, вызванное войною. А царь не церемонился с казаками: смешивал их с великорусскими отрядами и посылал под команду немцев, чем наносил не только удар казачьей гордости, но и давал повод к бесконечным ссорам. "Когда так, — кричали казаки, — пойдем к польскому королю служить..."¹⁾. Многие ушли к шведам и престарелому гетману становилось все труднее справляться с таким настроением. Он тщетно искал ключ к разгадке непонятого отношения царя Петра к казакам, бывшим всегда его верными слугами. Мазепа не понимал, зачем нужно было разжигать страсти и открытыми привилегиями любимых "потешных" под немецким командованием, создавать почву для недовольства свободолюбивых казаков и как бы вызывать их на восстание.

"Нельзя так насиловать людей, — писал Мазепа Головину. А одновременно вносит в приказ: "у всего малороссийского народа зело отпадает сердце к великому государю. Казаки и поселяне — все злобятся на меня, кричат в одно: пропадать нам до конца; сгубят нас москали. У всех одна мысль: уходить за Днепр... Может произойти внезапное зло"²⁾.

Однако, намерения Москвы в отношении Малороссии были уже настолько определены, что изменить их не могли никакие предостережения гетмана, все еще продолжавшего верить в искренность этих намерений. А при всем том недовольство грозило перейти в открытый бунт. Вот тогда гетман и обратился уже непосредственно к царю и написал: "В людях самых ближних ко мне не нахожу ни верности искренней, ни жела-

1) Костомаров. XVI. 244, 247.

2) Костомаров. XVI, 239.

ния быть в подданстве у вашего царского величества, как я точно сие вижу и ведаю¹⁾).

Это была правда. К тому времени уже было ясно, что несимпатии Петра к Малороссии выросли на почве симпатий к Польше. Тщательно скрываемая Петром несчастная мысль "ценою уступки половины Малороссии приобрести деятельное участие поляков в борьбе с Карлом..."²⁾ обнаружилась вдруг во всей ужасной наготе своей. Стало ясно, что в глазах царя Малороссия превратилась в монету, на которую можно приобрести политические выгоды.

**
*

Силы покинули старого гетмана. Было уже ясно, что царь Петр не только не нуждался в услугах Малороссии, но отвергал их, как ненужные вовсе. Всякие дальнейшие попытки сближения с Москвою стали бы не оправдываемым упрямством со стороны Мазепы, престиж имени и власти которого был уже унижен Петром... Тяжело и обидно было 80-летнему гетману разочаровываться в искренности намерений Москвы. Но не менее тяжело было оглядываться на бушующую Малороссию, униженную и озлобленную, смутно сознающую свой исторический долг сближения с Москвою... Думы наполняли его душу, измученную сомнениями: "Какою была Малороссия даже при Самойловиче и какою он ее оставляет?!. Лучшая часть Украины, ограбленная поляками, насильственно им возвращена; великорусское войско распоряжается, как в стране завоеванной. А сам старый гетман, — более всех содействовавший слиянию Малороссии с общерусским государством, — будет пожертвован честолюбию Меньшикова или, силою обстоятельств, отдан на растерзание толпы".

Мазепа очутился в безвыходном положении. С одной стороны, верный историческим задачам Малорос-

1) Ibid. Стр. 417.

2) Уманец. Стр. 182.

сии, он шел к царю, — хотя униженный и оскорбленный, но полный политической преданности, — а царь отталкивал его от себя. С другой, на стороне Малороссии были все его личные симпатии, но ни одной политической. И отказ разделять их, повлек бы за собою, конечно, неизбежную его гибель.

Что же делать?.. И он слышал ответ: "яко мы за душу Хмельницкого всегда Бога молим и имя его блажим, что Украину он от ига ляцкого свободил, — так противным способом и мы и дети наши, во вечные роды, душу и кости твои будем проклинать, если нас за гетманства своего, по смерти своей в такой неволе заставишь. Очи всех на тя уповают и не дай Боже на тебя смерти, а мы застанем в такой неволи..."

Это был голос всей Малороссии, — растерянной, трепещущей за свое бытие и судорожно ищущей выхода из положений ставших уже неразрешимыми. Малороссия видела над собою занесенный меч Петра и, вместо бесцельной борьбы, предпочла уйти от зла.

Но куда?.. Теперь ей было уже базразлично куда. И жребий был брошен.

А что здесь не было иных соображений, не было своекорыстных расчетов, — тех замыслов, приписываемых Мазепе, которые выросли будто бы на почве его убеждения в силе шведского Карла и бессилии царя Петра, — доказывает его трогательная речь, сказанная старшинам, накануне его открытой "измены":

"Пред Всемогущим Богом протестуюся и на том присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высших гоноров, а не для яковых прихотей, но для вас всех под властью и региментом моим застающих, для жен и детей ваших, для общего добра матки моей отчизны, бедной Украины, всего Войска Запорожского и народу Малороссийского и для подвышения и разрешения прав и вольностей войсковых, хочу то, при помощи Божией, чинити, чтобы вы, з женами детьми и отчизна з Войском Запорожским как от Московской, як и от Шведской стороны не погибли..."

Таким образом, не стремление Малороссии к авто-

номи, не личные счеты с Москвою, не оскорбленное самолюбие гетмана Мазепы были причиною измены царю Петру всей Малороссии в лице гетмана Мазепы и выдающихся представителей аристократии. А та горячая любовь к родине, какая усматривала в реформах царя не только посягательство на ее вековые святыни, — но даже на ее цельность: подозревала царя в намерении уничтожить Малороссию, купив ее ценою благорасположения Польши.

**
*

Вместе с Мазепой "изменили": Апостол, Горленко, Галаган, Мирович, Мокиенко, Зеленский, Чечеля, Андрияш, Кожуховский, Кандыба, Лизогуб, Герцик, Ломиковский, Чуйкевич, Максимович, Сулима и многие др.

НЕМЦЫ В РОССИИ XVIII ВЕКА

В первые годы после смерти Петра Великого отношения правительства к православной Церкви продолжали быть такими же сочувственными, как при прежних царях. И, когда после смерти 15-летнего императора Петра II, престол русский предложен был дочери царя Иоанна Алексеевича, вдовствующей герцогине курляндской Анне, то от нее потребовали прежде всего, чтобы, приняв царство, она верна была православию.

В кондициях, которые новая императрица подписала еще в Митаве 28 января 1730 года, значится: "Чрез сие найкрепчайше обещаемся, что найглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о содержании, но и крайнем и всевозможном распространении православной нашей веры греческого исповедания"¹⁾. Затем в первом манифесте Анны Иоанновны, по принятии ею неограниченного "самодержавства" 17 марта того же года, она провозглашала, что "прилежное попечение имеет о хранении и попечении православного закона христианского восточные Церкви и прочих преданий, славы ради и хвалы Божия учрежденных", и повелевала правительствующему духовному Синоду прилежное попечение иметь, дабы все христиане закон Божий сохраняли... сущие же под властью нашею разные народы, которые не знают христианского закона, обращать увещанием и учением во благочестие и соединение св. Церкви..., не оставляя ничего так, как прежде всего при их величестве дяде и отце нашем было..."

Но все это было только повидимому, в первые минуты, когда в страхе перед сильною борьбою, хотели прикрыться ревностью к православию и прикрыть Би-

1) С. Соловьев, т. XIX, стр. 246.

рона, — говорит историк Соловьев. А церковный историк, ревностный святитель Филарет, времена Анны Иоанновны относит прямо к "испытаниям Божиим..." "Пороки общества, — пишет этот преосвященный автор, — привлекают гнев Божий на целые общества и этот гнев открывается делами самого порока. Протестантский Запад обучал русских презирать всё русское, в том числе и русскую набожность; на подвиг христианского подвижничества, на подвиг иночества заставляли смотреть, как на порчу общества, как на ханжество и суеверие, а продавцам разврата давали значение благодетелей человечества. Но, как и всякая страсть, — страсть к иноземному жестоко наказала Россию... Бироном. И для русской Церкви время Бирона было тем временем, когда Господь Владыка испытывал тяжкими бедствиями..."

По современным же прочим свидетельствам, — даже английского и французского посланников, — императрица Анна Иоанновна, несмотря на свое русское происхождение, во время 18-летнего пребывания в Курляндии до того отвыкла от всего русского, что очень походила на немку и, подчинившись во всем курляндцу Бирону, **была всегда на стороне немцев** Кейзерлингов, Левенвольдов, Корфов, Минихов, Бисмарков, Остерманов и прочей ватаги ига бироновщины. И поэтому во все продолжение ее царствования судьба государства русского всецело зависела от **протестантов-немцев**, потому что в их руках сосредоточена тогда была вся правительственная власть или замещены были все высшие и значительные должности — в армии и в гражданской службе.

И все эти **немцы**, проникнутые воображением напыщенного достоинства, относились ко всем русским с презрением, как к варварам и все русское считали низким и достойным только презрения уже по тому одному, что оно не было заимствовано от них... То же презрение, усиленное еще религиозною ненавистью обнаруживали они и к православной вере, как коренному началу русского народа и **относились с неумолимою враждою к православной Церкви и ее интересам.**

Полновластно заправляя всем государством русским и пользуясь террором, эти немцы для укрепления свое-

го господства старались под всякими предлогами уни- зить и преследовать Церковь русскую, ослабить ее влия- ние на народ, подорвать доверие к ее верованиям и уставам. И предлогом своих враждебных действий про- тив православной Церкви эти иноземцы не стыдились выставлять даже пользу самого православия, уверяя, что они хотят очистить его от вредных суеверий и заблуждений... "Смотрите, какую дал им придумать хи- трость, — говорит архиепископ Амвросий в одной из проповедей, — во-первых, на благочестие и веру нашу наступили под претекстом, будто непотребное и весьма вредительное суеверие искореняют. И, о коль многое мнѣжефтво под таким притвором людей духовных, а наипаче ученых истребили, монахов порастригали и пе- ремучили... Спросишь: за что? Больше ответа не услы- шишь: суевер, ханжа, лицемер, ни к чему негодный..." "Кто посты хранит, того называли ханжа; кто молит- вою с Богом беседует, — пустослов; кто иконам кла- няется, — суевер; кто язык от суесловия воздерживает, — глуп, говорить не умеет; кто милостыню неоскудно подает, — прост, не умеет, куда имения своего употре- бить; кто в церковь часто ходит, — в том де пути не будет; а которые таких прелестников не слушали, — коликие им ругания, поношения, казни чинили врази благочестия"¹⁾.

Под предлогом, например, охранения древне-право- славного престола русского, — иноземцы, бироновцы от- нимали у Церкви православной лучших ее представите- лей, самых ревностных ее защитников и поборников ее православия, возвышавших голос свой против врагов ее. **"Под образом будт) хранения чести, здравия и интереса государства,** а коль бесчисленное множество, коль многие тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, Бога и государство весьма любивших, — в тайную канцелярию похищали; в смрадных узищах и темницах заключали; голодом морили, пытали, мучили; кровь невинную потоками проливали... И наипаче ко- ликое гонение на самых благочестия защитителей, на самых священных Таин служителей, чин духовный: ар-

1) «Православное Обозрение». 1865 г., т. XVII, стр. 76.

хиереев, священников, монахов мучили, казнили, расстригали, в дальние сибирские города отвозят и тем так устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповедники слова Божия молчали и уст не могли отверзти...“
"Враги наши домашние, внутренние какую стратегему сочинили, чтобы веру православную поколебать, — готовые книги духовные (православные) в тюрьме заключали, а другие сочинять под смертную казнию запретили; не токмо учителей, но и учения, и книги их взяли и в темницы затворяли, и уже к тому приходило, что в своем православном государстве о вере своей уста отворити было опасно: тотчас беды и гонения надейся...“¹⁾

И в манифесте 22 января 1742 года, по поводу осуждения Миниха, Остермана и других бироновцев, императрица Елизавета Петровна говорила: "Имея все государственное правление в руках, он (Остерман) жестокие и неслыханные мучения и экзекуции, не щадя и духовных персон, в действо производить старался...“ Таковы подлинные следа непосредственных свидетелей немецко-бироновской многолетней тирании! А вот для примера и частные факты: архиепископ Феофилакт (Лопатинский), один из достойнейших иерархов и членов Св. Синода того времени, три раза поднимался на виску в бироновской тайной канцелярии и столько же раз бит батогами без рубахи; три года содержался он под караулом и, даже разбитый параличем, был заключен в Петропавловскую крепость и, по настоянию Бирона, указом русской императрицы в 1738 году, объявлен был лишенным архиерейства и монашества **без всякого о том обсуждения в Св. Синоде²⁾**. Епископ Лев (Юрлов), отложивший присягу и молебствие по поводу восшествия на престол Анны Иоанновны, вследствие неполучения о том синодального указа, — был лишен сана, бит кнутом и под мирским именем Лаврентия сослан... Члены Св. Синода, — архиепископ Георгий (Дашков) и епископ Игнатий (Смола), — лишены были сана за то, что медлили осудить невинного собрата, епископа Льва... Киевский митрополит Варлаам (Ванатович) был предан

1) «Православное Обозрение», стр. 78-80.

2) Филарет, архиепископ: История Рус. Церкви, пер. 5, стр. 58.

суду тайной канцелярии, лишен сана и в звании простого монаха сослан в монастырь только за то, что не служил молебна в высокаторжественный день... Распространители христианства, — митрополит Сильвестр, епископ Иларион, Варлаам и Досифей, — все они были стрешены и удалены. И еще, например, архимандрит Мельхиседек (Баршов) лишен священства и наказан был кнутом единственно за то, что раз в высокаторжественный день служил в ризах не первого, а второго разряда!..¹⁾.

Подобных жертв тиранического произвола немецкой бироновщины было такое множество, что когда императрица Елизавета Петровна приказала возвратить всех сосланных Бироном, то в одной только Сибири по разным местам отыскивали до 20.000 жертв немецкой жестокости. Но никто не знал, за что они туда попали, потому что произвол Бирона и его клеветов был столь самовластен, что ни в Сенате, ни даже в тайной канцелярии не нашли указаний, кто и куда запрятан.

А, между прочим, как много возникало и производилось в тайной канцелярии дел по поводу наказания плетью, кнутом и ссылкой священников, которые по забвению или по незнанию не отправляли Богослужения в высокаторжественные дни, — можно судить уже по тому, что в 1736 году тайная канцелярия, где эти дела и розыски производились и куда, **помимо Св. Синода**, влачimy были с разных концов России городские и уездные священного чина служители, — объявила, что не в силах за множеством таких дел заниматься другими секретными делами...

Самым же опустошительным для православного духовенства Русской Церкви поводом к так называемым тогда "разборам" и переборам", производившимся над ним немцами-протестантами бироновщины, — была новая присяга на верность "самодержавству" вдовствующей и бездетной Анны Иоанновны и на признание законным ее наследником того, кого **она** соблаговолит назначить. В виду того, что в прежнее время не существовало точных постановлений о такой присяге, Св. Синод

1) «Православное Обозрение». Том XVII, стр. 81-82.

замедлил со своими распоряжениями о ней и духовенство, не получая их, было в затруднении и само не поспешило принести **такой новой** присяги. А как только в 1731 году распоряжение это было сделано, духовенство немедля же беспрекословно присягнуло в своей верности престолу. Но было уже поздно. Предлог немцами-бироновцами признан был достаточным и они им воспользовались, выставив его спустя четыре года за основание к повсеместному (исключая одной Малороссии) преследованию православного духовенства страшными "разборами". По всем городам снаряжены были комиссии и начались розыски: "кто из духовных был и кто не был у присяги в 1730 году протопопских, поповских и диаконских и прочего церковного притча детей; самих (не штатных) не действительно служащих церковнослужителей взять в солдаты немедленно, по наказанию плетью, дабы, видя то, другие так бесстрашно чинить не отважились..."

И напрасно духовные власти представляли, что если это распоряжение привести в исполнение во всей его силе, то во многих местах церкви будут пусты, потому что своевременной в 1730 году почти никто не присягал. Напрасно просили они не брать в солдаты по крайней мере тех, которые присягнули, когда о присяге последовало точное распоряжение и затем оставлены для занятия праздных мест, но еще не произведены в духовные должности... В ответ на это последовал 5-го марта 1737 года новый указ, которым повелевалось и этих присягнувших всех брать в солдаты. И по этим двум указам у церкви отнято было 6.557 человек.

Но бироновские правители этим не удовлетворились. И новым указом от 7 сентября 1737 года "накрепчайше" было повелено всех духовных от 15 до 40 лет взять уже без разбора в военную службу и отправить к полкам. Таким образом, при церквях оставлялись только старые и малые. Но и ребят духовных не оставили в покое: их велено было учить и, "если кто из них окажется непонятливым или ленивым, также брать в солдаты"... В следующем же 1738 году постигла напасть и на тех церковников, которых до сих пор оставляли в покое, т. е. старых и дряхлых которые

признавались не только негодными для военной службы, но и неспособными по бессилию отправлять церковные службы: было объявлено, чтобы они, поставя за себя рекрут или заплатя в казну по 200 рублей, записывались в посады и цехи в разряд податных, и "ежели того учинить не похотят, то будут посланы в Сибирь на поселение".

Но даже и этим чудовищные душители русского народа не удовлетворились. Уже 2 декабря того же года последовал Синоду указ, которым повелевалось взять в солдаты всех не бывших у присяги в 1730 году, хотя бы они и состояли в действительной службе при церквях и хотя бы им было и более 40 лет, только бы способны были к военной службе. И всякого из них, кого записывали в солдаты, прежде отсылки к полку, били нещадно плетьюми. Только малолетние дети ниже 12 лет были избавлены от плетей, но зато с их отцов, — что они не озаботились привести их к присяге, — брали денежную пеню. А в случае если те не имели чем заплатить этой пени, то их били плетьюми!

Такие же розыски и преследования распространялись и на монастыри и на монахов.

И вот православное русское духовенство было опустошено в конец. При многих церквях не стало ни священников, ни диаконов и выбора делать не из кого было. В 1740 году Св. Синод доносил кабинету министров, что "во многих монастырях и пустынях, вследствие именно правительственных мер относительно духовенства, иеромонахов, иеродиаконов и монахов весьма недостаточно, а в некоторых и никого нет; что в числе каличных большею частью престарелы и увечны и к употреблению к священнослужению и к прочим монастырским послушаниям неспособны, и таковое в монашеском чине настоят умаление, что в разных монастырях церкви святые за неимением кого определить к священнослужению, стоят без божественного священнослужения".

Но еще более печальное явление представляли приходы. Случилось то, что предсказывали архиереи, когда немецкие Бироновские правители выступили со

своими суровыми мерами против приходского духовенства: "весьма многие сельские церкви остались без священнослужителей, и люди без покаяния и причастия Св. Таин помирают и принуждены жить без принятого от церкви брака"... Так свидетельствовало само светское правительство. И по присланным в Св. Синод сведениям из некоторых епархий оказалось: в четырех епархиях было 182 церкви, которые совершенно не имели священнослужителей. А праздных священно и церковнослужительских мест было еще несравненно более. Так в одних соборах Москвы их было 60, в Новгороде и его пятинах недоставало 633 священно-церковнослужителей; в Архангельской епархии — 135; в Вологодской — 108, Нижегородской — недоставало священников 138, диаконов — 187, причетников — 972, а всего в одной только этой епархии недоставало 1.297 священно-церковнослужителей.¹⁾

Не представляя, сколько потребуется людей для укомплектования причтов при всех церквях, опустошенных немецкими правителями, — за неполучением от всех епархиальных властей на этот счет сведений, — Св. Синод указывал, что для таких церквей двух только епархий Тверской и Новгородской и для Московских соборов потребны 1.286 человек в том числе 611 человек для занятия священнослужительских мест.

**
*

Опутанная немцами, онемеченная императрица Анна Иоанновна, — несмотря на присутствие в России дочери Петра Великого, глубоко верующей и истово русской царевны Елизаветы Петровны, — ищет себе преемника на русский престол в неметчине, в Германии, в лице правнука её отца трехмесячного сына Мекленбургской принцессы Анны. И главным регентом назначает всё того же всеильного немецкого изверга Бирона с герцогом Ульрихтом Брауншвейг-Люнебургским, графом Минихом и бароном Остерманом.

¹⁾ Филарет, арх.: И.Р.Ц., пер. 5, стр. 121.

Так что со смертью императрицы Анны Иоанновны **немецкое засилье** Бироновщины только **усилилось** и наступил полный разгул террористического господства в России узурпаторской немецкой ватаги. Младенец Брауншвейг-Люнебургский под именем Иоанна VI беспомощно лежал в пеленках, а его именем самодержавствовали над Россией, **ненавидевшие все православно-русское**, немцы.

По сочиненному этими злодеями для своего самовластия **подложному**, от имени уже умершей императрицы Анны Иоанновны, "уставу о регентстве", напечатанному **после** кончины императрицы: "правительство и государственование в России присвоено, сдано на 17 лет регенту государю Эрнсту-Иоанну (Бирону) "в полную мочь и власть", как бы от самого всероссийского самодержавного Императора было учинено... того ради, чтоб все государственные чины в управлении по должностям своим регенту, упомянутому-ж государю Эрнсту (Бирону) были во всем послушны" — гласил, между прочим, этот "Устав о регентстве".

И вот эти Эрнсты, Генрихи, Остерманы, Люнебурги, Мекленбурги всенародно издавали на Руси, как бы именем еще безсловестного, несмысленного младенца, царские указы и манифесты, в коих писали: "мы... мы, народу нашему"... "нашим верноподданным"... "по щедротам нашим"... "мы, имея всегда о **своих** подданных неусыпное **попечение!**.." (это младенец-то в пеленках!). А на докладах русских государственных учреждений эти узурпаторы немцы святотатственно писали "высочайшие" резолюции: "быть по сему". (С. Соловьев: История России).. "Через что, — выражаясь словами манифестов императрицы Елизаветы Петровны, — правительство Империи (Русской) к вящим непорядкам в чужие руки отдано было... и православным интересам воспоследовал вред... отчего непорядки и немалое разорение всему государству и впредь худые следствия последовали".

Как бы ни старались уменьшить бедствия времени Бироновщины, оно всегда останется темным временем нашей истории XVIII века, ибо дело шло не о частных

бедствиях, не о материальных лишениях. **Народный дух страдал**; чувствовалась измена основному жизненному правилу; чувствовалась самая темная сторона жизни — иго с запада более тяжкое, чем прежнее иго с востока, — иго татарское.

ВОСПОМИНАНИЯ ИСПАНСКОГО ПОСЛАННИКА

В своих воспоминаниях испанский посланник при русском дворе дук де-Лария дает характеристику главных действующих лиц. Наибольшую симпатию высказывает он к великой княжне Наталье Алексеевне, вероятно, в благодарность за ту поддержку, которую находили в ней иностранцы. "Доброжелательность, ум, благородство, рассудительность, любовь к иностранцам, — вот её отличительные качества".

Всего резче отзывался он о принцессе Елизавете. Её характер, по его мнению, совершенно противоположен характеру великой княжны Натальи. "Красота её физическая, — говорит он, — это чудо, грация её не описана, но она лжива, безнравственна и крайне честолюбива. Еще при жизни своей матери она хотела быть преемницей престола предпочтительно пред настоящим царем. Но как божественная правда не восхотела этого, то она задумала взойти на трон, выйдя замуж за своего племянника. Но и этого не могла добиться... После всего этого теперь она живет, заискивая у всех вообще, а особенно у старых русских, которые чувствуют себя оскорбленными в своих обычаях".

Успехи Голицыных при дворе тревожили дукка еще больше, чем влияние красоты Елизаветы. Он думал, что если эта фамилия войдет окончательно в милость царя, то в правительстве произойдет совершенная революция и "все иностранцы должны считать себя погибшими, потому что Голицыны все вообще ненавидят их"... Но значение Голицыных предвидится только в перспективе. В настоящем же растет чрезмерная власть дома Долгоруких, которые управляют всем и с крайним произволом"...

Говоря порознь о князьях Долгоруких, дук де-Лария относился довольно снисходительно к самому фавориту и признавал в нем ум и "отвращение к придворным интригам". Но, вместе с тем, он сообщал, что в приближенном семействе нет внутреннего согласия, так что отец фаворита завидует успехам сына, а родная сестра его, нареченная невеста Петра, "ненавидит брата и поклалась погубить его"...

Из всех этих данных возникла и развивалась придворная интрига, под перекрестным огнем которой приходилось стоять испанскому посланнику, обращаясь то к тому, то к другому из фаворитов и попадая, по его выражению, "на подводные камни"...

Русская партия, в которой многие члены желали восстановления до-петровской старины, включая сюда и патриаршество, переселила царя в Москву, чтобы удобнее окружать его там соответствующими влияниями; иностранцы же усиливались возвратить его в Петербург, где самая почва подсказывала другие мысли и направляла иначе политику.

Сам царь сначала высказывался против жизни в Москве, где ему докучали наставлениями и постоянной опекой. Но постепенно он так подчинился Долгоруким, что толки о Петербурге стали стихать и, как писал дук де-Лария, "надежда на возвращение в Петербург исчезла совершенно"... Это случилось вскоре по смерти великой княжны покровительницы иностранцев. Овладев царем, Долгорукие удалили от него Елизавету, к которой присватался, но безуспешно, князь Иван Шувалов.

Вслед затем отец фаворита стал подготавливать женитьбу царя на княжне Долгорукой. И успел бы в этом, если бы замыслы его не прервала смерть Петра, здоровьем которого слишком неосторожно рисковал увлекшийся временщик... Фаворит не одобрял действий отца, но по слабости характера не решался противостать им. Тем временем государственные дела, всеми заброшенные, приходили окончательно в упадок.

Наконец совершилось обручение царя с нелюбимою им невестою. При этом приняты были все меры на случай сопротивления недовольных... Но вдруг, чрез полтора месяца, Петр умер, не вступивши в законный брак,

-- к ужасу Долгоруких, наполовину породнившихся с ним... Надлежало заместить вакантный престол. И тогда зародилась в некоторых умах политическая комбинация.

Прежде всего на виду стояли: сын герцога Голштинского, имевший наибольшее право на престол, если бы он переходил легальным порядком, и принцесса Елизавета, у которой уже в то время были свои сторонники. Упоминались также в числе кандидаток: царица -- бабка Петра и княжна Долгорукова, невеста покойного царя. Но случилось то, чего он вовсе не ожидал, а именно: на престол была призвана Анна Иоанновна, дочь номинально царствовавшего Исаанна Алексеевича, никогда и не мечтавшая о русской короне... Что за странный поворот дела, и как объяснить его?

Многие историки, повествовавшие об этом событии, объясняют его коварством царедворцев, которые добивались своих личных выгод и потому предложили трон герцогине Курляндской, ограничив предварительно ее власть... Без сомнения, личные выгоды руководят действиями смертных, но одним указанием на них вряд ли исчерпывается смысл какого бы то ни было политического события. Можно думать, что и Анна Иоанновна, разрывая подписанные ею пункты, также не забывала своих личных интересов. Следовательно, в том и другом случае мотив действия будет совершенно одинаков... Но от этой общей побудительной причины перейдем к дальнейшим соображениям. Насколько члены верховного совета, ограничивая власть избираемой ими государыни, имели в виду интересы страны? Или пожалуй: насколько государственные интересы совпадали с их личными выгодами?

Изучая внимательно исторические материалы, относящиеся к этому, не решимся сказать, чтобы государственные интересы тут совершенно отсутствовали, и что реформаторы руководились исключительно своими личными расчетами. Они, правда, понимали эти интересы слишком узко и хотели ограничить представительство одним сословием, сравнительно ничтожным кружком народа. Но в то время, в целой Европе, народные мас-

сы нигде не призывались к политической жизни. И, таким образом, грех русских верховников имеет видимость исторического оправдания.

Говорят еще, что верховники, избирая на известных условиях Анну Иоанновну, желали уничтожить "Петровы" преобразования и отодвинуть Россию ко временам Гостомысла... Но и это предположение падает в виду того, что с такою целью сообразнее было бы на престол возвести бабушку Петра II, которая упоминается в числе претенденток... Люди, распорядившиеся тронном, могли это сделать так же свободно, как и предлагая корону герцогине Курляндской. Но дело в том, что партия невежественных ретроградов была не при чем в момент избрания Анны. Кредит Ивана и Алексея Долгоруких упал сейчас же по смерти царя (этим объясняется и падение кандидатуры царской невесты).

Главным деятелем в сношениях с Анною Иоанновною стал князь Василий Лукич Долгорукий, бывший русским посланником в Швеции, Польше, Дании и Франции, — человек бесспорно умный и образованный. Пребывание в этих странах, вероятно, и внушило ему те новые понятия о государственной власти, которые он вознамерился приложить к своему отечеству.

Верховный совет пригласил высшее дворянство "содействовать наибольшим пользам империи и представить свои идеи". Князь Черкасский выставил свои "артикулы", по которым члены совета и сената должны были выбираться генералами и дворянством. За этим проектом появилось еще два: генерала Матюшкина и князя Куракина.

**
*

Посмотрим, что делалось на противоположной стороне. В Митаве Анна Иоанновна подписала проекты, предложенные ей верховным советом: Эти пункты гласили следующее: 1. Она во всем руководится мнением верховного совета. 2. Не будет предпринимать никакой войны. 3. Не может заключать никакого мира. 4. Не может налагать никакого налога. 5. Не может предоставлять никакой значительной должности. 6. Не может объявлять никакого наказания кому-либо из дворянст-

ва без формального процесса. 7. Не может конфисковать имущества ни одного дворянина. 8. Не может отчуждать ни имущества, ни земли, принадлежащих короне.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы эти пункты были направлены против злоупотреблений несуществующих. Все знали, сколько последовало казней и ссылок, не мотивированных никаким определенным преступлением; все помнили хорошо, сколько казенного имущества было раздарено фаворитам...

Но вот в Митаву пришло к ней секретное письмо от Ягужинского, в котором этот генерал писал, чтобы она ни в коем случае не принимала предлагаемых ей условий, что ее выбор был единодушен (но где?.), что пусть только она обнаружит твердость и скорее приедет в Москву, а уж он и его приверженцы станут на ее сторону.

Покуда новая императрица была в Митаве, ей неудобно было ссориться с верховным советом, и письмо Ягужинского попало в руки Василия Долгорукова, присланного от имени верховного совета; автор же послания был арестован и посажен в кремле... Но обстоятельства вскоре склонились в пользу Анны. В то время, как генералитет и дворянство, не привыкшее к самостоятельной политической жизни, сочиняли проекты и контрпроекты, не умея остановиться ни на одном определенном решении. Офицеры гвардии, — отданные под начальство верховного совета, — открыто говорили, что они-де желают "лучше быть рабами одного монарха, чем покоряться стольким главам, тирания которых будет невыносима"...

С приездом государыни в Москву, это движение усилилось, в чаянии близких наград, и дело кончилось тем, что генерал Салтыков, родственник императрицы, провозгласил ее, во главе гвардии, неограниченной государыней... Генералитет и дворянство смалодушествовали при этом постыдным образом, свалив всю вину на Василия Долгорукова, который и был объявлен "изменником и предателем".

Впрочем, многие вельможи, еще до развязки всей этой истории, — когда нельзя было наверно еще пред-

сказать конец этой истории, — поступили "остроумно": так, например, генерал Колтовский, граф Ф. Апраксин и князь И. Трубецкой подписывались с одинаковым удовольствием под жалобами на верховников и под ответами на эти жалобы... Иные же подписывались сами под отказом верховного совета, а сыновей заставляли писать протест.

Но история наказала вероломную толпу: 9-го мая (нов. ст.) 1730 года Бирон был сделан обер-камергером двора, а затем начались и все ужасы **бирановщины**. Февральские и мартовские события пошли впрок; они показали, что с такими людьми, действительно, нечего церемониться...

Другая, еще более замечательная, попытка реформировать тогдашний русский государственный строй и влить в него новые, свежие соки — произведена самой представительницей верховной власти Екатериной II. Мы говорим о знаменитом Наказе и о созвании выборных депутатов для составления нового уложения.

Время, в которое жила императрица Екатерина II, сильно отличалось от глухой поры Аннинского. Это было время, когда философские идеи, выработанные новым направлением умов, начали уже переходить из теории в практику, осуществляясь в начале руками привелигерованных сословий, против которых они были направлены. Когда сильные государи записывались в ряды философов, выставляя на своем политическом знамени: освобождение от предрассудков, ограничение власти духовенства, религиозную терпимость, развитие просвещения в народе, смягчение наказаний, равенство перед законом, и проч. Когда либерализм мысли считался обязательным для каждого просвещенного человека, переходя нередко в особенную "болезнь века".

Еще в детстве Екатерина, когда она жила со своей матерью в Гамбурге, граф Гилленбург замечал у нее "философское расположение ума"; позднее эта умственная пытливость развилась у нее окончательно под влиянием чтения Монтеスキё, Вольтера и всех энциклопедистов. В религиозных вопросах она держалась веротерпимости; в сфере правовых отношений отстаивала

равенство перед законом и возможно полную свободу личности. А свои политические симпатии она определяла уже в 1789 году таким решительным образом: "Я уважала философию, — писала она др. Циммерману, — потому что в душе моей была всегда отменной республиканкой. Признаюсь, что такое расположение души моей покажется, может быть, чудным противоречием с моей неограниченной властью; однако, в России никто не скажет, чтобы я власть свою во зло употребляла".

Войдя на престол, она завела прямые сношения с французскими писателями, предлагала им перевести в Петербург издание "Энциклопедии", гонимой духовенством; гордилась похвалами Вольтера и приглашала к себе Дидро... Словом, она, — философски образованная женщина, — огромною властью своею пользовалась умеренно, чем вызывала слишком неумеренные похвалы отечественных бардов.

Но личной кротости и воздержанности от злоупотреблений еще недостаточно для управления государством: нужно знать, прежде всего, потребности народа и слышать непосредственно голос, им избранных представителей. Законы должны возникать из жизни народа и контролироваться народной волей. И, чтобы исполнить эту существенную обязанность, Екатерина созвала комиссию из народных представителей и написала для нее свой Наказ, мудрыми словами которого остались довольны депутаты.

Но были, однако, и недовольные комиссией. Лифляндские и Эстляндские депутаты, боясь за ненарушимость своих "привилегий", желали устранить себя от заседаний комиссии. Тогда Екатерина написала грозное письмо к князю Вяземскому, генерал-прокурору Сената, в котором писала: "... Наши правила само человеколюбие писало, а они правил написать не могут, и сверх того иные их узаконения наполнены невежествами и варварствами"...

Вот как высоко ставила, в то время, Екатерина гуманные правила своего Наказа и как презрительно относилась она к противодействию, злонамеренности или невежеству. Крепостное право, которого заразительное

влияние проникало во все поры русской жизни, подвергалось в комиссии осуждению. И Екатерина сочувствовала этим, изредка вырывавшимся, справедливым приговорам. Известны также саркастические ответы Сумарокову, вздумавшему вступить за бесчеловечное право...

Много лет спустя (около 1775 года), Екатерина, коснувшись одного сенатского указа, писала: "Я всячески различить стараюсь преступления и наказания, а Сенат конфондирует (смешивает) убийство с необоронной хозяина и хочет, чтобы смертоубийцы сравнены были с необоронителями; но великая разница между убиением, знанием о убиении и препятствием или препятствием убиению. Пророчествовать можно, что если за жизнь одного помещика в ответ и в наказание будут истреблять целые деревни, то бунт всех крепостных крестьян воспоследует. Положение помещичьих крестьян таково критическое, что кроме тишиной и человеколюбивыми учреждениями ничем избежать не можно... Если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческого роду нестерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно".

Кажется, нельзя было решительнее заклеить владения живою собственностью и благоразумней предвидеть, могущие произойти от того последствия! И все-таки крестьяне не были освобождены и политическая жизнь России, обновленная на короткий срок повлеклась по прежнему руслу. А в конце царствования Екатерины II, — она была даже в прямой вражде с принципами, выраженными в ее собственном Наказе. *L'égalité* говорила она своему личному секретарю Храповицкому, — *est un monstre, que veut être roi...*

Но и прежде французских событий, взволновавших понятным образом всех коронованных особ, замечалась в Екатерине какая-то странная двойственность, робость и уклончивость перед логическими выводами из ее же основных взглядов. Еще отстаивая в теории свободу мысли, она выхваляла на практике "образцовое послушание"; сторонница честной и откровенной политики,

— она доходила до совета "иметь лисий хвост и волчий рот".

Интересны, в этом смысле, ее письма к князю Волконскому. Тут выступает, по временам, деятельность тайной экспедиции, и Екатерина, взволнованная какими-то сплетнями в Москве, предписывает Волконскому: "не пропускать врак без исследования, но как ныне на Москве вранья было без конца и без счету; того для, если вы усмотрите, что врали не унимаются, прикажите враля — другого по исследованию того, что врали высечь плетью публично".

В письмах, относящихся к Пугачевскому бунту, замечательно то, что браня "воров, каналий и злодеев", которые надумались "сами взять себе волю",¹⁾ Екате-

¹⁾ Письмо к кн. Вяземскому.

рина ни одним словом не обмолвилась о фатальных причинах, неизбежно повлекших за собой это прискорбное явление. А, по укрощении мятежа, она не только не принимала мер против помещичьего произвола, но завела еще крепостное право в Малороссии...

Разгадка всех этих уклонений, несообразностей и ошибок заключается в противоречии между взглядами Екатерины II и ее обстановкой и положением, которое создала для нее судьба. Трудно было ей сохранить всецело уважение к человеческой личности, когда ее окружала толпа льстецов, нисколько себя не уважавших и готовых на все, чтобы только сорвать улыбку императрицы.

Не мудрено было, наконец, потерять вкус к литературе и науке, когда в русском обществе процветала истинно одна наука: "наука страсти нежной, которую воспел Навон". Были, правда, в России того времени поэты и ученые, но походили-ли они на европейских деятелей литературы и науки, которые по праву внушали к себе уважение Екатерины?.. Один поэт сам смотрел на свою поэзию, как на пустяки и дорожил всего более своими чиновничьими успехами. . . Другой поэт, — и даже первый драматург, — Сумароков, проживал в то время в Москве; о нем постоянно доходили до Екатерины самые курьезные слухи... Появился в конце ее царствования политически-развитый и глу-

боко убежденный писатель. Но его "Путешествие из Петербурга в Москву" попало на глаза императрице уже в то время, когда она опасалась "французской заразы" и с испугу чаяла у себя революции... Впрочем, Радищев стоял тогда одиноко в русском обществе.

ВРЕМЕНЩИКИ XVIII СТОЛЕТИЯ

Временщики подразделялись на два различных типа: добивавшихся власти и просто роскошествующих, т. е. сорящих легко приобретаемыми дарами судьбы. Временщики последнего сорта пользуются у нас наибольшею известностью, благодаря тому, что стоустная молва далеко разносила их имена и даже поэзия восхваляла их.

Ко второму типу принадлежали: "великолепный" князь Тавриды, оба графа Разумовские, граф Симеон Зорич и другие.

Алексей Григорьевич Разумовский родился в 1709 году в Черниговской губернии. Он принадлежал к простой казацкой семье и был сначала "пастырем стад непорочных"; но его привлекательная наружность и приятный голос скоро обратили на него внимание местного духовенства. Причт села Чемеры взял мальчика под свое попечение, и здесь выучился Разум грамоте и церковному пению.

В начале января 1731 года, в праздничный день, проезжал через Чемеры полковник Вишневский, возвращавшийся из Венгрии; он зашел в церковь и обратил внимание на голос и наружность молодого певчего. Полковник уговорил мать его отпустить с ним сына в столицу. Там Разум был определен графом Левенвольдом в придворную певческую капеллу.

Однажды цесаревне Елизавете Петровне случилось быть в придворной церкви, и она была поражена голосом Разума. Представленный ей после литургии, певец поразил ее еще больше своей наружностью: высокий, стройный, несколько смуглый, с выразительными черными глазами и черными бровями, — Разум был настоящий красавец. Вскоре после того, он стал

считаться певчим цесаревны и получил прозвание Разумовского.

Голос его начал, однако, спадать, и из певчего он был переименован в придворные бандуристы. Но по мере того, как падал его голос, возвышалось и крепло его придворное значение: из бандуристов Разумовский произведен был в управляющие одного из цесаревиних имений. Постепенно и другие недвижимые имущества и весь небольшой двор цесаревны попали под его ведение.

В ночь переворота на 25-ое ноября 1741 года, в то время, как Елизавета Петровна, — в сопровождении Лестока, Воронцова, Шувалова и Шварца, — объезжала казармы гвардейских полков и занимала большой дворец, Разумовский оставался наблюдать за порядком в малом дворце цесаревны на Царицыном лугу; куда и перевезла сама Елизавета павшую правительницу вместе с императором Иоанном Антоновичем и его новорожденною сестрой.

В день восшествия на престол его покровительницы, Разумовский пожалован был в действительные камергеры и поручики лейб-компаний в чине генерал-лейтенанта, а затем посыпались на него чины, ленты и богатства. В течение нескольких месяцев он получил высший орден Андрея Первозванного, чин обер-егермейстера и пожалован множеством вотчин.

В конце своего царствования Елизавета сделала его фельдмаршалом, хотя он сроду не служил в военной службе и не командовал ни одним солдатом.

— Государыня, — сказал при этом скромный малоросс, — ты можешь меня назвать фельдмаршалом, но никогда не сделаешь из меня даже скромного полковника...

Богатство Разумовского было так велико, что с восшествием на престол Петра Третьего, в день переезда государя в новый Зимний дворец, он поднес ему в подарок драгоценную трость, а в придачу к ней миллион золотых рублей! Когда Разумовский, не любивший считать денег, садился играть в банк, то этот случай был настоящим праздником для придворных особ:

рассказывали, что в это время попросту из банка брали у него деньги... За действительным тайным советником, князем Иван Васильевичем Одоевским, александровским кавалером и президентом вотчинной коллегии, один раз подметили, что он тысячи полторы в шляпе перетаскал и в сенях отдавал своему слуге.

Роскошь и великолепие обстановки Разумовского соответствовали его положению при дворе, прославленном своею пышностью. "Двор в это время, — рассказывает князь Щербатов, — подражая или, лучше сказать, угождая императрице, в золотоканнне одежды облекался; вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богатеe, в столе — все, что есть драгоценнее, в питье все, что есть реже, в услуге — возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Экипажи возблистали золотом, дорогие лошади, не столь для нужды удобные, как единственно для виду, — учинялись нужны для вождения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебельями, зеркалами. Все сие составляло удовольствие самим хозяевам, вкус умножался; подражание роскошнейшим народам возрастало, и человек делался почтителен т. е. заслуживал почтения по мере великолепности его жития и уборов".

При дворе были беспрестанно банкеты, куртаги, балы, маскарады, комедии французская и русская, итальянская опера и прочии. Все они делились на разные категории; каждый раз определялось, в каком именно быть costume: в робах, шлафорах или самарах для дам; в цветном или богатом платье для мужчин. Costюмы осыпались бриллиантами и украшались чистейшим золотом и серебром, так как употребление мишуры и хрусталя для убранства запрещалось придворными правилами.

Как часто приходилось менять при дворе наряды, видно из того, что во время пожара в Москве 1753 года, у императрицы сгорело 4.000 платьев, а по смерти ее найдено — 15.000 платьев, один раз надеванных или вовсе неношенных; два сундука шелковых чулок, лент, башмаков и туфель несколько тысяч; более сот-

ни неразрезанных французских материй и пр. Сколько провизии истреблялось ежедневно придворным штатом и какая масса перевозочных средств была нужна для него — трудно даже представить. Так, например, во время поездки императрицы в Киев, малороссийские генеральные старшины заготовили 4.000 лошадей, но Разумовский написал, что всех лошадей понадобится 23.000 — и их принуждены были собрать у богатых обывателей.

Зато киевляне были вознаграждены, при въезде императрицы в Киев, следующим зрелищем:

"Воспитанники духовной академии ожидали императрицу в виде греческих богов, героев и даже мифологических животных. С помощью машин, — частью выписанных, частью собственного изобретения, — произведены были разные удивительные явления. Так, между прочим, выехал за город седовласый старик в богатой древней одежде, украшенной короной и жезлом. Он представлял князя киевского Владимира, приветствуя Государыню, как свою наследницу, он приглашал ее в город и поручал ей весь русский народ".

Эти роскошные затишья, житье на широкую ногу и вообще весь блеск петербургского двора, которому удивлялись даже французы, привыкшие видеть у себя все это в Версале, конечно, не оправдывались экономическим положением страны. Сквозь этот блеск и красивую внешность проступала, бывало, неприглядная русская действительность. Так, во время путешествия государыни, свиту и даже великого князя с великой княгиней помещали кое-как: иногда в комнатах великой княгини была вода; печи в ее спальне имели огромные щели... В богатых домах, вместе с гайдуками, гусарами, скороходами в великолепных ливреях сновала босоногая челядь в лохмотьях. В спальне императрицы Елизаветы спал на тюфячке ее бывший лакей Чулков, близ спальни великой княгини, в небольшом покое, во время томящего зноя, жило 17 человек разной прислуги, которые не имели иного выхода, как через комнату самой Елизаветы.

За пышным двором тянулись и все значительнейшие вельможи. Оставляя в неряшестве свою домашнюю

жизнь и в полном пренебрежении судьбу своей "босоногой челяди", они изумляли всех великолепием своих парадных приемов, балов, выходов и выездов.

Особенной роскошью отличались: великий канцлер Бестужев и Апраксин — оба приятели графа Алексея Разумовского. Не отставал от них и сам Разумовский: он первый стал носить бриллиантовые пуговицы на камзоле и задавал баснословные пиршества в своих имениях: Перове и Гостице, и в своем Аничковом дворце в Петербурге. В Перове часто проводила время императрица Елизавета в соколиной и псовой охоте.

Хозяин Разумовский был гостеприимный и радушный. Но когда хмель попадал ему в голову, — чего ни предвидеть, ни избежать не было никакой возможности, — то он становился грозой для друзей и недругов: нередко в такие минуты его сотоварищи по псовой охоте были "от него сечены батожем..." А тот вес, которым пользовался Разумовский при дворе, делал невозможным жалобы на него. Тайный супруг императрицы Елизаветы, принимавший иногда ее и ее приближенных в парчевом шлафраке, мог бы позволить себе безнаказанно и еще большие неистовства, если б его не воздерживало от них природное добродушие.

Что касается самой таинственной свадьбы, то интересны те обстоятельства, которые ей способствовали. Бестужев, одиноко поставленный при дворе, задумал создать себе сильную поддержку в лице Разумовского, и с этой целью постарался сделать еще теснее узы, соединяющие государыню с фаворитом. Сторону Бестужева охотно взяло духовенство из числа последователей "Камня веры", надеясь чрез Разумовского найти у государыни "по их домогательствам и прошениям всевозможные представительства и заступления".

Тот же прием употребил впоследствии Бестужев и при возвышении графа Григория Орлова, когда представил Екатерине формальное прошение, чтобы она избрала себе супруга. Между лицами, подписавшимися под этим актом, — по свидетельству французского посланника, барона де-Бретеля, — главную роль играло опять таки духовенство. Но на этот раз уловки старого интригана не удалась и только доставили случай Ека-

терине, — под предлогом дарования Разумовскому титула высочества, — извлечь у него из секретной шкапулки какие-то формальные доказательства его брака.

Вслед за возвышением Алексея Разумовского, была приближена к престолу и вся его родня. Немедленно по восшествии на престол Елизаветы отправлен был в Малороссию офицер с каретами, богатыми уборами и собольими шубами за семейством нового камергера. В ответ на расспросы офицера, по приезде в Лемеша, о том, где живет госпожа Разумовская, — удивленные малороссияне, как гласит предание, отвечали, "В нас в роду не було такой панны, але, коли божаєте, хата Розумихи-вдовы . . ."

Несмотря на петербургский "фавор" своего старшего сына, мать его продолжала слыть между соседями, только Розумихой и, попрежнему, содержала в Лемешах корчму. Захваченная врасплох, старуха не хотела верить словам офицера и говорила ему: "Пане ясневелиможный! Ты хлопец добрый, не глаззуй з мене, що я тобі подияла?" Но хлопец передал царское повеление, и Наталья Розумиха собралась в путь-дорогу со своим младшим сыном, дочерьми, внуком и внучками, родными и двоюродными.

В Петербурге старуху, прежде всего, напудрили, нарумянили и нарядили в модное платье, так как "непристойные деревенские" костюмы запрещались во дворце даже на маскарадах. Потом повезли не во дворец, предупредив, что она должна пасть на колени пред государыней. Едва простая корчемница вступила в дворцовые залы, как очутилась перед большим зеркалом во всю вышину стены; не видав ничего подобного от роду, она второпях не разглядела своей фигуры и поспешила пасть на колени.

Всевозможные почести оказывались Наталье Демьяновне, и она, в первый же приезд свой в столицу, была пожалована в статс-дамы. Ее младший сын, Кирилл Григорьевич, и все внуки и внучки (Закревские, Стрешенцовы, Дараганы) приняты один за другим на попечение двора и старшего Разумовского. С ними обращались ласково и внимательно, почти как с принцами крови.

Кирилл Разумовский, родной брат фаворита, получил хорошее образование и прожив два года за границей, двадцати двух лет от роду был назначен президентом Академии Наук. Императрица сама выбрала ему богатую невесту, Екатерину Ивановну Нарышкину, и возвела в графское достоинство в одно время со старшим братом (1774 г.), сделав действительным камергером. В довершение почестей, 23-летний Кирилл был выбран, по прямому указанию петербургских властей, малороссийским гетманом, что равнялось высшему военному чину генерал-фельдмаршала.

Граф Разумовский-младший был от природы весьма неглупый человек с оттенком малороссийского юмора; он не чересчур зазнавался и был доступен в обращении. Но какую службу он сослужил отечеству и чем отблагодарил его за те почести и богатства, которыми пользовался так широко?

Государственные заслуги графа Кирилла Разумовского опираются на двух фактах: на президентстве в Академии Наук и на управлении Малороссией на посту гетмана. Но можно ли говорить серьезно о его деятельности в академии, предоставленной им в безусловное пользование Теплова?.. На свое гетманство сам Разумовский не смотрел, как на действительный выбор народа; поэтому, как только мог, отлынивал от своих обязанностей. И старые казаки, вздыхая, покачивали головами и чуяли, что прошла невозвратная эпоха Сагайдачного и Хмельницкого, при избрании которых и на ум никому не приходили богатые кареты, заложённые цугами; те простые, но вольные времена, когда громада казаков собиралась на площади и шапками забрасывала любимого избранника.

Кирилл Разумовский жил царьком в Глухове и завел придворный штат. Но там было смертельно скучно, потому что Глухов ничем не был связан с интересами края. Разумовский поэтому пользовался всяким удобным случаем удрать отсюда в Петербург, где его привлекали большие придворные куртаги и затеянная борьба брата с Шуваловыми. В числе поводов к отлучке он выставлял, например, необходимость пользоваться осенью в Петербурге "лучшим воздухом"..."

Вообще, гетманство Разумовского, данное ему, как синекура за услуги брата, имело печальный вид заигрыванья с народом, клонившего к полному его порабощению. Так понимали дело и умнейшие малороссы, смотревшие на деяния графа "с темным и непонятым чувством". В денежных делах был он нехорош: имея 100.000 гетманского дохода и, получив за женой 44 тысячи душ крестьян в приданое он не стыдился жаловаться на "крайнюю недостаточность" и просил имений, денег, брал займы и без отдачи. Правда, что Разумовский не брал на себя казенных подрядов и не захватывал разных торговых монополий, подобно Петру Ив. Шувалову.

Граф Петр Шувалов, упомянутый нами, был тоже сильный мира сего и, подобно Кириллу Разумовскому, выдвинулся вперед, благодаря близости своего двоюродного брата, Ивана Иваныча к императрице Елизавете Петровне. Но насколько граф Алексей Разумовский был любим в петербургском обществе за привлекательные стороны своего характера, настолько же Шувалов был всеми ненавидим за свою нестерпимую гордость и самонадеянность. Это был временщик подозрительный, выискивающий и высматривающий: он держался только тем, что возбуждал в императрице всякого рода страхи и опасения.

Ей постоянно приходила на ум первая ночь ее царствования, — и она опасалась, чтобы с нею не поступили точно так, как некогда поступила она с несчастной Анной Леопольдовной. Этим настроением ловко воспользовался граф Петр Шувалов: он старался еще более усилить боязнь государыни, уверяя ее, что она окружена тайными врагами, готовыми на всякое преступление: наконец, ему удалось вполне убедить больную и слабеющую императрицу в том, что один он в состоянии оградить ее от скрытых врагов.

В этом состояла главная сила его при дворе. Без всякой подготовки к делам государственным, лишенный образования и познаний, крайне самонадеянный, Шувалов способен был только к мелким придворным интригам.

Достигнув почти исключительного влияния, он, еще

недавно с покорностью склонявший спину перед батогами всемогущего Разумовского, сделался самым гордым временщиком Елизаветы Петровны... Падкий к деньгам Петр Шувалов обогащался трудовой копеейкой народа. Чтобы действовать на императрицу страхом, он имел себе верного союзника в братце своем Александре, который в то время был начальником страшной тайной канцелярии, который не останавливался перед самыми гнусными средствами для устранения от брата Ивана всех его соперников по интимным делам.

Таковы были русские временщики восемнадцатого столетия.

ВРЕМЕННОЩИКИ В ССЫЛКЕ

Меншиков, сделавшись временщиком при Екатерине Первой, сумел сослать графа Де-Санти без суда. Да так, что ссыльный даже не сразу нашел себе место заточения. Его привезли сначала в Якутск и семью солдатами "стерегли от утечки под крепким караулом;" никого к нему не пускали, чернил и бумаги не давали. Но для большего успокоения сильным влиянием, мстительного и жестокого герцога Ижорского, сочли за нужное перевести Де-Санти в Верховенский острог. Ужасное положение жертвы слепого и безграничного мщения временщика описал пристав таким образом:

"Живем мы, — он, Сантий, я да караульные солдаты, — в самом пустынном краю. А жилья и строения никакого там нет, кроме одной холодной юрты, да и та ветхая... Находимся с ним Сантием во всеконечной нужде; печки у нас нет и в зимнее холодное время едим болтушку, разводим муку на воде, отчего все солдаты больны и содержать караул некем. А колодник Сантий весьма дряхл и всегда в болезни находится, так что с места не встает и ходить не может".

Когда же дошла очередь до самого Меншикова, то судьба его в ссылке обставлена была значительными льготами. Главные и тяжелые удары он перенес еще в России: тщеславию его, допустившему золотые кареты, сто подвод и множество экипажей в огромном поезде

в ссылку, нанесен был первый удар тем, что пересадили его в простые повозки и, вместо Раненбурга, велели ехать в далекую Сибирь... На дороге он потерял жену, но в Березов привез необходимые вещи и все деньги, и остался под надзором офицера, которому дана была самая снисходительная инструкция. Живя на относительной свободе, он мог на собственные деньги выстроить церковь подле острога.

Падение и последовавшие несчастья смирили Меншикова до того, что он ежедневно ходил с детьми молиться в собственную церковь и на коленях простаивал подолгу на холодном полу. А смирение свое довел до того, что надел армяк, отпустил бороду и не отделялся от простых крестьян. Покорность судьбе и смирение завещал он и детям своим, которые впоследствии устроили из своей церкви богадельню.

Но далеко не такая участь, в том же Березове и в том же остроге, ожидала семейство князей Долгоруких, свергнувших Меншикова и, в свою очередь, поплатившихся ссылкой при новом государственном перевороте. Престарелый князь Алексей Григорьевич Долгорукий с женою не вынес тяжести ссылки: они умерли через три года по приезде в Сибирь. А молодые силы, — четверо сыновей, три дочери и невестка старшего брата Ивана, устояли от невзгод сурового климата и с успехом боролись против суровых невзгод, исходивших от нового временщика, злого Бирона.

Преследования его не знали устали и меры. На протекавшем суденышке, которое едва узников не потопило, привезли их в Березов и кормили таким хлебом, что "часто зубы не брали и давали щи, которые, пока ешь, мерзли"... Пищу подавали всегда в один раз на несколько дней. А когда княжна Елена вздумала в день своего ангела заказать обедню, то протопопа Авдея Михайлова сослали за это в дальний острог. Когда подъячий Тишин донес, что Долгорукие говорят нескромные речи про Бирона, то их разлучили: Ивана посадили в холодном амбаре, а князя Алексея с его крепостным дядькой заключили в холодном хлеве. Здесь нельзя было сделать больше двух шагов и узники в темноте потеряли счет дням и ночам. Раз они запели

”Христос воскрес!“ и, — так как пение было строго запрещено, — то обоим дали по 15 розог.

Но и на этом мучения Долгоруких не кончились: их увезли в Тобольск. Здесь судили и приговорили к новой ссылке. Князя Алексея услали на Камчатку матросом; Николая, избив кнутом и урезав язык, угнали в Охотск; Александра, после таких же истязаний, — тоже на Камчатку; трех девиц-княжен заточили в женских монастырях, а князя Ивана увезли в Новгород, там колесовали и отсекали голову в одно время с двумя его дядями. Императрица Елизавета Петровна простила Долгоруких: княжен освободила от монашеских обетов и выдала замуж. Но не так легко было простить и возвратить братьев. По обычаю того времени, начальства постарались забыть об их именах и местах нахождения. Сами они, увлеченные и поглощенные потоком ссылки жизни, — скрылись бесследно между туземцами и... считались мертвыми. Алексей, только через два года по воцарении Елизаветы Петровны, случайно узнал на Камчатке о своем прощении. И с купцом Спиридоновым он явился в Иркутск: одетый в армяк и обросший бородой, — он не признан был губернатором и сам уже своевольно отправился пешком в Москву... Точно также и один из его братьев, вывезенный в Иркутск и забытый в остроге, — был выпущен на волю для пропитания. А когда прислано было предписание розыскать политических секретных арестантов, к губернатору явился старик, сторож церкви св. Харлампия, выдававший себя за князя Долгорукова (Николая).

Освободив Долгоруких, императрица Елизавета Петровна прислала в Сибирь ”смену“: в Березов прислала — государственного канцлера графа Остермана и выслала в Пелым — фельдмаршала графа Миниха; в Собачий острог попал кабинет-министр Головкин, а в Нижнеколымск президент комерц-коллегии барон Менгден... Воеводы, говорит предание, боялись Миниха: боялись его доносов ко двору и давали ему некоторую свободу. Но меньшую, однако, той, которою пользовался до него и в том же Пелыме немец-временщик Бирон.

В Собачьем остроге, несчастном зимовье, Голов-

кин с женою понес более тяжкую участь, нежели остальные его товарищи, несмотря на меньшую степень виновности. И в этом пустынном месте его выпускали не иначе, как под конвоем солдат с ружьями, а ночью его домик всегда оцепляли часовыми... По праздничным дням этого старого и больного человека заставляли ходить в церковь и слушать, как священник после обедни произносил над ним... анафему.

Странное распределение ссыльных счастливо отразилось на судьбе товарища их по изгнанию, невестки канцлера Анны Бестужевой. В то время, как брат ее — Михаил Гаврилович Головкин — испытывал многообразные стеснения в Собачьем остроге, она — проживая в Якутске на полной свободе, — ездила по гостям, жила роскошно, одевалась богато. Хотя ей и был отрезан язык, но, по народному преданию, в такой степени, что разговор Бестужевой могли понимать слушатели.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СЛАВЯН В РОССИЮ

В жаркий июльский полдень 1759 года жители западных слободок Киева были взволнованы событием хотя и не крупным, но весьма необычным и дотоле невиданным: откуда-то со стороны Подолии и степей Молдавских, громяхая толстыми и неуклюжими колесами крытых повозок и вздымая густую пыль, — в древний Киев въезжал длинный обоз, переполненный людьми престранного вида. На облучках диковинных повозок восседали почти черные от загара молодцы в чужеземных одеждах и низких шапках, сдвинутых на затылки и обнаруживавшие высокие и такие же загорелые лбы.

За мужскими спинами виднелись и женщины, — такие же черномазые, как и их кавалеры, подгонявшие коней, — и так же, как последние, облаченные в наряды и ткани ничего не имевшие общего с привычными для глаза одеждами киевских людей.

Одна или две подобных повозок суеты бы среди киевлян не учинили. Но в том-то и дело, что их были целые десятки. Первая, за нею вторая, третья... диковинные — не то кибитки, не то повозки — все въезжали и въезжали в город, громяхая колесами и вздымая докучливую пыль.

— Что же это за люди напирают-то к нам?.. Откеле их несет, православные? — слышалось в толпе любопытных, высыпавших из домов на пути движения странного каравана. — Отродясь таких людей не видывали... видать, что заморский народ какой... Черные все, как крыло воронье. Гляди, да и бабы их такие же... Цыгане-ли, влахи, что-ли?..

— Только что же этих цыган наши рейтаре прожоают?.. Вишь, впереди офицер проехал, а за ним и

еще разных чинов служилые люди... Цыган так не провожают!.. А вон, гляди, черномазая молодуха и на церковь по нашему креститься... Нет, видать, что это вовсе не цыгане...

— Верно, что не цыгане, хоть и похожи... А может просто разбойников каких те же рейтары на больших дорогах переловили и теперь в острог направляют... ох, много последний год разбойников по дорогам всяких...

— Нет, то же не больно подходит, братец! — слышалось возражение. — Ну, ежели были бы разбойники, то иначе бы они по сторонам поглядывали... А то, вишь, как смеются и по хорошему с рейтарами балакают!.. Разбойники, любезный, так не поговорят, ежели к примеру под стражей следуют...

Так киевляне напрасно пытались выяснить народность едущих. А последние, весело смеясь и балагурия, все продвигались вперед на своих тяжелых и здесь еще невиданных повозках. Но вскоре, однако, волновавшая киевский люд загадка выяснилась и слобожанам стало известным, кем были "черные" пришельцы, целым обозом въехавшие в Киев с степной стороны.

— Черногорцы это... особый православный народ из-за Дуная... по указу матушки царицы к нам переселяется! — Объясняли народу сведущие служилые люди. — Сами просились... турки и австрияки их давят и принуждают из православной нашей веры в агарянскую или латинскую переходить... Ну вот, государыня и приказала всем им к нам направляться, да и семейства с собою забирать.

— Сказывают, что служить они будут нашей царице?..

— Будут!.. Народ боевой, понимающий... горазд и с саблею, и с пищалью обращаться.

Толковавшие таким образом, в значительной степени были правы.

**
*

Но этот транспорт в числе 45 мужчин и 90 человек "женска пола и малолетних детей", — явился только первую ласточкой. За ним последовали другие ка-

раваны переселенцев, в числе которых находились черногорцы и сербы, болгары и волохи, общее число которых под конец выразилось крупною цифрою в сто тысяч.

В числе первых переселенцев был некий полковник австрийской службы Хорват, а также и другие офицеры, из южных славян, принадлежавшие к известным фамилиям. Но особым доверием и вниманием русского двора пользовался первый из них, полковник Хорват, пожалованный русской государыней чином генерал-поручика и сыгравший выдающуюся роль в деле последовавших затем Славяно-Сербских поселений в южной России. Именно ему, генералу Ивану Хорвату, в 1751-1752 годах, поручено было вызвать в Россию своих соотечественников из Австрии, стремившихся под крыло единой верной российской императрицы. Затем из них учредить четыре регулярных полка: два гусарских и два пандурских (пеших), — каждый в 4.000 человек.

Какова же была история этого массового южно-славянского переселения и кто такой был генерал-поручик Иван Хорват, отмеченный столь большим доверием и обширными полномочиями российской императрицы?. — Приступая к ответу на этот вопрос, — корни всех дел и событий, связанных с именем генерала Хорвата, невольно приходится искать значительно глубже, кратко исследуя историю южных славян и балканского полуострова в её еще более ранние времена.

Богиня победы не всегда благосклонно относилась к туркам, несмотря на их успехи под стенами Царьграда и на Косовом поле. В особенности отвернулась она от них в 1683 году, когда австрийский царь Леопольд I, окончательно разбив оттоманские полчища под Веной, заставил их не только очистить Венгрию, Славонию и Срем, но и уйти из Белграда и других сербских сбластей. Таким образом, он временно освободил сербов от мусульманского владычества. . . Но войска Леопольда I не остановились и на Дунае, а двигались победоносно и дальше, повсюду опираясь на существенную помощь местного сербского населения, с оружием

в руках восставшего против своих вековых поработителей.

И в этом своем движении победители дошли до исторической Печи, древней резиденции сербских патриархов и главному центру всей церковной жизни сербов, где в то время престол занимал патриарх Арсений III Чарноевич, пользовавшийся огромным авторитетом среди населения всей южной Сербии. . . Но, заняв Печ, победоносный австрийский генерал Пиколомини не нашел там сербского патриарха. Последний переселился в отдаленный от крупных центров и забытый городок Никшич, где и проживал почти в полной неизвестности, стремясь избежать жестокой расправы со стороны оттоманов, озлобленных военными неудачами.

Учтя положение и настроение сербского населения, австрийский генерал не замедлил приложить все старания для возвращения патриарха Арсения в его историческую резиденцию, что и было вскоре осуществлено. Патриарх возвратился в Печ и своим мощным архипастырским влиянием стал усиленно помогать австрийцам в их борьбе с турками. Но тем временем военное счастье стало изменять австрийским войскам и генералам царя Леопольда приходилось изыскивать тонкие дипломатические способы для удержания за собой южной Сербии. И 6-го апреля 1690 года, вышел особый манифест Леопольда I, обращенный к "христианам Албании, Сербии и Болгарии", призывавший их стать на сторону австрийцев, "поднявших меч против врагов Христа распятого и воскресшего," обещая за это всем балканским славянам великие права и свободы.

Вполне естественно, что, истомившиеся под игом мусульман, сербы отозвались на этот призыв с большим воодушевлением и пролили свою кровь за "общехристианское" дело. Но военный успех не возвращался к австрийским войскам и, несмотря на энергичную поддержку сербского населения, южная Сербия была утрачена австрийцами, которые, отступая, снова дошли до Белграда. . . Положение сербов было очень тяжелое: не успевших во-время спастись, недавних австрийских союзников, турки массаами убивали, расхищая их имущество. И, во избежание поголовного истребления тур-

ками, — сербам оставалось спастись вслед за отступавшей австрийской армией.

Совершился "великий исход" сербского народа. Громадная волна сербов-беженцев, с плачем покидая родные места, шла в арьергарде австрийской армии и водительствовав ею патриарх Арсений, глубоко веривший в спасительность этого решения и надеявшийся, что император Леопольд безусловно выполнит обещания, данные сербам... Когда волна переселенцев с юга докатилась до Белграда и беженцы расположились лагерем вокруг города, то вскоре состоялось важное совещание наиболее почитаемых мужей сербского народа и духовенства. Результатом этого исторического совещания было постановление о посылке в Вену особой сербской депутации, снабженной наказом об ходатайствовании у императора Леопольда ряда привилегий для сербов при поселении их на новых местах в австрийских владениях, что естественно вытекало из прежних обещаний и гарантий венского двора.

Ходатайство сербской депутации увенчалось полным успехом: 20 августа 1690 года император выдал сербским переселенцам особый акт "привилегия", закреплявший за ними весьма существенные права. На первом месте — права религиозно-нравственные.

Начиная с этого времени вся юго-восточная часть Венгрии и большая часть Славонии — оказались заселенными сербами, крепко осевшими здесь при патриархе Арсении III, который в историческом "исходе" вывел около 40.000 семейств из южных областей. А спустя 50 лет совершен был второй "исход" сербов из турецких областей, когда патриарх вывел еще несколько тысяч семейств. И, таким образом, в австрийских владениях вырос целый ряд славяно-сербских военных поселений, постепенно сгруппировавшихся в три особых военных округа, составленных из укрепленных местечек и селений, которые назывались "шанцами". В смысле военной мощи, выучки и воинского духа — они представляли надежную пограничную защиту Австрии на ее юге.

Австрийцам было выгодно использовать вековую ненависть сербов к их бывшим угнетателям-мусульма-

нам. Поэтому венское правительство заботилось, чтобы снабдить своих военных поселенцев-славян всем необходимым для прочного обоснования их на новых местах. И вскоре Австрия располагала уже двадцатью тысячами прекрасных славянских воинов, пребывавших постоянно под оружием и готовых в любое время — и в первую голову — стать на защиту южных австрийских областей от вторжения мусульман... Эта священная готовность сербов в борьбе с Полумесяцем — касалась теперь уж не только одних австрийских владений: стоя на страже границ христианского мира, они, таким образом, защищали от турок как бы всю Европу.

Военные поселенцы-славяне, — или так называемые "ландмилиционеры", — хотя и почитались войском нерегулярным, однако же этот термин не приносил им ничего существенного при сравнении со службою регулярных солдат. Сербские ландмилиционеры не только охраняли южные границы, но в то же время участвовали в составе австрийской армии во всех ее войнах. Военное обмундирование, вооружение и амуницию они должны были иметь собственные и всегда в полной исправности. А взамен этой "боевой готовности", они пользовались особыми привилегиями: полное освобождение от всяких податей и обладание вольностями во внутренней жизни. Взамен податей, все ландмилиционеры обязаны были делать взносы в "камеральную кассу", что составляло ежегодно крупную сумму.

Шли годы. Военные поселенцы обжились, обстроились, прочно укрепились на тех местах, на которые когда-то прибыли под водительством патриарха Арсения. Среди поселений, быстро выросших на венгерских и славонских равнинах, — также быстро выросли православные храмы и монастыри, ибо поселенцы крепко держались веры отцов. Возможно, что последнее обстоятельство и явилось одною из главных причин, начавших собирать над их головами неожиданные тучи... Австро-Венгрия была государством христианским, но не православным, а католическим — и развитие церковной жизни у православных сербов не встречало симпатий. Незаметно против сербов стали нарастать недо-

вольство и недоброжелательство венгров, превратившихся во врагов славянского расселения.

— Откуда и зачем пришли в наши края эти полудикие и грубые люди с их византийской верой! — слышались недовольные венгерские голоса. — Они только вносят отраву в наш вековой быт и могут дурно повлиять на наших детей.

— Нужно обратить внимание венского двора на грядущую опасность! — говорили другие. — Нужно пресечь зло в корне и домогаться уничтожения сербского засиления.

Начались тонкие интриги венгерских магнатов при венском дворе. Они всячески домогались упразднения ландмилиционеров и прекращения их формирований. И уже в 1745 году эти интриги увенчались заметным успехом: появилась особая грамота императрицы Марии-Терезии, которая принесла сербским воинам много разочарований и горьких неожиданностей. В этой грамоте, между прочим, было сказано:

"Интерес в пользу государства требует того, дабы учредить на границе турецкой по Саве реке поселенные регулярные полки, из того же сербского народа в тех местах живущих, а для такового учреждения препоручена и возложена комиссия на господина генерала фельдмаршаль лейтенанта барона фон Енгельсховена об чем всем и всякому да будет известно.

Прежние же ландмилиции яко оныи остаются во внутри земли то для того их касировать, но с тем однако ежели кто из бывших ландмилицких полков от солдат пожелает в те вновь назначенные военные места поселитца и время даетца на три года, чтобы тем временем могли успеть в своих прежних жилищах грунта и дом свои распродать и прейтют куда и в которые места кто пожелает, кто же по прошествии трех лет не перейдет, тот уже из нижних чинов должен будет на том прежнем своем жилище остатци в поданстве в казенном ведомстве под команду Венгерскую . . ."

Приведенные выше слова цесарской грамоты вскоре же привели к реальным результатам: из поселенцев сербов были сформированы славянские полки, но уже регулярные и во многом разнившиеся от прежних серб-

ских нерегулярных дружин, овеянных духом свободного героизма и принесенной с собою их предками сербской самобытности. Подобно другим австрийским гражданам, все соответствующего возраста сербы становились теперь на службу в пять регулярных полков, связанных общею австрийскою дисциплиною и подчинявшихся высшему австрийскому командованию на общем положении.

Для сербов, волею судьбы и истории очутившихся в границах австрийских владений, началась новая жизнь, не лишенная в дальнейшем новых неприятностей.

Посмотрим теперь, когда и какие следы оставила юго-славянская стопа на русской земле. На ее необъятных просторах, находившихся под скипетром царей московских и императоров всероссийских.

Упорно и долго воевал с турками великий царь Петр Алексеевич. И много батальи с мусульманами имели место над Прутом и в других южных областях, обильно политых русской и турецкой кровью. Войскам царя Петра приходилось оперировать и в чужих краях, в местностях незнакомых и мало похожих на русские. К тому же с населением неверным и враждебным России. И случилось однажды так, что явился к русскому царю, во время его тяжелых переходов на Пруте, некий сербский капитан Иван Албанезо, сделавший следующее предложение:

— Есть много в этом краю людей, которые хотели бы служить тебе, великий царь русский!.. Эти люди — сербы, выходцы из Цесарской земли (Австро-Венгрии), люди одной с твоим народом веры и тебя за земное солнце почитающие... Позволь же этим людям быть при твоем войске и пользу мечу твоему приносить... Мы, сербы, хорошо знаем турок и их язык понимаем, а потому не малым можем подсобить войскам московским.

Царь охотно согласился на предложение капитана Албанеза и поручил ему образовать особую команду сербских "жолниров", вскоре присоединившуюся к российским войскам. И добровольцы Албанеза оправдали доверие, оказанное русским царем: в разных военных

действиях московской армии против турок, — "жолниры" отлично выказали себя с боевой стороны и были верными соратниками русских в самые тяжелые дни неудач.

Последнее обстоятельство и дало толчок к дальнейшему развитию военно-сербского дела в России при царе Петре Алексеевиче. Убедившись в отличных воинских способностях сербских выходцев из Австро-Венгрии и в их непоколебимой верности России и русскому оружию, — царь Петр повелел развернуть "Прутскую команду жолниров" в первый сербский гусарский полк, что и было частично осуществлено за время его царствования. Полку было положено основание. Набралось значительное число людей для его формирования. Но для полного комплекта гусар их все же не хватало, что и повлекло пребывание новой части в состоянии незаконченном, вплоть до восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны.

В первые годы ее царствования этому делу, начатому Петром Великим, был дан новый и более энергичный ход. Будучи хорошо осведомлена о положении православных сербов в Цесарии, где в отношении их не прекращались венгерские интриги и гонения, — императрица обратилась к венскому двору дипломатическим путем, стараясь таким ходом улучшить положение единоверных славян и достигнуть опеределенной цели в принятом военном деле. Русская императрица испросила у Вены особое монаршее дозволение, дабы в сербских областях Цесарии было разрешено на вербовать сербов-добровольцев и вывести их в Россию для укомплектования сербского гусарского полка.

Эта просьба была Венским двором удовлетворена без всяких колебаний, ибо католической Австро-Венгрии не было никакого расчета особенно дорожить православными сербами, крепкими в своей прадедовской вере и причинявшими австрийскому правительству не мало хлопот в силу непрекращающихся интриг венгерцев. . . Тогда из России была послана в Австрию команда сербов-вербовщиков во главе с капитаном Божичем, облеченным доверием и полномочиями русского правительства. Божич, энергичный и праданный своему де-

ду человек, прибыв в Австрию, набрал из сербов целый полк отличных кавалеристов, которые и были по частям направлены в Россию.

С этим полком направился туда же и молодой сербский офицер Димитрий Перич, явившийся незаменимым помощником капитану Божичу при формировании в России сербских военных частей. Два этих отличных офицера впоследствии достигли на русской службе значительных военных степеней: спустя короткий срок Божич уже был полковником в Черниговском казачьем полку; Перич в рядах сербского гусарского полка дослужился до чина генерала и был наделен богатыми земельными поместьями.

Положение сербов в Австро-Венгрии все ухудшалось и враждебные выступления венгров против них усиливались с каждым годом. Склонная к венгерским наветам австрийская императрица Мария-Терезия, под конец уже определенно стала на сторону клеветников и готова была отобрать от сербов все их привилегии, приобретенные кровью их предков. А венгры сочиняли инсинуации для достижения своих целей и прилагали все усилия к тому, чтобы под цесарским скипетром не осталось бы ни одной сербской части или отряда, предназначенного для охраны границы. При этом стремления венгров являлись настолько энергичными, что они даже предлагали для пограничной охраны выставить на свой счет собственное войско, лишь бы ни один вооруженный серб не служил венской короне.

Императрица Мария-Терезия не осталась глухою к наговорам венгерских магнатов, с которыми нельзя было не считаться в силу их влияния и могущества. И только цесарь Франциск, супруг императрицы, являлся временным защитником и доброжелателем сербов в эту грустную для них эпоху. Ему удалось на некоторый срок парализовать домогательства венгров, но прочного результата и это заступничество не имело.

Громадное значение имели все эти невзгоды и для сербской психологии: недавние воины-славяне чувствовали себя несправедливо оскорбленными и, вполне естественно, уже сами не питали к приютившей их стране того доверия, как она была облечена ранее, во вре-

мена памятного еще многим старым воинам "великого исхода" из южной Сербии. И, в результате этого печального сознания, стала постепенно возрастать среди православных сербов в Австрии новая и вполне понятная тяга, основанная на многих рассказах и слухах, приносимых разными вестниками. Это была — тяга в православную Россию, где, по слухам, сербские переселенцы могли найти себе прочное благополучие.

Основание новому делу переселения сербов на равнины России было положено полковником Иваном Хорватом, которому вполне сочувствовал его родной брат, капитан Димитрий Хорват, тоже служивший в австрийской армии. И вот, полковник Иван Хорват начал с того, что обратился с прошением к императрице Елизавете Петровне, в котором ходатайствовал о милостивом разрешении вступить ему в ряды других офицеров-славян в российскую армию. . . . Прошение это было подписано также капитаном Димитрием Хорватом, подполковником Шевичем и его двумя сыновьями и капитанами Николаем и Феодором Чорба; за ними поставили свои подписи еще с десяток офицеров-славян. Это прошение было вручено российскому послу в Вене графу Кайзерлингу, каковой не замедлил переслать его в Петербург для доклада государыне Елизавете Петровне.

Милостивого согласия российской императрицы пришлось ждать не долго: просители, офицеры-славяне, принимались в ряды русской армии. Необходимо было только оформить их переход, дабы не обидеть и не раздражить венский двор. И последнее вскоре было достигнуто благодаря такту и дипломатическим способностям графа Кайзерлинга, который исхлопотал у австрийского правительства полное увольнение от царской службы всем сербам, которые возбудили ходатайство. Эти просители получили и соответствующие паспорта из Вены, давшие им законное право беспрепятственно оставить пределы Австро-Венгрии и следовать в Россию, где их ждали — и новая жизнь, и всевозможные милости русской государыни.

А милости эти сделались вскоре весьма ощутительными. Помимо производства всех охотников-офицеров

в следующий чин, — материальные условия, при которых все они направлялись в дальний путь, также не оставляли желать ничего лучшего. Подъемные деньги, — получаемые как офицерами, так и рядовыми добровольцами, — были по тому времени громадными, возбуждавшими вполне естественное удивление среди австрийцев и повлекшими за собою множество новых претендентов на переселение в Россию из числа сербов.

В один из дней июня 1751 года на русско-польской границе произошло весьма знаменательное событие: следовавший со стороны Вены недавний полковник австрийской службы, а ныне генерал русской службы Иван Хорват был с почетом встречен депутацией. Затем с особым эскортом препровожден вглубь империи, где его также во многих местах тепло встречали и сердечно приветствовали. Когда же он появился в Петербурге, то получил самое крупное доказательство особого расположения русского двора к переселенцам славянам. Им дарована была "привилегия о вольностях", по которой сербские выходцы получили под свои поселения громадные просторы плодороднейшей земли в лучшей части Европейской России, а именно в средней части Малороссии.

Генерал И. Хорват, обладавший хорошими организаторскими способностями и врожденным сельско-хозяйственным чутьем, достойно справился с возложенной на него задачей и не замедлил расселить своих младших братьев, число коих все время увеличивалось прибывавшими новыми партиями переселенцев... Всю землю, предназначенную для поселений, он разделил на две половины: одну — кавалерийскую и другую — пехотную. Конные сербы селились на кавалерийской половине, постепенно образуя гусарские полки; пешие же, названные "пандурами", обосновались на землях отведенных для инфантерии, образуя пандурские полки. Все мужчины сербы были собраны в эскадроны и шанцы (роты), к каковым были приставлены офицеры из тех же переселенцев и уже к 1752 году в "Новой Сербии" — так стала называться в Малороссии обширнейшая область, сплошь заселенная сербскими выходцами, под командой генерала Хорвата, — уже образова-

лось четыре сербских полка: два гусарских и два пандурских численностью в четыре тысячи.

На полученное от казны пособие, каждый поселенец обстраивался и обзаводился скотом, инвентарем и пр., так что уже спустя несколько лет сербские поселения приобрели цветущий вид и могли служить образцом сельского довольства, благополучия и строевой выучки их обитателей. Таким образом, сформировались поселения полков: Македонского гусарского — в Чигирин Дуброве, Болгарского гусарского — в Манжее, Пандурского — в шанце Крыловском и т. д. В городке Миргороде поселился сам генерал Хорват со штабом. И к нему определен был от Военной Коллегии генерал И. Ф. Глебов с некоторыми чинами, для помощи в организации поселений и содержании казны. Тогда же, для прикрытия этих сербских поселений от набегов Крымских и Очаковских татар, была заложена крепость святые Елизаветы, в которой позже имел свое пребывание генерал Глебов со своею инженерною командою и гарнизоном.

На этом "фундаменте" стал прочно устраиваться генерал Хорват в ожидании других сербских выходцев из Цесарии и черногорцев, которых обещал вывести из Черной Горы их вождь — митрополит Василий (Петрович). Всех их повелено было из Киева направлять к Хорвату в Новую Сербию...

Так все шло, обещая прекрасные результаты. Пока на пути Хорвата не стали некоторые неожиданные преграды и недоразумения, в возникновении которых меньше всего были повинны русское правительство и благожелательное отношение императрицы. Виновником этих несогласий явился генерал Иван Шевич, — человек хотя и достойный, но обладавший болезненным самолюбием и склонностью к служебным интригам, приобретенною еще на австрийской службе.

**
*

Как упоминалось, генерал Хорват прибыл в Россию в 1751 году и получил от императрицы известную "привилегию" на обширные земли для сербских переселен-

цев. Иван Шевич направился в Россию спустя год когда и прибыл в Киев вместе со своею семьею, родственниками, слугами и многими рядовыми поселенцами. По разным причинам, — не имевшим ничего общего с отношением русского правительства к личности самого Шевича, — встреча, оказанная ему на границе, отличалась меньшею торжественностью по сравнению со встречей генерала Хорвата... К переселению сербов русские уже привыкли и, в момент прибытия Шевича на пограничный пункт, — обстоятельство это рассматривалось русскими властями, как вполне нормальное и обыденное... Тем не менее самолюбивый генерал Шевич обиделся. Но еще большие огорчения ожидали его в Киеве, где впервые узнал он о "привилегии", выданной на имя только генерала Хорвата и о необходимости ему самому ехать в подчинение к этому генералу.

— "Это не может быть принято мною! — заявил Шевич киевскому коменданту. — Я и на цесарской службе был старше Хорвата и Райка Прерадовича... за что же я здесь должен быть унижен?... Я не могу стать под команду Хорвата... и буду челом бить российской государыне, прося о справедливости"...

Недовольный всем, что встретило его в России, генерал Шевич расположил свой переселенческий отряд в районе Киева, а сам отправился в Петербург добиваться восстановления своих якобы нарушенных прав. А вскоре к недовольству генерала Шевича присоединился еще третий сербский генерал, Райко Прерадович — и недавно возникшее на территории России сербское дело внезапно приобрело в глазах русских людей новую и весьма неприятную окраску. Среди самих же сербов начались споры, взаимные обвинения, обличения, тяжбы и интриги.

Узнав о происках Шевича и Прерадовича, генерал Хорват не остался безучастным к происходившему. Он оставил штаб в Миргороде, свои поселения и тоже отправился в столицу, чтобы отстаивать свое право и интересы, поколебленные противниками. А правительственные власти России внезапно оказались обремененными совсем необычными сербскими жалобами и тяжбами, казавшимися совершенно ненужными среди мно-

жества срочных дел, заполнявших столы Сената и Военной Коллегии. Действительно, сербские тяжбы заняли у них немало времени. Они многократно разбирались в соответствующих учреждениях, влекли за собой новые дела и апелляции, — а в результате только влекли тень на все сербское дело вообще в глазах коренного населения. Под конец же все эти сербские тяжбы в большей мере наскучили и самой императрице, которая решила пойти на определенные уступки, дабы пресечь несогласия и беспокойство между высшими сербскими офицерами.

— Пусть будут все довольны... от сего слава нашей Державы не убудет! — сказала она и отдала новый приказ, удовлетворивший и Шевича, и Прерадовича...

Этим приказом давалась "привилегия" генералам Шевичу и Прерадовичу: первый из них получил право самостоятельного заселения своими людьми огромной территории в Бахмутском районе по рекам Донцу и Луганке; в распоряжение второго поступали земли севернее областей Шевича, находившиеся по берегам Донца и других речек. Вообще же, во избежание дальнейших споров и нареканий между генералами, — императрица повелела каждому из них иметь свои поселения исключительно под своим же непосредственным начальством, не подпадая под власть и начальство другого начальника... Штаб генерала Шевича обосновался в поселении Славяно-Сербске, а вся территория, находившаяся под его сербскими поселениями, стали называться "Славяно-Сербией", — в отличие от "Ново-Сербии" генерала Хорвата.

"Привилегии", предоставленные императрицей Елизаветой Петровной генералам Шевичу и Прерадовичу, — не могли, тем не менее, затмить имени генерала Ивана Хорвата... Этот деятельный и хозяйственный, преданный до гроба России и ее венценосице генерал-славянин все равно являлся родоначальником обширных славянских поселений на русской земле. В этом хорошо разбиралась сама государыня, всегда дарившая Хорвата исключительным расположением.

II.

Потекли годы. Поселенцы славяне, — обосновавшиеся на черноземных просторах Новой Сербии, — обстраивались, богатели и родственными узами крепко связывались с русскими, оставляя после себя здоровое и крепкое потомство. Смешали свою сербскую кровь с русской и потомки пионера сербского дела в России, — генерала Ивана Хорвата. Эти его потомки образовали несколько линий дворянских родов, прославленных своею верностью России и богатейшими поместьями на юге ее.

К концу XIX столетия имения Хорватов были разбросаны в губерниях Екатеринославской, Херсонской, Киевской, Полтавской и Черниговской. И все эти помещичьи усадьбы отличались исключительною благоустроенностью и зажиточностью. Хозяева их большую часть жизни проводили в этих тихих родовых имениях, только изредка выезжая в свои уездные и губернские города, где у них имелись дома для временных "наездов", приемов и увеселений городских. Были необходимы эти городские "оазисы" и для воспитательных целей подраставшего потомства: все Хорваты воспитывали своих детей только в России, стремясь выработать из них верных граждан новой родины, что доказывалось впоследствии положительными примерами.

Один из таких примеров является особенно ярким и разительным. Выявился он в незаурядной личности Дмитрия Леонидовича Хорвата, — правнука уже известного читателям генерала Елизаветинской эпохи, Ивана Хорвата, — в свою очередь, сделавшегося впоследствии русским генералом и знаменитейшим человеком последних лет Российской империи. Вот об этом интересно и следует рассказать.

**
*

Дмитрий Леонидович Хорват родился 25 июля 1858 года в уездном городе Кременчуге Полтавской губернии, впервые увидев Божий свет в одной из пространных горниц старинного дома своих родителей, наро-

чито перебравшихся из деревни в предвидении появления на свет ребенка. Отец новорожденного Дмитрия являлся внуком того самого серба-генерала, который первым со своими братьями переселился из Австрии под крыло российской императрицы. Что же касается происхождения по материнской линии, то оно представлялось не менее почетным в смысле русского патриотизма: по женской линии Дмитрий был внуком фельдмаршала Кутузова.

Подобно многим другим юным дворянам второй половины XIX столетия, молодой Дмитрий Леонидович получил сначала прекрасное и всестороннее домашнее образование, по окончании которого, на семнадцатом году жизни был отправлен в Петербург в Николаевское инженерное училище. Окончание этого славного военного училища совпало с началом русско-турецкой войны. И, выйдя подпоручиком лейб-гвардии в Саперный батальон, Дмитрий Хорват тотчас же направился в действующую армию, в рядах которой ему посчастливилось сражаться за славную идею с вековыми врагами и поработителями своих предков — сербов.

Подпоручик Хорват назначен был в полуроту своего же земляка, гвардейского сапера, поручика графа Марка Николаевича Ивелича, и уже принял участие в штурме Горняго Дубняка. Здесь гвардейские саперы доблестно дрались в составе Гвардейской пехоты и понесли значительные потери. В числе других офицеров, ранен был тогра и командир роты Его Высочества князь Кильдышев: его роту принял поручик граф Ивелич, полуроту которого в свою очередь принял молодой Хорват. И, в рядах доблестного лейб-гвардии Саперного батальона, провел всю эту кампанию.

По возвращении в Россию, к тому времени уже поручик Хорват, для продолжения своего военного образования поступил в Николаевскую инженерную академию, откуда в 1885 году был выпущен уже вполне законченным военным инженером. Но талантливого, образованного и смелого офицера не привлекала тихая и покойная служба в высших военных учреждениях столицы и он заинтересовался ответственной, тяжелой и опасной командировкой на далекую окраину обширно-

го государства российского. Этою командировкою, явившейся решающей для всей дальнейшей жизненной деятельности Димитрия Леонидовича Хорвата, — было его назначение в помощь известному в те времена строителю Закаспийской железной дороги генералу Анненкову, сумевшему проложить пути по необозримым пространствам восточных степей и песков для соединения с культурными центрами империи самых отдаленных и глухих пунктов ее неизведанных окраин.

И вот, для молодого военного инженера, очутившегося среди знойной природы Закаспийского юга, началась новая, кипучая деятельность, положившая крепкое основание для всей его дальнейшей работы на пользу великодержавной России, — работы, принесшей громадные и ценнейшие результаты. Специализировавшись, как блестящий железнодорожный строитель, под руководством многоопытного начальника генерала Анненкова в Закаспийской области, Димитрий Леонидович Хорват и в дальнейшем посвятил железнодорожному делу всю свою жизнь, отличаясь, вместе с тем, и как выдающийся администратор.

С появлением военного инженера Хорвата на горизонте русского строительства конца XIX и начала XX столетия, открылась как бы целая новая эпоха жизни Средне-Азиатской и Дальне-Восточной России. Эпоха великих там творческих порывов и ценнейших государственных достижений.

Неисчислимое количество лет простирались дотеле безводными и безлюдными необозримые пустыни Средней Азии, и лишь редкие смельчаки решались прорезать со своими убогими караванами их знойные пространства. Но появился Хорват — и стало твориться на этих пространствах чудесное превращение: с поразительную быстротою прокладывались по песчаным степям железные дороги, выросли цветущие оазисы около станций, возникали из бесплодных песков новые города и селения, зарождалась бойкая торговля и новые экономические возможности. Целая новая страна как бы родилась там, где еще так недавно царило одно уныние глухой пустыни. И одним из главных виновников этого чудесного превращения несомненно являлся во-

енный инженер Димитрий Леонидович Хорват, к тому времени состоявший уже в высоком чине.

Прошло немного лет и его созидательный гений перенесся с пространств Средней Азии на Дальний Восток, к берегам Тихого океана. Были преодолены необозримые пространства и этого края, мысль о котором навевала в прежнее время одну грусть у обитателей Петербурга и Москвы... Через горы и равнины, по которым раньше с трудом проходили партии каторжан, двигавшихся в сторону Сахалина, — легла мощная линия железной дороги; над девственными дотоле громадными реками восточной Сибири — нависли смелые пролеты мостов. Дикие дебри оказались превращенными в культурные центры с неограниченными возможностями для промышленности, торговли и благотворной культурно-просветительной деятельности.

Д. Л. Хорват не оставлял Дальнего Востока, зажившего новою и кипучею жизнью, овеянной всеми благами цивилизации и культуры. Он продолжал работать, привлекая для сотрудничества новых и полезных людей, к выбору коих имел исключительную способность. Своим пронзительным и практичным умом он легко схватывал самые широкие планы и находил выход из наиболее затруднительных и запутанных положений. И при всех обстоятельствах — он неизменно руководствовался стремлением служить своему долгу и благу России; во имя этого стремления, славный потомок сербских переселенцев готов был на любой подвиг и жертву.

Обладая природным дипломатическим тактом, генерал Д. Л. Хорват в своей многосторонней деятельности умел верно оценивать людей и создавшиеся положения, после чего находил верные пути и средства к осуществлению поставленных перед ним ответственных задач. При этом, — обладая громадным размахом в замыслах, — он никогда не терял чувства реальности; никогда не увлекался мечтами и не давал воли несбыточным фантазиям. А, вместе с тем, именно ему удавалось осуществлять на деле то, что другим людям казалось несбыточным и фантастичным...

16-го мая 1937 года оборвалась жизнь этого заме-

чательного строителя русского дальнего Востока. К сожалению, случилось так, что этот великан русского духа — генерал Димитрий Леонидович Хорват перешел в лучший мир на земле чужой: он умер в немецком госпитале китайского Пекина, куда был занесен в последние годы своего земного существования.

ГРАФ СИМЕОН ЗОРИЧ

По происхождению он был серб. Но его имя прочно вошло в историю России, — главным образом, ее придворных кругов. Оставил он и в истории культуры российской положительный след. Но эта яркая и красочная личность до сих пор не получила полного и всестороннего освещения. Отношение к нему двойственное. За интимной стороной его личной жизни не хотели видеть того, — хотя и не особенно многого, но все же ценного и важного, — что он сделал для России в области просвещения.

Несмотря на то, что личная близость Зорича к императрице Екатерине Великой была только эпизодом, к тому же случайным и кратким, некоторые из исследователей русского прошлого и в настоящее время еще упорно называют его — фаворитом императрицы. Но необходимо тут же подчеркнуть, — к чести некоторых сербских ученых, — что они проявили более глубокое, широкое и, пожалуй даже, деликатно-объективное отношение к русской великой императрице и к своему соотечественнику.

Один острослов как-то обмолвился эффектной, но легкомысленной фразой, сказав, что "когда на престоле находится мужчина, то, по существу, правит женщина, а когда на престоле женщина, — то правит мужчина"... Но меньше всего это применимо к императрице Екатерине Второй, с полным правом названной Великой. Она, — как редко кто из царствующих лиц, — умела подбирать себе талантливых помощников. И ее царствование было не только блестящим по внешности, но и замечательным по достижениям во всех областях государственной жизни.

Несмотря на пышность и роскошь придворной жизни, — изобиловавшей различными торжествами и празднествами, в которых сама императрица принимала живое и деятельное участие, — эта великая государыня была истинной и неутомимой труженицей на престоле и проявляла при этом не только огромную трудоспособность, но и гкубокую мудрость, дальновидность и горячую заботу об интересах государства и народа, одинаково дорогих и близких ее пылкому сердцу и большому государственному уму.

Поэтому ее деятельность вызывала восторг современников, — и не только ее подданных, но и иностранцев, — свободолюбивых умов Запада. Нашла она достойную оценку и историков, умевших быть зоркими, беспристрастными и справедливыми.

Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы...

— Так сказал Державин, имея в виду, разумеется, и воспеваемую им "Фелицу".

Рассматривая жизнь и деятельность Екатерины Великой, нужно непрестанно помнить эти слова Державина, хорошо знавшего и понимавшего личность, жизнь и деятельность этой Государыни, составлявшей славу России...

Прекрасно это поняли и соотечественники Симеона Зорича. Так, благочестивому сербскому монаху и писателю Герасиму Зеличу, гостившему у графа Зорича в Шклове, казалось едва ли не богохульством вспоминать о Зоричевском "эпизоде" в жизни православной русской царицы, победительницы неверных, чье имя — вместо имени тогдашней австрийской императрицы Марии-Терезии — тайком часто поминалось в сербских храмах за литургией... ¹⁾

Знаменитый сербский писатель Досифей Обрадо-

¹⁾ В те далекие времена, часть сербского народа была в подданстве у австрийского императора, а другая часть — у турецкого султана.

вич даже и в мысли не допускал возможности упоминать о том, что его "благодатнейший патрон", граф Симеон Зорич, был фаворитом русской императрицы... Известный сербский старый писатель, Захарий Орфелин, посвятил свой труд "Житие Петра Великого" императрице Екатерине II, называя ее "всепресветлейшей, непобедимейшей и великой государыней"... Также и сербские народные песни прославляли русскую императрицу Екатерину Великую, и ее портреты, как святых, хранилась у образов во многих сербских домах.

Принимая во внимание несомненную положительную сторону деятельности Симеона Зорича и считая, что все, связанное с жизнью великих людей, имеет значение, — коснемся и мы упомянутого деликатно интимного эпизода, — твердо помня, однако, что есть пятна и на солнце. И подчеркнем еще, что упоминаемый в истории "эпизод" — факт лишь малого значения. Но это даст нам повод, право и даже обязанность коснуться и положительной стороны деятельности одного из участников этого "эпизода".

Симеон Зорич был единственным иностранцем, заслужившим личную симпатию Екатерины Великой. Светлейший князь Потемкин, перестав быть фаворитом государыни, остался, однако, преданнейшим другом и деятельнейшим сотрудником в государственных делах: всемогущим по влиянию на нее первым лицом в государственном управлении. Примечательно, что и в последующее время именно он "намечал" кандидатов на положение царицыных фаворитов. Эти последние были ему благодарны и становились верными проводниками его политических планов...

На серба Симеона Гавриловича Зорича пал жребий после малоросса Завадовского, который начал свою службу при дворе на должности суфлера придворного театра. Это был ловкий, оборотистый человек с большой хитрецей. Но плохо рассчитав, он перекинулся в лагерь фельдмаршала Румянцева, бывшего ярим противником Потемкина. Последний во-время сумел отстранить Завадовского от царицы и на его место продвинул молодого серба, Симеона Зорича.

Кто же был этот новый баловень судьбы?

В числе сербских переселенцев с австрийской территории прибыл в Россию в 1752 году капитан Максим Зорич, который в 1774 году дослужился в русской армии до чина генерал-лейтенанта. Не имея мужского потомства, он усыновил своего родственника Симеона Наранджича, принявшего фамилию усыновителя — Зорича.

Когда Симеону, родившемуся в 1743 году, исполнилось одиннадцать лет, он вступил в гусарский полк, состоявший из переселившихся в Россию сербов. В 1760 году, всего 17-ти лет, Зорич принял участие в семилетней войне и попал в плен к пруссакам. Когда он вернулся из этого плена, то был произведен в чин подпоручика, а вскоре и поручика. Затем участвовал в подавлении польского восстания и в 1767 году был произведен в ротмистры. В русско-турецкой войне 1768-1774 гг. Симеон Зорич проявил выдающуюся храбрость и находчивость. На основании этого, он вне очереди получил чин премьер-майора. А еще через год был уже генералом, отличаясь блестящими и разнообразными способностями. Вот, что писал о нем командующий армией:

"По рапорту генерал-майора Зорича уведомились, что по многим трудностям в переправе через Днестр, достал он (Зорич), наконец, помощью Молдавцев несколько малых плотов и судов, и переправился туда с великим трудом с четырьмя тысячами пятьюстами человек гусар, казаков и егерей; из коих последние были под предводительством подполковника Фалькерзама; что 26-го минувшего месяца при приближении к крепости (Бендеры) встречен он был, Зорич, выступившею из города турецкою пехотою и конницею, под командою по объявлению пленных самого Сараскера Магомед Паша и пяти тысяч турок с пушками; а от стороны Каушан под командою Хана Крымского в девяти тысячах человек татар; что он не взирая на превосходное их число тотчас атаковал их с обыкновенным войску Ее Императорского Величества мужеством и храбростью, выдержал довольно запальчивые также с неприятельской стороны удары, обратив его в бегство с великим уроном, и погнав в предместье Бендерское, так, что неприятель не успел забрать по обычаю своему всех уби-

тых, и оставил их несколько сот на месте сражения; что ройска наши, отступя от предместья, ночевали на месте победы. Что в ту же ночь отправил он Изюмского гусарского полка майора Бердягу с двумястами егерей с двумя эскадронами гусар, и с тремя легкими орудиями для ночного поиска над неприятелем, защищавшим предместье называемое ими старые Бендеры“ и т. д.

Так гласит красочная выписка из "журнала военных действий армий Ее Императорского Величества“ за 1-ое ноября 1769 года в части, касающейся генерала Зорича.

**

В большом сражении этой войны генерал Зорич получил три тяжкие ранения и попал в плен к туркам... Пробыв в заточении в особо тяжелых условиях около пяти лет (из коих большую часть в Семибашенной каторжной тюрьме), — он получил освобождение только в 1774 году. Но, по возвращении в Россию, Зорич недолго пробыл в С.-Петербурге и был отправлен с дипломатической миссией в Швецию. Успешно выполнив ее, он вернулся в Россию; был представлен императрице и произвел на нее очень хорошее впечатление, особенно своими рассказами о войне и пребыванию в плену.

С этого началась карьера Симеона Зорича при дворе. Ему было тогда уже больше сорока лет. Но, по свидетельству современников, он представлял собою "совершенный образец мужской красоты и силы“. Известный французский писатель, который видел Зорича спустя десять лет, писал о нем: "Это высокий человек, сотворенный для картины. Думаю, что ему лет пятьдесят, но его глаза замечательно красивы, а манеры полны грации. Он был естественен и прост... Часто мне повторял, что был варваром, но что его "госпожа“ сотворила из него совсем другого человека. Он много говорил мне о том времени, когда был он в милости и со слезами на глазах рассказывал о милостях, которыми "осчастливлен был высокой госпожой...“

**

Как было упомянуто, на положение фаворита Симеона Зорича провел светлейший князь Потемкин, ко-

торый понимал, что Зорич, — будучи необычайно красив, не обладал, однако, особыми духовными достоинствами и потому не представлял для князя никакой опасности...

В начале Потемкин взял Зорича к себе в адъютанты, а царица произвела его в следующий чин и вскоре назначила начальником дворцовой охраны. А в 1777 году Зорич был уже назначен адъютантом императрицы и в августе того же года под своей подушкой нашел кошелек с золотом и ключи от царской опочивальни.

Так началась зоричевская "карьеря". Один из его современников, С. Н. Глинка, так описывает введение Зорича в круг его придворных обязанностей: "Вечером в первый день царских милостей Зоричу, был устроен в честь его бал. Гусар герой и красавец весело пересыпал свои шутки турецкими словами и очаровывал ловкими движениями в венгерке и мазурке, будучи сам очарован переходом из гусарских рядов в царский дворец".¹⁾

Но милостью царицы Симеон Зорич пользовался всего лишь одиннадцать месяцев. И за это краткое время он получил: следующий чин, звезду с бриллиантами, золотые эполеты и саблю, осыпанную драгоценными камнями; также перстень и запонки с огромными бриллиантами. Кроме того, царица подарила ему большой дом вблизи Зимняго Дворца и 300.000 рублей... А вскоре он еще получил огромное поместье Шклов в Могилевской губернии, бывшее некогда собственностью князей Чарторийских, — вместе с селами, которые составляли 12 общин с населением в 16.000 душ.

В том же году Зорич получил еще новые драгоценные подарки, между которыми особенно выделялся золотой пояс, украшенный 1875 бриллиантами и 239 смарагдами. Считается, что за короткое время, с августа 1777 до июня 1778 года, т. е. за одиннадцать месяцев, в течение которых он был в милости у царицы, — Зорич получил подарков ценностью больше, чем в 2.000.000 золотых рублей...

Но одного только материального богатства Зоричу

1) «Записки С. Н. Глинки 1775—1847». СПб. 1895 г., стр. 138.

казалось недостаточным. Ему хотелось почестей и власти. В частности он жаждал княжеского титула, который в том же положении при дворе в свое время получили Орлов и Потемкин. К тому же он стал проявлять и политические амбиции. Вот эта ненасытность и погубила его, ибо Потемкин прежде всего не терпел соперников политических. Поэтому он стал умно, тонко и ловко выступать против Зорича, подчеркивая царице его промахи и недостатки, которых было немало. А одновременно с этим он стал выдвигать на его место нового кандидата...

Слухи об этом дошли до Зорича и он, по своей невоздержанности, опрометчивости и недальновидности вступил в борьбу с всемогущим Потемкиным... Зорич поссорился с князем и даже вызвал его на дуэль; угрожал в то же время отсечь уши тому, кто решится занять его "место" при дворе. Заметив, что императрица охладевает к нему, он бросился перед нею на колени и со слезами умолял ее не удалять его. Но ничто уже не могло помочь ему: дни его при дворе били сочтены. И в конце июня 1778 года Зорич был удален от двора.

В своем огромном поместье Шклов жил Симеон Зорич на положении подлинного, хотя и некоронованного владельца. Он имел многочисленный "двор", собственный театр с французской оперой и итальянским балетом. Вообще, он производил безумные траты; увлекался и картами, с ожесточением целыми ночами сражаясь на зеленом поле. Случалось в одну ночь он проигрывал в карты 40-50 тысяч рублей...

Как протекала жизнь в богатом поместье Симеона Зорича, напомиравшем княжество, рассказывает современник и очевидец Л. Н. Энгельгардт, который так передает свои личные впечатления:

"Не было ни одного помещика в России, который бы так жил, как граф Симеон Зорич. Его поместье Шклов всегда было переполнено множеством людей разного положения, звания и народности. Из них многие были родственники и прежние друзья по военной службе Зорича, — но без исключения все они жили на его счет. Младшие и старшие офицеры в отставке, иностранцы: французы, итальянцы, немцы, сербы, молда-

ване и турки, — одним словом, всякие лодыри и бездельники, бродяги. Всех их любезно принимал гостеприимный Зорич и его дворец — полная чаша — был доступен каждому... Специально для веселья приезжали представители аристократии из Петербурга, Москвы и разных губерний к первому сентября на день ангела гостеприимного хозяина. Также и два раза в год — на ярмарки. Тогда веселилось это общество и оставались в Шклове по две и больше недель... Однажды было три сорта артистических представлений и, в числе других, тогда в французской опере принимали участие княгиня Екатерина Александровна Долгорукая, графиня Мельвина и другие высокопоставленные дамы. Трагедию и комедию на русском языке играли: князь Прокофий Васильевич Меццерский с супругой, Голицыны и Толстые; в балете участвовал Д. И. Хорват с кадетами... Польская труппа принадлежала самому Зоричу и была на высоте исполнения. Устраивались балы, маскарады, карусели, фейерверки, а иногда и катанья в разукрашенных лодках с оркестрами и хорами. Словом, не было удовольствия, которым радушный хозяин не старался бы привлечь к себе побольше гостей".¹⁾

Другой современник, С. Н. Глинка, говорит в своих воспоминаниях:

"У графа Зорича был роскошный сад и волшебный замок Армиды... У расточительного владельца Шклова был постоянно прилив и отлив гостей. Гремели концерты, шумели балы, театральные представления и романтические переживания их".²⁾

Но, соблюдая объективность, следует все же отметить, что у разгульного и расточительного графа Симеона Зорича были и благодетельные замыслы и добрые дела. Так, например, он задумал и основал в своем поместье военную школу, в которой молодые смоленские и белорусские юноши готовились к офицерскому званию. С этой целью он пригласил лучших преподавателей и воспитателей и на свой счет содержал

1) Записки Л. Н. Энгельгардта (1766—1836), стр. 29.

2) Записки С. Н. Глинки (1775—1847), стр. 138.

около 200 молодых людей. "Шкловское благородное училище" он поднял на большую высоту и для русской армии подготовил офицеров, из которых многие прославились в боях.

Когда императрица Екатерина Великая в 1780 году объезжала Белоруссию, направляясь навстречу австрийскому императору Иосифу II, она посетила Шклов, где был в честь ее устроен пышный прием. Быть может, надеясь вернуть былую милость, Зорич затратил больше 4.000 золотых дукатов только для ремонта дворца и из Саксонии выписал замечательную посуду за 60.000 рублей. При въезде в Шклов воздвигнута была величественная триумфальная арка. Для царицы была приготовлена спальня точно такая же, какая была у нее в Зимнем Дворце. Приглашена была немецкая опера и в честь государыни устроен был пышный бал с большим числом приглашенных гостей.

Когда в мае месяце императрица Екатерина с императором Иосифом снова посетила Шклов, были устроены новые роскошные торжества и великие забавы. Струились фонтаны с вином, а в новом театре была устроена пантомима, в которой участвовало 70 представителей аристократии. Потом был художественный балет и маскарад с костюмами, усыпанными драгоценностями. А в заключение был показан замечательный фейерверк.

Императрица Екатерина осталась очень довольна приемом. Но надежды графа Зорича не оправдались: к прежнему положению он не вернулся и ему пришлось остаться в своем поместье. . .

Хотя граф Симеон Зорич получал громадные доходы со своих имений, его материальные невзгоды возрастали с каждым годом. Однако, он все же продолжал сорить деньгами и разбрасывая их, давал каждому, кто стучался в широко открытые двери его дворца. Принимая к себе многочисленных служащих и щедро оплачивая их работу, — он, отпуская их со службы, назначал им пенсию. Делал то, что не было в обычае других богатых людей. . . Он устраивал различные предприятия; строил заводы, фабрики и даже пытался завести речное судоходство. Но, не будучи сведущим в

этих делах и не посвящая им должного личного внимания, — терпел зачастую неудачу. Но всего же больше он терпел в карточной игре, которой он отдавал слишком много времени и здоровья.

Следует упомянуть еще об одном печальном обстоятельстве из многомятежной жизни графа Симеона Зорича. В его окружение нередко проникали всякого рода мошенники, шулера карточные и всякой специальности авантюристы, иногда со всеевропейской известностью. В числе таких темных личностей оказались и два брата: далматинские "графы" Зиновичи — Анибал и Марко, доставившие Зоричу много огорчений... Среди своих других многообразных и всегда противозаконных проделок, — они занялись в Шклове также изготовлением фальшивых денежных знаков, в результате чего беспечный Зорич был весьма скомпрометирован. Братья Зиновичи пошли на каторгу, а доверчиво-бесшабашный владелец Шклова с немалым трудом доказал свою непричастность к уголовным делам своих бывших соотечественников. Но в Петербурге все же осталось некоторое сомнение и, во всяком случае, тяжелый и неприятный осадок. Императрица Екатерина впоследствии, в 1793 г., говорила (по словам ее личного секретаря, Храповицкого) о графе Зориче: "Можно думать что он имел две души — любил хорошее, но часто делал и плохое; был замечательно храбр в бою, но лично труслив... виноват в афере графов Зиновичей с фальшивыми ассигнациями"...

**
*

Государыня много раз помогала и спасала его от неминуемого разорения. Но он был неисправим: неоднократно спасаемый милостью и щедротами царицы от кредиторов, Зорич — верный своей безумной страсти к расточительству — вскоре же делал новые долги.

После смерти императрицы Екатерины в 1796 году император Павел вернул графа Зорича на военную службу и назначил его командиром Изюмского гусарского полка. И уже в следующем году этот полк полу-

чил название: "Гусарский генерала Зорича полк", а его командир был произведен в генерал-лейтенанты.

Но судьба графа Симеона Зорича была уже пред-
решена: его огромное поместье шло неуклонно к окон-
чательному упадку и государь приказал Гавриле Дер-
жавину взять его в свое управление. А владелец его,
— перегруженный долгами и запоздалыми сожаления-
ми, — в последние годы жил очень уединенно и почти
все свое время и внимание отдавал им основанной во-
енной школе. Но в 1797 году государь приказал эту
школу взять и переименовать ее в Московский кадет-
ский корпус... Зорич от огорчений своей былой не-
воздержанной жизни быстро терял силы. Плотной сте-
ной окружили его ненасытные родственники, которые у
одра умирающего вельможи ожесточенно ссорились из-
за большого наследства.

Граф Симеон Зорич скончался 6-го ноября 1799
года.

Так закончилась красочная жизнь Зорича, чье имя
сохранилось, прежде всего, на страницах "малой" исто-
рии великой государыни Екатерины Второй. Но при-
знать надо, что граф Зорич все же кое-что внес в куль-
турную сокровищницу этого славного царствования. И
этого не следует забывать,

"В исторической и беллетристической литературе
написано много былей и небылиц о фаворитах Екате-
рины; но только те из них играли роль в государствен-
ном управлении, которые были пригодны для этого:
остальных она держала лишь во внутренних покоях сво-
его дворца вместе со своими комнатными собачками"...
Так справедливо сказал вдумчивый наш историк, про-
фессор С. Г. Пушкирев.¹⁾ И эти слова твердо должен
помнить каждый, кто хочет знать и понять сложную
личность, интимную жизнь и государственную деятель-
ность этой великой Российской императрицы...

1) Пушкирев: «Обзор русской истории». 1953 г., стр. 334.

НОВОРОССИЙСКИЙ КРАЙ

Русский народ с необычайною силою стремился к югу: это отмечали все историки, иностранные и отечественные. Поэтому история южных областей представляет большую занимательность. Русская предприимчивость на юге в короткое время достигла такой степени развития, что обратила на себя внимание и удивление всей Европы, и привлекла много путешественников.

Во второй половине XVIII столетия, огромное пространство земли между реками Синюхою и Днепром и северною частью берегов морей Черного и Азовского, было глухою степью. А уже в XIX столетии оно было усеяно богатыми городами, красивыми и многочисленными селениями. Это — Новороссийский край... В старой Европе не видали ничего подобного; одна только Северная Америка представляла примеры таких волшебных превращений.

Петр Великий первый постиг выгоды этой степи для России и сам посетил Новороссию. Жители селения "Старый Койдак" еще в начале нынешнего столетия показывали скалу над Днепром, на которой стоял император Петр. В 1723 году Петр Великий грамотою на имя майора Ивана Албанеза пригласил сербов, желающих добровольно служить в России, и из них сформировал сербский гусарский полк. Этот полк, состоявший из шестисот человек, поселен был впоследствии, по проекту фельдмаршала князя Голицына, между укрепленным местечком Тором, впоследствии Славянском, и Украинскою Линиею. Таким же образом, в начале царствования императрицы Елисаветы Петровны, приглашены были Волохи, Грузины, Болгары и Греки, а составленные из них полки и эскадроны расположены были военным поселением на части южных границ империи.

Первые не-военные поселения в степи образовались на берегах Днепра в 1743 году, вышедшими обратно из Польши беглыми малороссиянами и русскими, которым объявлено было прощение. Они с самого начала поселились в слободках и, за неимением в степи никакого русского начальства, все эти первые поселения причислены были к ближайшему миргородскому полку.

В ту пору Австрия боролась с Пруссией, которую Фридрих II возводил уже в ряд великих европейских держав. А Польша, впадшая при саксонских принцах в совершенную анархию, доживала свой век и клонилась к разрушению. Восстание Текели, потом дело Ракочи, наконец, неудачная для Австрии война 1739 г. — были причиною того, что жители Венгрии и славянских областей немецкой империи, — особенно жители православного вероисповедания, — терпели большие притеснения. Во время этих смут вообще все австрийские подданные не-католики были гонимы за веру и лишались части гражданских прав.

Это было причиною, что в 1750 году полковник Хорват явился к российскому послу в Вене, графу Бестужеву-Рюмину с предложением поселиться в России... Посол донес об этом государыне и рескриптом 1751 года ему было повелено объявить Хорвату, что "не только он и другие сербы-офицеры, но и сколько бы их из сербского народа в российскую империю перейти похотело, все оные, яко единоверные, в службу и подданство приняты будут..." И в октябре того же года Хорват, с двумястами восемнадцатью человек прибыл в Киев. А уже следующей весною к ним присоединились новые выходцы. И тогда были им отведены земли от реки Синюхи, вдоль по берегам Виси и Арклея до Днепра.

Это и было первое военно-земледельческое поселение в новороссийской степи.

Примеру сербов вскоре последовали недавно вышедшие из Турции болгары и волохи. Они сначала хотели водвориться в Польше, но, узнав, о поселении своих единоверцев в Новороссии, поспешили присоединиться к ним. Их вышло до 620 семейств, из которых, — как и из других беспрестанно прибывавших сербов, — Хорват учредил первые поселенные полки: "гусарский Хорватов" и "пехотный пандурский". А из холостых переселенцев были сформированы два гусарских полка — "македонский" и "болгарский", которые, хотя не были поселены, однако, тоже находились под начальством Хорвата.

Пространство земли, занятое новым поселением, названо было "Новой Сербией", и для защиты края, на речке Ингул, построена была крепость св. Елисаветы. Тогда же, со стороны польской границы, укреплен старинный шанец новоархангельский и построен Новомиргород.

В 1752 и 1753 годах явились новые переселенцы: сербские полковники, Шевич и Прерадович, служившие в австрийских войсках Марии Терезии, с многими своими соотечественниками перешли в Россию. Им отведены были земли по левой стороне днепровской степи, между речками Луганью и Бахмутом, по правому берегу северного Донца — и страна эта получила название "Славносербии". Бахмут, укрепленный городок, основанный еще Петром I в 1701 году за рубежом Украинской Линии, был избран местом главной квартиры поселенных в ней полков, сформированных Шевичем и Прерадовичем; также Бахмутский казачий полк вошел в состав нового поселения. Оно было второе "военно-земледельческое" в новороссийской степи поселение.

Малороссияне, венгры, поляки принимавшие православную веру, также молдоване и волохи, продолжали приходить, зачисляясь в гусарские полки. Они селились в степи и занимали земли между первым и вторым поселением: от реки Ингула, по Тясмине и верховьям Ингульца до Днепра, где Крюков, Крылов, Цыбулев. А вскоре "Бечи" или Александрия сделались их главными селениями. Наконец, старообрядцы и беглые русские крестьяне прощенные манифестами 1734 и 1755 годов, стали селиться около крепости св. Елисаветы, от Синюхи к Днепру, уже за первоначальной чертой поселений. Так что земля Запорожских казаков, — с севера, востока и запада, — начала теснее окружаться русскими военными поселениями.

Между тем, от казны были назначены денежные пособия разным единоверцам, выходящим из турецкого и татарского плена. Эти выходцы поступали в новосербские и славяно-сербские полки или поселялись на землях, принадлежавших тем полкам. По 1759 год за рубеж Ново-Сербии, далее в степь, водворился казачий полк, составившийся из малороссиян и волохов, переходив-

ших из Польши целыми слободами. И с этого года новый край, принимает некоторым образом вид благоустроенной области. И Хорват, уже в чине генерал-лейтенанта, подписывая разные бумаги, ставил на них: "Дано в Ново-Сербии..." Учрежден был в Новомиргороде род главного присутственного места под названием "Канцелярия Новосербского Поселения"... Шевич, произведенный в генерал-майоры, был назначен начальником Словеносербии, под непосредственным наблюдением генерал-фельцейгмейстера.

Духовенство новосербское подчинено было ведению митрополита Киевского, а славяносербское — архиерею Белгородскому. Все поселение, названное вообще "Новосербией" или "Новосербским корпусом", состояло из двух частей или областей. Та и другая области разделялись на полки, а полки на роты, селения, шанцы. Каждая рота имела своего начальника и "ротное правление". Мир и порядок водворялись в новом крае; только запорожцы да беглые поселяне нарушали его спокойствие. И генерал Хорват много раз жаловался на них правительству.

В эту первую эпоху своего заселения, Новороссия производила уже меновую торговлю с Турцией и Крымом, отпускала все произведения новозаселенной степи и малого количества мануфактурных товаров, доставляемых из Великой России... Взамен всего этого из-за границы получались: шерсть овечья, хлопчатая бумага, ладон, нашатырь, бакалия, вина, оружие и пр. Торговля с Польшей была преимущественно транзитная, полезная особенно тем, что доставляла новому краю лес и хорошей породы скот. Первая ярмарка открыта была в крепости св. Елисаветы в 1754 году... Церквей тогда было 31 и строящихся 8.

Здесь оканчивается первая эпоха истории Новороссийского края, начиная с 1751 по 1764 год. И в этот краткий период времени на прежней степи было уже более 200 сел и городов!.. Вторую эпоху были 1764-1775 годы, — время от учреждения Новороссийской губернии до генерал-губернаторства в ней князя Потемкина-Таврического.

Императрица Екатерина II, едва вступив на престол, дозволила "всем иностранцам приходить в Россию и селиться где кто пожелает..." Граф Орлов назначен был председателем учрежденного "Опекунства иностранных поселенцев". Для преобразования Новороссийского края составлены были два комитета и по их представлению повелено: территорию Новосербского корпуса наименовать Новороссийскую губернию, а Славяносербию назвать екатериненскою провинциею и подчинить ее новороссийской губернии... Здесь в первый раз официально является название "Новороссия" и уничтожается Украинская Линия, вместо которой строятся новые крепости уже за чертою области.

В новороссийской губернии назначены были торговые города и таможни, учреждены пограничные комиссарства. Вся земля Новосербского корпуса, состоявшая из 1.442.000 десятин, разделена была на 70 округов, каждый из 700 участков; часть их назначена была для военнослужащих. В том же году уничтожено было в Малороссии гетманство и вся Украина, преобразованная в русские губернии, подчинена генерал-губернатору. Запорожская Сечь поступила в ведение общего малороссийского правительства и на ее печати, вместо слов "Печать славного войска Запорожского Низового", велено было изобразить: "Печать войска Ее Императорского Величества Запорожского Низового"... Из селений и городков Слободского казачьего полка учреждена была слободско-украинская или харьковская губерния, разделенная на три провинции: елисаветинскую, екатериненскую и бахмутскую. Чиновники получали жалованье деньгами и землями, на которых могли поселять людей вольных, завербованных за границу, или переселять из внутренней России своих крестьян. По всей турецкой границе учреждены были карантинны.

Полезьа учреждения нового порядка обнаружилась очень скоро: народонаселение быстро умножилось. Поэтому уже в 1767 году жителям Малороссии запрещено было переселяться в новый край. Между тем как военные и гражданские чиновники, получая за службу большие участки земли, вместе с тем получали "открытые листы" на вывод из-за границы людей всякого звания

и наций, для причисления их к полкам или водворения на своих, или казенных, землях.

1768 год ознаменован в летописях Новороссии русско-турецкой войною, которая, несмотря на бедствия, ускорила благоденствие края. Уже в начале следующего года русские войска прогнали турок за Днестр и взяли Хотин; другие войска пошли за Днепр, овладели Азовом и всею таганрогскою линиею... В Азове и Таганроге учреждены гарнизоны, для которых сформированы были особые полки под названием "Азовского Казачьего войска" и указом высланы туда купцы и цеховые для составления там городов. Поселенцам близ них даны были льготы особенные, кроме общих всему краю. И множество волохов, греков, армян, раскольников из Польши, магометан-беглецов из Турции -- поторопились воспользоваться ими. Евреи получили право гражданства в новороссийском крае.

От Азовского моря до Днепра край опоясался рядом новых крепостей и земля запорожская вошла в состав новороссийской губернии; между Днепром и Бахмутом потянулась Днепровская Линия и около нее поселены отставные солдаты со своими семействами. В 1770 году Орлов и Румянцев поражают турок, а князь Долгорукий врывается в Крым и овладевает Феодосиею, Керчью, Балаклавою, Таманью... Татары добровольно вступают в подданство России и садятся позади русской границы. А на следующий год и самый Крым отдается в покровительство Екатерины Великой. Но удивительнее всего, что, — несмотря на пять лет войны, неурожай и чуму, а также приостановленное переселение, — народонаселение удвоилось и в новом крае построено 399 новых селений.

После назначения графа Потемкина начальником Новороссии, этот обширный край разделен был на две губернии, и тогда в состав Азовской вошла заднепровская часть новороссийской губернии. В последней же осталась бывшая Новосербия с Кременчугом и некоторыми малороссийскими местечками; да по правому берегу Днепра — вновь водворяемое поселение "молдавского" гусарского полка. Между тем, запорожское войско, — земли которого лежали между двух этих гу-

берний, — не переставало самовольничать. Но теперь была не прежняя пора бессилия России на юге: запорожское войско было уничтожено, Сечь его занята вооруженною силою, а земли, вместе с жителями, присоединены к новороссийской и азовской губерниям.

В 1775 году началось постоянное переселение в Новороссию греков, составивших впоследствии четвертую часть всего тамошнего городского населения. В начале следующего года граф Потемкин возведен был в достоинство князя римской империи. Прежние гусарские и пикинерные полки переформированы были и усилены и Новороссия имела более десяти тысяч хорошей конницы. Генерал-поручик Суворов отправлен был на полуостров для наблюдения за действиями крымцев. В то же время губернии саратовская и астраханская подчинены управлению Потемкина, — и все на трех южных морях России зависело от царского наместника, власть которого простиралась на устья важнейших рек: Волги, Дона, Днепра и Буга... Затем на его имя последовало Высочайшее распоряжение: соорудить, по соображениям выгод морских и сухопутных, город и при нем верфь, и наименовать его Херсоном. Воля императрицы была исполнена с такою быстротою, что, менее чем через год, на верфи Херсона заложен был 66-типушечный корабль "Слава Екатерины", а для вооружения крепости прислано 220 орудий.

Вместе с этим городом, воскрешавшим древнее имя Херсонеса, воздвигнут был и другой город с именем "Екатеринослава", назначавшийся местопребыванием начальства Азовской губернии. Тогда как Кременчуг оставался губернским городом Новороссийской и в нем, с 1779 года, открыто было французом Каспером Фроссардом училище для благородного юношества.

Суворов деятельно занимался в Крыму и, по его стараниям, Шегин-Гирей-Хан завел на полуострове конные почты; в то же время, несмотря на все усилия Хана, более 30 тысяч греков и армян оставили Крым и перешли в Россию. Первым даны были земли у Азовского моря, а вторым на Дону; греки выстроили город и порт Мариуполь; армяне на Дону выстроили Нахичевань. И оба эти города были причислены к Азовской

губернии. Наконец, в 1780 году, — облеченный полною властью наместника и получив несколько миллионов от императрицы, — прибыл в Кременчуг и воздвиг себе дворец с садом и рощею.

В то время вся Европа занята была англо-американскою войною, а испанцы захватили Минорку. Тогда 62 корсиканских солдата, обязанных по капитуляции крепости не служить более против Испании, — и с ними несколько человек греков и итальянцев, — испросили дозволение поселиться в Новороссии. Им даны были земли, хлеб, скот и деньги на обзаведение, в Херсоне и в Павлоградском уезде. В самом Херсоне было уже 342 поселившихся иностранных семейства... Восемь лет мира доставили Новороссийскому краю возможность устроиться и укрепиться. Всеобщее внимание, видимо, обращалось на юг России, — на Крым и Турцию. Между тем, в Таганроге и Херсоне спускали корабли; в Херсоне и Кременчуге лили пушки и готовили оружие; две армии, под начальством Румянцева и Потемкина, были собраны и стояли наготове.

В половине 1782 года генерал-поручик граф де-Бальмен, занимавший с своею дивизией границы ханства Крымского со стороны Перекопа, донес Потемкину о возмущении на полуострове и о бегстве хана Гирея в русскую крепость Керчь. Тогда же, вопреки мирного трактата с Россиею, турки заняли своими войсками остров Тамань... Потемкин приказал Суворову выгнать турок из Тамани и занять кубанские земли; де-Бальмену войти в Крым, а вице-адмиралу Клокачеву стать со всеми судами в гавани Ахтиарской.

Манифест 1783 года, изъявляя согласие императрицы на абдикацию Гирея-Хана, объявлял, что "полуостров Крымский, остров Тамань и вся кубанская сторона приняты под державу Всероссийскую"... Русские завладели берегом Черного моря от Керчи до Очакова и приобрели знаменитую гавань. Турция, вместо ожидаемого от нее противления, признала Крым принадлежащим России; были установлены правила для свободной торговли обеих держав. Весь Новороссийский край назван Екатеринославским наместничеством. С рас-

пространением границ Российской империи, крепости, — Переволочна, Самарская, Изюм, Тор и Бахмут, — сделались внутренними городами, а их артиллерия обращена на укрепление Кинбурна и других пограничных городов... С англичанином Моффетом заключен был контракт о разведении садов и лесов около Херсона; для строения городов приглашены из Парижа архитекторы Вектен и Лаллеман, а для флота выписаны отличные кузнецы. Учрежденное ранее в Петербурге училище для детей иностранных единоверцев, переведено было в Херсон.

С отъездом Шегин-Гирея в Воронеж, назначенный местом его пребывания, Крымские татары начали охотно считать себя русскими подданными и правительство приступило к учреждению "Таврической Области". Все каймаканы, кадии и муфтии утверждены были в своих должностях; Ахтиарский порт назван Севастополем, Кафе возвращено древнее имя Феодосии. И манифестом объявлено было, что "все с российской империею в дружбе состоящие народы могут производить свободную торговлю в Херсоне, в приморских городах". Но, — несмотря на все попечительные меры русского правительства, — стали тайно уходить в Турцию. Потемкин, узнав о том, велел объявить на всем полуострове, что русское правительство вовсе не желает препятствовать такой эмиграции и станет всем желающим выдавать паспорта.

Между тем, генерал Михаил Потемкин, командовавший войсками на Кубани, доставил наместнику челобитную кумыцких, кабардинских и закубанских армян, изъявивших желание переселиться в Россию... В это же время многие московские, стародубовские и елисаветградские старообрядцы переселились в Крым, где им предоставлены были большие выгоды и льготы. К Некрасовцам, вышедшим в Турцию, послано было приглашение возвратиться, некоторые согласились, — но большая часть оставалась чуждою отечеству до самого 1828 года.

Тем временем все в Новороссийском крае готовилось к приезду императрицы. Потемкин строил дворцы, делал дороги, сажал плантации, строил заводы и

приготовлял материалы для построения нового Екатеринослава, которого первый камень должен был быть положен самою государыней. Потемкин писал инженер-полковнику Корсакову: "Дорогу сделать богатою рукою, чтобы не уступала римским; я назову ее Екатеринбургский путь"...

В этом году переселение в Новороссийский край волохов из польской Украины и раскольников из разных мест усилилось. В то же время дан был пример переселения из внутренней России: больше двадцати тысяч экономических крестьян переведены были на казенный счет; помещикам также дозволено было переселять своих крестьян на новороссийские земли. Из Пруссии 510 и 400 женщин секты менонитов переселились в Хортицкий округ. Так начались первые иностранные не-военные поселения-колонии в новороссийской степи.

В память пребывания своего в Херсоне, государыня, на дверях соборной церкви в крепости золотыми буквами начертала: "Спасителю рода человеческого Екатерина II посвящает". Затем она отправилась в Крым и посетила Перекоп, Бахчисарай, Севастополь, Феодосию; подарила земли принцам де-Линь и де-Нассау... Отправила с новыми инструкциями приехавшего из Цариграда посланника своего Булгакова; наименовала князя Потемкина "Таврическим" — и возвратилась в столицу.

В 1788 году началась война нападением турок с моря на Кинбурн: турецкий флот окружил его; русский, небольшой, вышел в море под начальством принца Нассау-Зинген, а при нем находились: знаменитый американский моряк контр-адмирал Поль-Джонес и храбрый грек капитан Алексияно. Весь этот год прошел в битвах на суше и на днепровском лимане. А, между тем, с верфей спускались и выходили в море новые корабли. После жестокого штурма взят был Очаков и Хотин, — русские пошли к Дунаю... В 1789 году генерал де-Рибас взял Гаджибейский замок, несмотря на присутствие всего неприятельского флота; Суворов разбил турок на Рымнике и овладел Аккерманом, Бендерами и всем днепровским лиманом. За это получил титул "графа Рым-

никского"... В кампанию следующего года де-Рибас с гребным флотом вошел в Дунай и взял две крепости; Суворов, после отчаянной обороны неприятеля, завладел Измаилом, — и тогда Потемкин перенес главную свою квартиру в Яссы... Порта стала просить мира, и в 1791 году закончилась трехлетняя война.

Ясский мир предоставил русскому владычеству большую часть берегов Черного моря. Вся страна между р. Бугом, Днестром и польскою границею, была присоединена к России. Так, постепенно достигнута была цель, для которой заселялась степь и создавалась Новороссия. Рескрипт, на имя губернатора, данный в начале следующего года, служит ключем к истории важнейших распоряжений в этой обширной и богатой области: "1) Употребить всемерное старание о скорейшем заселении сея земли, отводя оную как для казенных слобод, так и для помещиков, небольшими участками и обязывая притом получающих сии участки, населять оные без потерянния времени. 2) Наблюдсти, чтобы казенные селения не были смешаны с помещичьими. 3) Арнаутские и волонтерские команды, при армии бывшие, покойный князь Потемкин-Таврический полагал поселять на сей земле, из которых бы и составился на первый случай род войск поселенных. Вы немедленно имеете принять меры к произведению сего в действо".

В очаковской области, присоединенной к Новороссии, нашлось несколько селений, заведенных давнишними русскими беглыми и пришельцами разного звания и наций; многие крестьяне переселились также из Польши. Пленных турок, пожелавших остаться в России, селили в Николаеве, и вызвали для них муллу из Крыма. Верным казакам бывшей Запорожской Сечи отдан был остров Фанагория, со всеми землями, лежащими между Кубанью и Азовским морем, и всякому из них приказано выдавать денежное пособие. Арнаутам и другим "волонтерам" было предоставлено право поступать в легкую конницу или в бугское казачье войско. И этих "разных волонтеров" поселилось около 1435 человек... Велено было на новой границе "провести ряд крепостей", т. е. линию заднестровскую. Крепости эти были: Тирасполь, Овидиополь — на днестровском лимане, на

берегу морском — Одесса. Составление планов и чертежей, а также управление этими работами по всем этим крепостям возложено было на де-Волана.

Водворение иностранных колоний продолжалось и в 1794 году их было уже основано пять: Хортицкая, Юзенсталь, Данцигская, Шведская и Ямбургская. Греки, подданные Турции и принявшие участие в войне на стороне России, — навлекли на себя гонение Порты, и потому многие из них перешли в Новороссию, где получили наделы земли. Другие греки, выходцы с острова Занта, присоединились к обществу своих соотечественников, составивших на южном берегу Крыма "Балаклавское греческое военное поселение".

Надо было учредить порт ближе к морю, чем Херсон и Николаев. Поэтому государыня в 1794 году повелела: "уважая выгодное положение Гаджибея и сопряженные с ним пользы, устроить там военную гавань вместе с купеческою пристанью". Вице-адмирал де-Рибас назначен был "градостроителем" и ему поручено главное начальство над портом, который строил де-Вола. То была Одесса, названная ненадолго Гаджибеем... В этом же году учреждено было в Симферополе медико-хирургическое училище и устроена рота инженеров для постоянного надзора при производстве работ на южных границах.

В 1795 году учреждена губерния "Вознесенская", в которую переселено было больше двадцати тысяч казенных крестьян; им выстроены были жилища и даны пособия из казны. Ногайцы испросили дозволения перейти из кизлярской степи в таврическую область и переменили образ кочевой жизни на оседлую. Тогда же обнародован был "открытый лист" губернатором Хорватом; приведем из него главнейшую статью: "Ее Императорское Величество, обращая особенное благоволение ко благоустройству городов Новороссии, дабы оные как умножением народа, так равно строением и торговлею возрастали и процветали. Всемиловитейше поселяющимся в губернских и уездных городах иностранным и приходящим из внутренних губерний России, и записывающимся в купечество и цехи, преимущества и

выгоды: 1) Всем, которые построят в новых городах заводы, фабрики, дома, лавки, магазины и т. п. — воспользуются на десять лет увольнением от всяких в казну податей и от постоев в домах их воинских чинов. 2) Отправляющим богослужение по старопечатным книгам позволяется отправлять моление по их обрядам. 3) Каждому из новопоселявшихся по городам сделано будет достаточное вспоможение ссудю денег“.

Для поощрения колонизации греков и армян, император Павел пожаловал тем и другим некоторые преимущества; прежним поселенцам, их соотечественникам, прощались не уплоченные ссуды и отпускались суммы на построение церквей и общественных зданий. А со вступлением на престол Александра I обращено было особенное внимание на орды ногайцев и на приведение их к оседлому образу жизни. Вот слова из указа, по этому случаю данного: "Существенная государственная польза требует того, чтобы удобными и кроткими средствами стараться склонять сих кочующих людей к хозяйственному заведению порядочных селений и к земледельству, всемерно избегая всякого притеснения"... И в 1804 г. поселенных ногайцев считалось уже около 20.280 человек; ими заведено было 43 больших селения или аула.

В 1802 году на северо-крымской степи поселились "духоборцы" и "молокане". На полуострове дозволено поселиться католическому обществу "Братьев Искупления", а вновь прибывшие менониты положили начало богатому "Молочанскому Менонитскому округу". Множество выходцев из Германии и Греции переселились в Новороссию... Офицерам, которые, не имея состояния, желали завестись хозяйством на пустых землях, повелено было отводить в вечное владение: штаб-офицерам по тысяче, а обер-офицерам по пяти сот десятин земли. И вскоре весь край наполнился хуторами и деревнями. В то же время помещикам нового края позволено было водворять на своих землях иностранцев, не касаясь прав их личной свободы.

Между тем последовал разрыв с Францией и новороссийский край выставил более двадцати тысяч вооруженных ратников и пожертвовал огромные суммы. Жи-

тели Крыма собрались в Симферополе и общим приговором положили отправить государю депутатов с прошением дозволить и в Крыму устроить из дворян и других сословий милицию, чтобы наравне со всем новороссийским краем служить в трудное время отечеству. Тогда же дворяне сформировали ратников и испросили дозволение содержать их на свой счет.

В конце 1806 года вспыхнула война с Турцией и генерал Михельсон, перейдя границу, занял оба задунайские княжества. Ему удалось склонить к себе беглецов из прежней Запорожской Сечи, которые в 1775 году поселились на островах и берегах Дуная, но впоследствии перешли в самое устье Дуная. Эта новая Сечь, умножаясь беглецами из России и Польши, считала уже до десяти тысяч душ. Едва ген. Михельсон явился в Бессарабию, как эти казаки забыли прежнюю вражду и присоединились к единоверцам. Они сформированы были в полки с названием "Буджацкого усть-дунайского войска"; пожалованы были им знамена и войсковая печать.

Переселение иностранцев в Новороссию продолжало идти быстро: в четыре года основано было 25 новых сел, кроме множества колоний; так, что население умножилось одними пришельцами до 82.000 человек. Между тем, торговля страдала от войны: богатому урожаю не было сбыта: константинопольский пролив был закрыт. Притом, хотя вскоре война России с Франциею закончилась Тильзитским миром, — но мир этот разрушал едва начавшуюся торговлю Новой России с Англией... В эту пору многие мурзы и помещики крымские имели ясырей, то есть рабов, приобретенных ими еще во время существования на полуострове торговли невольниками. Государь в 1808 году указал, чтобы рабство было уничтожено и все ясыри освобождены; им было предоставлено право селиться где пожелают.

Таганрог устраивался все более; он был на Азовском море то же, что Одесса на Черном и заменял ее собою для восточно-русских губерний. Грекам, там поселившимся, отведено было дополнительно 15.000 десятин земли, а вновь поселившимся дозволено ввозить свои товары беспошлинно. Вместе с Таганрогом устраи-

вался и Мариуполь. Но из всех новороссийских городов быстрее и блистательнее росла Одесса. Множество иностранцев, поселившихся в этом городе и большое число энергичных евреев из западного края, — занялись торговлею и ремеслами. Война с Турцией, несмотря на перемирие, прервала сообщение Одессы морем с Европою; зато развила торговлю транзитную.

В 1809 году Порта разорвала перемирие с Россией. Однако, повелено было: "чтобы, не взирая на возобновление разрыва и возникшие военные действия, — турецких судов в черноморских портах не задерживать"; а также "суда греческие и с азиатских берегов свободно в порты Черного и Азовского морей допускать"... В течение этого года и Феодосия, — несмотря на неблагоприятное для торговли время и возрастание Одессы и Таганрога, — приняла большое торговое движение. Это развитие торговли было следствием ее близости от азиатских берегов, куда она доставляла железо, соль и хлеб. Взамен получала мануфактурные товары, потребляемые крымскими татарами и частью отправляемые внутрь России.

Война с Портой продолжалась. В 1810 году Константинополь, лишенный своих житниц, — Крыма, Валахии и Бессарабии, — терпел сильный голод. Чтобы показать Турции, что без русского хлеба она не может прокормиться, — вывоз его из черноморских и азовских портов был запрещен; как запрещен и самый к ним приход турецких купеческих кораблей. Мера эта, конечно, была стеснительна для торговли приморских городов и земледельцев Новороссии, но была мерою необходимою... В это время была упразднена знаменитая Азовская крепость, как ставшая уже внутри государства. Зато приведены в оборонительное положение Ростов, Еникале, Фанагория.

Поселение продолжалось. Крымский помещик Сагадет-Гирей-мурза вывел из-за Кубани 365 ногайских семейств, которые основались в Черномории и в Крыму. Продолжалось и поселение евреев, на которое правительство уже издержало 285.000 рублей. А перед началом навигации 1811 года, разрешен был вывоз хлеба в Турцию; торговля морем ожила и, в несколько часов,

цена на четверть пшеницы возросла вдвое... Также чрезвычайно возросло судостроение на всех верфях; строилось и множество больших лодок.

Усилилось поощрение от правительства овцеводству и лесоводству. Два швейцарские уроженца, — Никтет де-Рошмон и капитан Ревелио, — привели сухим путем свои многочисленные стада: один из середины Европы, а другой из Молдавии и Валахии. Помещики Кирьяков и Пау завели даже фабрики для выделки су-кон из шерсти новороссийских овец.

Начало 1812 года было очень благоприятно для Новой России: пятилетняя война с Портою кончилась; Бессарабия с частью Молдавии, — то есть край между Днестром, Прутом и Дунаем, — и крепости Хотин, Бендеры и Аккерман на Днестре, а также Килия и Аккерман на Дунае — присоединены были к российским владениям... Но вот, 12 июня 1812 года, французы перешли русскую границу — и Новороссия все понесла на жертву отечеству, хотя ее постигло великое бедствие: моровая язва. А, вместе с язвою, пришел и другою бич — падеж скота. Чтобы судить о всей огромности потерь жителей в этом отношении, довольно сказать, что в одном днепровском уезде за одни сутки погибло до 26.000 голов лошадей и овец... В 1813 году, несмотря на войну, южные порты снова оживились торговлею.

В 1814 году Новороссийский край был освобожден от карантинных мер и объявлен свободным от заразы. В конце этого года Ришелье был отозван государем в Вену; весь край желал и надеялся на его возвращение, но ему уже не было суждено повидать Россию: он остался во Франции и занял место первого министра. В следующем году состоялось замещение герцога де-Ришелье графом Ланжероном. А в 1816 году встречаем мы последний пример переселения сербов, — этих первых основателей края. Выходцы из этого народа, в числе 82 душ, основались в словено-сербской колонии "Никшичей".

Устройство Бессарабской области возложено было на графа Каподистрию, который исходатайствовал Высочайшее утверждение "Правил для управления Бессарабией". Ногайские орды представляли уже как бы от-

дельную область: они уже начинали чувствовать потребность торговли и просвещения, и для них учреждено было училище. В границах предположенного ногайского города, который построен в 1820 году учреждены были садовые и лесные плантации. Такие же плантации разводились при каждой ногайской волости, которых было пять, с шестидесятью восемью деревнями и 18.590 жителей.

Следующий год был блистательнейшею эпохою новороссийской торговли: с него многие помещики и промышленники считали начало своего благосостояния. В этом году привоз иностранных товаров в одесском порту и других — простирался на огромные суммы; также вывоз и русских произведений за границу выражался в еще небывалых цифрах. С деньгами явилась любовь к науке, к просвещению: начались археологические исследования, строились школы, открывались библиотеки, архивы и т. д. Иностранцы начали посещать берега воскресшего Босфора Кимерийского.

Тогда же положено начало военно-кавалерийским поселениям. Сначала была поселена украинская, а потом и бугская уланские дивизии; в состав последней вошло бугское казачье войско. Попытка открыть на Черном море порто-франко, наконец, приведена была в исполнение: Одессе даровано было право на тридцать лет. Но развитие народонаселения Новороссии и ее сельская промышленность достигли такой степени, что правительство запретило отводить земли в новороссийских губерниях: прежняя степь не имела уже свободных пространств.

В 1821 году вспыхнула греческая революция и Одесса наполнилась несчастными эмигрантами, которых сострадавшая Россия приняла с участием и призреала.

РОССИЯ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Адриатическая экспедиция

I

К началу прошлого столетия, выдающимся походом адмирала Ушакова открылась одна из самых блестящих страниц Черноморского флота. Больше года провела русская эскадра в Средиземном море в непрерывных боях, одерживая крупные победы, покоряя острова, беря крепости. Греческие острова освободились тогда от власти французов и Ушаков образовал из них республику Ионических островов, управляемую Сенатом.

Русский адмирал соперничал в боевой славе с находящимся в Средиземном море адмиралом Нельсоном. Но в то время, как перед Андреевским флагом склонились знамена много крепостей, — английский адмирал Нельсон не мог покорить крепости Мальты и принужден был обратиться к русскому адмиралу Ушакову за помощью!

Следствием блестящих подвигов российского флота, явились тогда события, в которых ярко загорелась звезда и другого замечательного русского флотоводца, Сеньявина.

После победы Суворова в Италии, когда ее территории и Ионические острова были освобождены от французских революционных войск, — международное положение России и особенно ее влияние на ближнем Востоке значительно возросли. Но, заключенный с французами в 1801 году мир не мог удовлетворить Наполеона и война возобновилась. Тогда для России явилась необходимость увеличить свои силы в Средиземном море, так как в его водах могла теперь неожиданно решиться судьба целой Империи, а русскому флоту нужен был человек, которому можно было бы без страха вручить судьбу кораблей и русских людей на этих кораблях. Вот тогда взоры всех остановились на молодом адмирале Сеньявине, которому едва исполнилось сорок лет.

В августе 1805 года, по открытии военных действий,

находившиеся в Средиземном море русские эскадры капитана 1-го ранга Сорокина и адмирала Грейга были усилены прибывшей из Балтики эскадрой вице-адмирала Димитрия Николаевича Сенявина, принявшего главное командование всеми русскими силами. Сухопутные наши войска (15-ая дивизия генерала Анрепа, впоследствии генерала Ласси) заняли Неаполь... Но Аустерлицкий разгром заставил русское правительство отказаться от широко задуманного плана кампании и отозвать десантные корпуса Толстого из северной Германии и Анрепа из Италии.

В декабре того же 1805 года русские войска покинули неаполитанские владения и сосредоточились на острове Корфу. Силы наши тогда состояли из 13.000 человек сухопутных войск при сравнительно небольшой эскадре адмирала Сенявина, которая состояла из 10 кораблей, 5 фрегатов (из коих два захваченных у французов в 1799 году), 6 корветов и 5 бригов — всего 7.908 человек экипажа. Но положение резко ухудшилось после того, как союзная до сего Австрия заключила сепаратный мир с Францией и, по наущению Наполеона, заняла резко враждебную позицию по отношению к России... Тогда горсть русских воинов на далеком море была поставлена перед трудностями, казавшимися на ее родине неодолимыми.

Прибыв со своею эскадрой в Средиземное море, адмирал Сенявин бросил якорь своего флагманского корабля у острова Корфу и вскоре начал большую морскую операцию против французских сил, не дожидаясь их сосредоточения около Далматинского побережья. И вскоре слух о появлении русского флота разнесся по всей славянской Далмации и Черногории — и был встречен с восторгом.

Славянский вопрос не был чужд Сенявину: одно обстоятельство задолго до морской кампании в Адриатических водах, сделало его горячим сторонником южных славян и их освобождения от турецкого ига. Этим обстоятельством оказалась тесная близость в Черноморском флоте молодого тогда Сенявина к великому славянину того времени, у которого он состоял на должности флаг-капитана. Этим великим славянином был адмирал

граф Марко Войнович, из старинной далматинской фамилии, два представителя которой были приглашены царем Петром на русскую службу. Находясь долгое время при Войновиче, Сенявин изучил историю далматинского и черногорского народов; незаметно полюбил южных славян, как бы предчувствуя, что ему предназначено Провидением сыграть среди них важную и блистательную роль.

А событий, подтверждающих это предназначение, пришлось ждать не так долго. После успешных плаваний в турецких водах, блестящих морских боев под командованием адмирала Войновича и после ряда ответственных служебных перемещений, — Сенявин занял должность командира Ревельского порта. Но вот пришел 1805 год. И вместе с ними пришли те события, благодаря которым имя Сенявина стали передавать из уст в уста на далматинских берегах Адриатики одновременно с другим именем, являющимся для южных славян синонимом славы и братской любви. Этим именем была Россия.

II

Время, когда адмирал Сенявин появился с российским флотом у берегов Далмации, было беспокойное: политический горизонт был покрыт тучами, ибо непомерное честолюбие Наполеона Бонапарта не давало покоя многим державам и вызывало их непрерывные военные приготовления, требовавшие крайнего напряжения всех государственных сил. Но в особенности военной лихорадкой были охвачены Россия, Англия и Австрия.

Успехи российского флота, завоевавшего первенствующее положение в Средиземном море, возымели самые лестные для России последствия: на Амьенском конгрессе 1801 года республика семи ссоединенных греческих островов была признана находившейся под покровительством России. Остров же Корфу, имевший на своей территории дивизию русской пехоты и окруженный десятью линейными русскими кораблями, — не только оказывался безопасным, но и являлся важнейшим пунктом для зоркого русского наблюдения за северными

ми и южными государствами. Но не менее важным пунктом сделался остров Корфу и для южных славян, обитавших на Восточном берегу Венецианского залива: их охватила понятная радость при вести о занятии русскими о. Корфу, свидетельствующая о благожелательной политике императора Александра I.

Не могли занять по отношению к этой политике неблагоприятной позиции и греки, — обитавшие в Морее, Албании и в Архипелаге, — мечтавшие о вольности и безопасной жизни под крылом мощной христианской державы. Они стремились к свободной торговле с надежными и богатыми странами. И вполне естественно, что одною из таких желательных для греков стран являлась могущественная и единоверная Россия, дававшая им возможность торговать с Черноморьем, а также бывшая тогда в состоянии превратить остров Корфу в гигантский пакгауз для склада самых разнообразных товаров.

Благодаря этим обстоятельствам, число русских кораблей в Средиземном море все увеличивалось и к 1805 году Российский флот, как мы уже упоминали, занял в этом море главенствующее положение, оттеснив на второй план другие могущественные державы, в том числе и... Англию.

Это было в то именно время, когда адмирал Сенявин впервые вышел на далматинский берег, восторженно приветствуемый толпами южных славян. И в среде бокельского народа хранится трогательное предание, как об этом событии, так и о днях пребывания на бокельской земле русских войск. Больше ста шестидесяти лет тому назад, с восторгом было встречено на этой земле русское знамя. И не с хищническими намерениями туда вторгнувшееся, а торжественно внесенное во имя братской любви. Обстоятельства же, сопровождавшие выход русских войск на Адриатику, были следующие:

1805 год принес Наполеону новые успехи, что особенно встревожило Австрию. И она решила отвлечь от себя беду уступками: передала Наполеону всю Далмацию с Бокой Которской... Таким образом, Австрия

вручила судьбу и жизнь всех обитавших там славян в руки французов, чуждых им по духу и крови.

Весть о таком шаге Австрии взволновала далматинское население. Взоры южных славян, естественно, обратились к острову Корфу, у берегов которого находился адмирал Сенявин, взявший на себя задачу охранять Ионические острова. И первыми решили обратиться к Сенявину именно бокельцы, которые направили к нему послание с выражением готовности стать под русское знамя для борьбы с общим врагом. Такое же известие о готовности защищать свою независимость получил русский адмирал и из Черногории, где во главе своих воинов стал князь-владыка Петр Негош.

Можно полагать, что Сенявин вспомнил тогда свою службу под командою адмирала графа Марка Войновича и поучительные рассказы этого великого славянина. И, получив бокельско-черногорские послания с выражением желанья защитить свою землю плечо к плечу с русскими воинами, — он решил действовать на свой риск и страх, не имея на это еще никаких указаний от русского правительства и руководясь только своею совестью. Он сам постановил утвердить господство России над Адриатическим морем и появился с российским флотом в обширной бухте Боке-Которской.

III

Пресбургский мир, заключенный между австрийцами и французами, успокоил Вену, запуганную Бонапартом, но взволновал жителей далеких от нее Черных гор и Боки. Злая весть донеслась до их селений: принесли ее черногорские воины, вернувшиеся с северо-востока. "Австрийцы уступили Далмацию французам и придут Наполеоновы войска!.. Испугалась Вена и отдала славян разбойнику.. Теперь мы, бокельцы и черногорцы, должны будем служить Наполеону... не позор ли, братья"?.. Но, вслед за этими словами общего возмущения, послышались и другие, исполненные надежды. Стали повторяться иные имена, близкие сердцу славянскому: "А русский царь и Россия, великие наши покровители?.. Нет, русский царь не отдаст нас Наполеону!"

Бокельцы и черногорцы не ошиблись. Прошло немного времени и, действительно, пришли русские воины, которых встретили в южной Далмации, как своих братьев-спасителей.

Шел 1806-ой год. В чудесную бухту Боки Которской вошли русские корабли эскадры Сенявина и жители гор торопливо сбегали на солнечный берег, чтобы встретить своих братьев и защитников, славян северных. "Живио, русы!.. живио, царь Александр!" — неслись восторженные крики при входе в бухту Эрцегнови.

В полном порядке подошли русские корабли; убрали паруса и стали на якорь. От них отвалили легкие шлюпки под бело-голубым Андреевским флагом, перевозя на берег статных людей в сверкающих золотом и орденами мундирах. И радость великая: эти люди тотчас же заговорили на понятном языке, таком близком для местных жителей... А с кораблей неслись звуки музыки и крики "ура".

Бокельцы и черногорцы почувствовали славянскую силу с приходом единоверных братьев. Были они широкоплечими, бородатыми людьми в невиданном платье, каких еще не видали в южной Далмации и на Черной горе. Принадлежали они к Сенявинскому десанту, который был высажен на берег лазурной бухты. И великаны эти преспокойно располагались в тени южной зелени; чинили свою амуницию, приводили себя в порядок и, как дети, радовались, что ступили на землю. Мирно беседовали с местными жителями, которые удивлялись необычайному добродушию северных братьев-славян.

Это добродушие русских особенно поражало жителей Черногории, которые в те времена были народом прославленным не только исключительной воинственностью, но и большой суровостью и даже жестокостью до крайности. Были они чужды добродушию русских воинов. Удивлялись и говорили: "Чудаки эти русы... такие огромные и страшные с виду, а нежные сердцем, как девушки. Его и на драку никак не распалишь: всё улыбается и рукою отводит, будто хочет сказать... отойди, не приставай!.. А сила какая, когда табором

соберутся... Ох, Банапарте, берегись теперь воинов царя русского!"

Десантные отряды расположились оживленными лагерями по окрестностям Эрцегнови; по всему берегу его живописной бухты. И понеслись по зеркальной её поверхности лихие песни и звуки бубна. Носились и таяли они в горных ущельях... Жители сбегались со всей Боки Которской; к берегу спускались и суровые горцы. Этим прирожденным воинов привлекала одна особенность в русском лагере: громадные пищажи, доселе невиданные в балканских землях, изготовленные на славу уральскими мастерами и превосходившие достоинством многие иностранные. "Ну, и пушки¹⁾ у вашего царя, братья-русы! — восхищались черногорцы, с нежностью поглаживая гладкую сталь ружейных дул. — Эх, нам бы такие!" И велика была радость их, когда получили "от русского царя" такое же оружие, предумышленно привезенное к берегам Адриатики в трюмах русских кораблей.

Вскоре целый ряд знаменательных событий был вписан в историю этого края. Не желая подчиняться власти французов, взявшиеся за оружие бокельцы и черногорцы, не только воспользовались покровительством единоверного русского императора, но и принесли ему присягу на верность... Главою черногорского народа был в это время верный друг России, прославленный митрополит Петр Петрович-Негош. Несмотря на свой духовный сан, он бесстрашно принял начальствование над соединенными силами черногорцев и приморцев, и заставил остатки австрийских войск уйти из далматинских крепостей. "Я творю только правое дело, следую воле Божией! — говорил митрополит Петр. — Наш черногорский народ уже 97 лет признает себя подданным великой православной России... Как же ему подпадать теперь под власть антихриста Бонапарта, ксторый служит не Богу, а князю тьмы".

26 января 1806 года, в монастыре Савино на живописном берегу Которской бухты, — в присутствии эки-

1) Черногорцы «пушками» называют ружья и винтовки.

пажа корабля "Азия", под командой капитана Белли и роты русских егерей, — состоялось редкое торжество, весть о котором молнией разнеслась по всему краю. При громадном стечении народа, митрополит Петр совершил торжественное молебствие о даровании победы, закончившееся освящением новых знамен для Далматинских крепостей. И эти знамена тут же были вручены начальникам уже славянских гарнизонов. После чего митрополит — вождь народный — произнес трогательное слово. "Исполнилось желание ваше, храбрые славяне, — говорил Петр Негош, — и вы видите давно желанных вами по роду, вере, храбрости и славе братьев ваших. Могущественный российский император приемлет вас в число чад своих... О, да благословен Промысел Господа, да будет вам памятен сей радостный и счастливый день! Но, прежде нежели вручу вам сии священные знамена, вы должны дать клятву защищать их до последних сил".

Огромное впечатление произвели на слушателей слова прославленного владыки и вождя. Народ плакал, целуя руки и одежду русских солдат. Женщины осыпали их цветами. В воздухе реяли русские флаги, которыми украшены были корабли русской эскадры и балконы старинных домов знатных фамилий. В одном из них, в Перасто, задолго до того проживали молодые русские люди, которых царь Петр присылал сюда для "прохождения навигации и практического мореплавания" в школе знаменитого тогда мореходца Мартино-вича...

Когда же российский флаг взвился над стенами крепости Эспаньола, восторг собравшихся на торжество достиг апогея и крики слились в могучем реве общего восторга. А ему вторили пушечные выстрелы с крепостей, занятых теперь славянскими гарнизонами. И сливались они с беспорядочной стрельбой местных жителей. С русских кораблей свезли затем на берег два батальона Витебского полка, большую часть егерей и четыре орудия под командой генерал-майора Пушкина.

Спустя полтора месяца, 13-го марта 1806 года, вся Бока Которская снова ликовала по случаю прибытия с

острова Корфу адмирала Сенявина, которого приморцы и черногорцы встречали с царскими почестями, так как слава о нем прошла по всей Адриатике. И вскоре все они полюбили русского адмирала за его доброту и доступность, невиданную раньше среди заносчивых австрийских военачальников. А Сенявин, когда съехал на берег, скромно поселился в Катарро, где его дом с утра и до вечера осаждала толпа восторженных местных жителей, не взирая на увещевания их старейшин. "Не можете нам запретить... хотим поклониться великому русу, царскому посланнику... Живео адмирал белого царя!" — восторженно кричали бокельцы и черногорцы.

С "адмиралом белого царя" прибыл тогда весьма значительный десант для усиления ранее уже высаженного, — полки: Куринский, Козловский, Колыванский, а также 13 и 14 Егерские.

Между тем и враги не дремали. Русским войскам и флоту нельзя было "почивать на лаврах", разбросанных по пути их торжественного плавания до берегов южной Далмации. И военные операции Сенявинского экспедиционного корпуса начались уже очень скоро. 21-го мая славный 13-ый Егерский полк под командой князя Вяземского вступил в бой с французами под Дубровником (Рагуза). А к 5-му июня военные операции развернулись настолько, что в боях приняли участие и другие части, при содействии военных кораблей. В число последних, находившихся под общей командой контр-адмирала Сорокина, входили линейные корабли "Праскевия" и "Петр", фрегаты "Венус" и "Азорд", а также пять канонерских лодок.

Славные операции русских войск и флота, в братском содружестве с приморцами и черногорцами, успешно продолжались до конца 1806 года. При этом надо иметь в виду, что силы французов, прибывших по суше из Италии, были огромны. И состояли они из отборных войск Наполеона, привыкших к победам и рискованным экспедициям, результатом коих почти всегда был успех. И все же, — даже несмотря на то, что французам помогали рагузинские католики, — прославленному маршалу так и не удалось разбить героические от-

ряды прославленных южных славян, поддержанных их братьями с далекого севера.

Но уже в начале следующего 1807 года Наполеон начал переговоры с императором Александром I, которые закончились миром. Прекратилась русско-французская борьба на берегах Адриатики. И уже вскоре русская эскадра адмирала Сенявина и сухопутные войска получили приказ покинуть Далмацию... Местное население провожало их со слезами великой скорби и сохранив до наших дней светлые воспоминания о совместной борьбе единоверных братьев-славян южных и северных.

Под густым слоем библиотечной пыли, в старых документах и книгах с пожелтевшими страницами, русский человек, любящий свое великое прошлое, может и теперь найти много следов пребывания русских в Боке Которской больше ста пятидесяти лет тому назад. В сохранившихся материалах этого далекого прошлого местные историки находят трогательные рассказы о душевной мягкости русских солдат, которая так не соответствовала их грозной наружности. Не менее поражала местных жителей также преданность и любовь простых русских воинов к своим начальникам, беспредельная вера в них. И проявлялась она на каждом шагу, но особенно становилась очевидной в моменты тяжелых испытаний.

Интересен рассказ, записанный современником-приморцем, в котором автор трогательно описывает похороны русского офицера, павшего в одном из боев с французами при наступлении на Дубровник (Рагузу): "У ограды стоял отряд солдат, прибывший на похороны своего начальника. А внутри, посреди церкви, стоял большой деревянный гроб, покрытый русским флагом. У гроба стояли двое часовых; два колосса-солдата. Стояли на вытяжку, как полагается стоять на часах, а потому не могли утереть своих лиц, по которым струились крупные слезы"...

**
*

Так было в бухте Которской более ста пятидесяти лет тому назад.

Прошли долгие годы. Прошло целых полтора века. За это время промелькнуло много светлых и еще больше темных страниц истории. И теперь уже все реже и реже на берегах южной Далмации вспоминают о тех далеких днях и о героических подвигах северных братьев, проливших русскую кровь за братьев-славян... А нам, людям горьких лет изгнания, все это представляется теперь чудесной легендой о боевом содружестве на берегах лазурной бухты. Однако, это не легенда, а подлинная быль, исторические памятники о которой сохранились и до наших дней.

Одним из них является французское кладбище, на вершине горы, покрытой каштановой рощей. Здесь, на берегу небольшой речки Суторина, 19 сентября 1806 года происходило большое сражение между русскими, бокельцами и черногорцами — с одной стороны, и войсками французов — с другой. Последними командовал тогда прославленный наполеоновский маршал, который намеревался, — как он преждевременно писал в своих воинственных прокламациях местным жителям, — "уничтожить и рассеять" силы союзных славян. Но горделивые надежды блистательного принца не осуществились. Бой был продолжительный и кровопролитный, но славою покрыл он русских и их братьев-союзников: продвижение французов было приостановлено и армия принца должна была отойти, оставив на поле сражения много убитых французов... Они и были похоронены в каштановой роще на высокой горе, откуда открывался чудесный вид.

Внимательный путник, посещая это историческое место, кроме могил павших воинов Наполеона, может отыскать и другие могилы, разбросанные по этой роще и хранящие иные останки: это — могилы русских солдат и офицеров. Какое в точности число русских героев пало в этом бою, — установить не удастся. Во всяком случае, из воспоминаний местных жителей можно заключить, что и в рядах Сенявинских воинов потери были велики.

ГРАФ ИВЕЛИЧИ ИЗ ДАЛМАЦИИ

Прекрасна Бока Которская — одно из живописнейших мест Адриатики. Прекрасна ее лазурная бухта в рамке скалистых утесов. Нежно переливается, как в опрокинутой чаше, зеркальная поверхность южного моря. По краям увита она, как кружевом, заливами и бухточками. И правы те путешественники, которые, — зная цену красоте Божьего мира, — называют Боку Которскую, лежащую у подножья царственного Ловчена, южным Фиордом.

Бухта эта является родиной бесстрашных и прославленных моряков, которые в течение многих столетий плавали по Средиземному морю, выдерживая героическую борьбу с турками и сарацинами. Они, жители прославленной Боки, в давние времена оберегали своих братьев-славян от мусульманской власти; также оберегали от порабощения венецианскими дожами и от суровой власти австрийцев, долго владевших этой привлекательной областью на лазурном берегу Адриатики.

Ослепительное южное солнце круглый год ласкает берег этой чудесной бухты, оберегая жителей от холодов и непогоды. По склонам живописно разбегаются уютные домики, большие усадьбы и старинные виллы, — все увитые вечной зеленью и скрывающиеся в кущах лавров, платанов, апельсиновых рощ и ароматных магнолий. Романтикой веет от старых палат, воздвигнутых еще во времена цветущей венецианской республики и, на подобие сказочных призраков, выглядывающих из-за построек нашего прозаического времени.

Прекрасный край. Чудесная бухта, овеянная легендами и романтикой старины. И все в этой бухте, — вместе с ее солнцем и цветами, — дышет сказкой и чудесными легендами, которые тесно переплетаются с жизнью.

В глубине залива, на север от Перасто до сих пор пользуется большой симпатией небольшой живописный городок Рисань, известный своими красивыми строениями редкой архитектуры, воздвигнутыми еще в

18-ом столетии. В глубокой древности на том месте, где теперь стоит Рисань, была раскинута римская колония Ризиниум, о которой рассказывал Плиний... И внимательный посетитель может найти и теперь невдалеке от Рисани остатки большой римской дороги — *via Romana* — по которой в глубине веков двигались караваны путников, направлявшихся из вечного города через Солунь и Царьград в далекую Палестину. И там же, при случае, сможет турист приобрести у зоркого торговца-далматинца древнюю монету времен римских цезарей или какую-либо археологическую безделушку, добытую местными искателями.

Не мало осталось в Рисане различных воспоминаний и о тех временах, когда его жители были знаменитыми моряками, приносившими в свой край из далеких стран богатство и славу. И встречались среди этих знаменитых моряков и такие, которые, плавая на своих кораблях по морским просторам, нередко достигали берегов России... Случалось, что некоторые из этих отважных мореплавателей оставались там надолго; иногда и навсегда, входя в число знаменитых деятелей блестящего века Петра и Екатерины. Такими счастливыми были, например, граф Савва Владиславлевич-Рагузинский, адмирал Матвей Змаевич, графы Савва и Марко Ивеличи и др. Из числа приведенных имен, в памятную бокельцам и черногорцам эпоху прибытия русской эскадры адмирала Сенявина в Боку Которскую, — особенно выделилось имя генерал-лейтенанта русской службы графа Марка Ивелича, под конец своей жизни возвратившегося на покой в родной край и проживавшего в Рисане, — месте своего и предков рождения.

Отдыхавший после долгой и верной службы русскому престолу и народу, генерал М. Ивелич, несмотря на преклонный возраст, — и после возвращения на берега Адриатики, — продолжал держать тесную связь с русским двором, пользовался его безграничным доверием. Поэтому вполне естественно, сколь полезным и необходимым оказалось присутствие его в Далмации, когда к берегам этого прекрасного края подошли корабли адмирала Сенявина, бросившие свои якоря в бухте Боки Которской.

Старый граф помолодел от радости: он возгорелся желанием быть чем-либо полезным не только дорогим гостям, но и русскому царю, ответственные поручения которого он привык выполнять давно, в бытность свою доверенной особой российского двора при Черногории. И теперь, как видим из милостивой грамоты императора Александра Первого, именно ему дано было ответственное поручение военно-политического характера: привлечь симпатии местного населения и всемерно способствовать русским экспедиционным войскам адмирала Сеньявина для наилучшего выполнения их задачи.

Нечего и говорить о том, сколь громадны были услуги генерала графа Марка Ивелича, оказанные им как своим соотечественникам — бокельцам, так равно и русским войскам специального назначения в Адриатике в славные боевые дни 1806-1807 годов. В это время двери дома графа Марко в Рисани никогда не закрывались для русских офицеров, пользовавшихся там во всякое время полным гостеприимством, как в родительском доме. И те же русские офицеры, посещая старого графа, не могли не полюбить его младшего сына, малолетнего Константина, сделавшегося впоследствии их общим любимцем. Эта дружба его с пришельцами, братьями-русскими, в результате решила его собственную судьбу. Когда наступил час отплытия Сеньявинской эскадры от берегов Далмации обратно в Россию, — старый граф Ивелич не выдержал и решил последовать вместе с нею в тот далекий край, где провел долгие и счастливые годы службы престолу и державе российской.

— Как могу я отказаться от случая повидать еще раз мать славянства Россию! — говорил старый граф. — Кто, как не она, дала мне богатство и славу... И теперь, дело это решенное: беру с собою сына Константина и отдам его России... Пусть учится служить ей, как служил отец его.

Воля старого графа была исполнена: его сын Константин был оставлен в Петербурге для воспитания в русском духе и обучения военным наукам... Быстро пронеслись для юноши-славянина годы науки. И, по окончании таковой, он был произведен в офицеры лейб-

гвардии в Саперный батальон, находившийся под личным наблюдением великого князя Николая Павловича, брата царствовавшего в это время императора Александра Первого-Благословенного. Молодой великий князь, сам хорошо знавший и любивший военно-инженерное дело, был тогда Августейшим Шефом Гвардейских Сапер и с первых же дней появления графа Константина Марковича Ивелича в рядах этого батальона, обратил на него внимание. И полюбил представительного, энергичного и пылкого молодого пришельца из знойной Далмации.

Молодому графу начала улыбаться блестящая карьера, чему способствовали не только хорошие способности и блестящие познания молодого офицера, отличного строевика, что весьма ценил августейший шеф, — но и внешний облик Ивелича, отличавшегося красивой наружностью и прекрасным воспитанием... Интересный молодой граф был желанным гостем в высшем обществе и при дворе. А прошло немного времени — и его благодетель, великий князь Николай Павлович, вступил на престол, сделавшись императором всероссийским. А молодому Ивеличу эта перемена принесла еще больше удачи по службе: мечты престарелого графа, доживавшего в это время свои последние дни в отдаленном Рисано, начали превращаться в действительность. Судьба была благосклонна к его младшему сыну и счастье все больше улыбалось ему: уже через четыре года после производства в первый офицерский чин он был назначен флигель-адъютантом к государю, а еще через три года получил производство в полковники!

Но блестящий жизненный путь, который намечал старый граф для своего сына — неожиданно получил совсем иное направление. После нескольких лет службы молодой Ивелич загрустил и почувствовал непреодолимое желание покинуть державный Петербург, устремляясь в неведомую даль... к иной жизни, не имевшей ничего общего со службой в гвардии и при дворе... Дело в том, что до него стали доходить увлекательные рассказы об ожесточенной борьбе на Кавказе русских войск с горцами, оказавшими отчаянное сопротивление. И горячая кровь воинственных предков

нарушила покой молодого Ивелича. Его стало тянуть на далекий Кавказ, куда так стремились тогда многие отважные молодые люди, жаждавшие подвигов, славы и приключений.

Наконец, в 1835 году государь Николай Павлович отпустил своего флигель-адъютанта графа полковника Константина Марковича Ивелича на Кавказ, в действующую армию. И началась для него совсем новая жизнь и боевая служба в рядах доблестных войск на ответственном посту командира славного Апшеронского полка.

Боевые летописи Кавказской войны вскоре неоднократно стали отмечать на своих страницах выдающуюся доблесть графа Константина Ивелича, проявлявшего себя выдающимся офицером и начальником. Недавний блестящий гвардеец и желанный салонный кавалер, каким был он в Петербурге, — преобразился под небом Кавказа, чудесно наполнявшем его сердце совсем новыми впечатлениями и переживаниями. Прекрасная природа кавказских гор и предгорий, редкая способность ориентироваться в ее чуждых северянам условиях, беззаветная личная отвага, граничившая с безумием, — вскоре сделали молодого командира полка предметом всеобщего внимания.

Константин Ивелич, прославившийся на Кавказе подлинным героем, стал быстро делать карьеру и там, — но карьеру уже иную, привлекавшую к нему сердца испытанных воинов, боевых подчиненных и товарищей. Это была карьера героя, храбреца-воина, ежечасно рискующего своею молодою жизнью и с презрением относившегося к смерти. О выдающихся подвигах Ивелича, во главе славного Апшеронского полка, с гордостью рассказывали его друзья в салонах Петербурга, когда приезжали в отпуск. И по всей Кавказской боевой линии ширились восторженные рассказы о подвигах Ивелича. В кругах же высшего столичного общества и гвардии уже распространялись слухи о скором его возвращении "под Государево крыло" для занятия ответственного поста в Императорской Гвардии...

Но Промысел Божий судил иначе. Судьба готовила молодому герою последнее испытание. Война с кавказ-

скими горцами была затяжной и упорной, богатой всякими неожиданностями.

3-го марта 1837 года разгорелся кровопролитный бой при защите русскими Ашальтинского моста, где дело дошло до рукопашной схватки. И в первых рядах сражавшихся с неистовыми горцами русских воинов находился граф Константин Ивелич, достигший к тому времени уже чина генерал-майора и имевший на груди высший орден храбрецов, — орден Святого великомученика и победоносца Георгия.

Но из этой роковой схватки доблестному генералу Ивеличу уже не удалось выйти живым: он пал смертью храбрых к величайшему горю своих боевых товарищей и многочисленных друзей.

Затем понеслось быстрокрылое время. Но светлая память о герое-генерале сохранилась на пожелтевших страницах летописи Кавказской войны и истории славного Апшеронского полка.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА БАЛКАНАХ

Деятельность русской дипломатии на Балканах всегда была ответственной, напряженной и многотрудной. Истинный характер отдельных фактов и действительное значение некоторых ее представителей мы имели возможность лично узнать и оценить, прожив несколько десятилетий на Балканах, занесенные туда вихрем нашего безвременья.

В самом конце XVIII века Россия, по договору с Турцией в 1798 году, получила преобладающее положение на Балканах, продолжавшееся, однако, недолго. В 1806 году Россия вступила опять в войну с Турцией. Во время этой войны, длившейся шесть лет, произошло очередное восстание сербов против турок, причем этим восстанием руководил почти легендарный сербский вождь и национальный герой Карагеоргий. Он явился основателем династии, способствовавшей впоследствии расцвету, благосостоянию и мощи Сербии, которая, — по мирному договору, заключенному в 1812 году в Бухаресте победоносной Россией с побежден-

ной Турцией, — стала автономным княжеством. По этому договору Турция обязалась предоставить сербам самим управление внутренних дел их.

Положение на Балканах всегда было сложным и даже запутанным. Этому способствовали не только упорные непрерывные происки западно-европейских государств, но и исключительная национальная и религиозная пестрота населения Турции, где христиане, главным образом славяне, количественно значительно превосходили турок. И Россия с полным правом ясно и твердо официально заявляла, что борется и сражается на Балканах за веру христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых жестокими вековыми врагами. А в виду того, что особенно с середины прошлого века неестественно разросшаяся Турция постепенно и неизменно клонилась к упадку и распадению, — это еще больше увеличило аппетиты ненасытно-алчного Запада. В первую очередь, Англии и Австрии, — и поэтому положение на Балканах непрестанно осложнялось.

По Адрианопольскому договору 1829 года, заключившему победоносную для России войну, турецкий султан был вынужден, кроме ряда других уступок, дать России право вмешиваться в Балканские дела для защиты единоверных христиан. Но уже вскоре по Парижскому договору 1856 года, — заключенному в результате, хотя во многом и славной, но все же неудачной для нас Крымской кампании 1854-1855 годов, — Сербское княжество сохранило свое "независимое и национальное управление", правда, "под верховной властью" Турции... Россия потеряла право вмешиваться в балканские дела даже для защиты непрерывно угнетаемого турками христианского населения Балкан.

Балканские славяне, бывшие предметом непрерывных западно-европейских интриг и ставшие поэтому почти беззащитной жертвой Турции, прониклись к ней ненавистью и часто вынуждены были прибегать к восстаниям, всегда подавлявшихся турками с неизменной жестокостью, при спокойном и даже злорадном молчании Запада... Путь балканских славян к личной свободе и государственной независимости обильно ими полит кровью, в первую очередь собственной. При этом,

всеми ненавидимые и зачастую презираемые, балканские славяне неизменно с любовью, верой и надеждой смотрели на Россию, видя в ней своего единственного защитника и избавителя.

Россия же, связанная всеевропейскими происками, а также все растущими своими собственными внутренними неурядицами, не всегда уделяла должное внимание угнетаемым славянским братьям. А одной из самых главных причин русской, часто неустойчивой и нерешительной внешней политики, были ее руководители: нередко близорукие и часто бездарные, в жилах которых иногда было слишком мало чистой русской или вообще славянской крови. И все-же, Россия сделала очень много для спасения и освобождения балканских славян.

В 1875 году в Боснии и Герцеговине началось очередное восстание против Турции, порабощительницы славян. Из сочувствия к восставшим Сербия и Черногория объявили Турции войну в 1876 году. Это вызвало тревогу и волнение в русских правительственных кругах и, в то же самое время, необычайный подъем славянских чувств буквально всего русского народа... Что вся русская общественность постоянно горела любовью к славянам, показывает и такой характерный факт, что даже пламенно-необузданный революционный анархист-бунтарь М. Бакунин в свое время мечтал о всеславянской федерации.

Русская общественность дала и большие материальные средства и многочисленных добровольцев, бурной волной хлынувших на Балканы. Среди этих русских добровольцев был и знаменитый генерал М. Г. Черняев, герой военных действий в средне-азиатских владениях и взятии Ташкента, который был назначен командующим Сербской армией. Но эта маленькая и плохо снабженная армия, несмотря на свой героизм и искусное руководство, все-же не могла одолеть сильной турецкой армии, которая уже начала подготовку к вторжению в Сербию. Тогда император Александр II потребовал от турецкого султана прекращения военных действий и начал с ним переговоры об улучшении положения хри-

стиан, находившихся под властью турок. Но, благодаря вмешательству западных государств, переговоры эти не имели успеха.

Между тем и болгары восстали. Страсти разгорались, борьба ширилась. Тогда, на основании многих и сложных военных и политических соображений, а также, приняв во внимание настроение русского общества, горевшего желанием помочь своим несчастным, изнемогавшим в неравной борьбе братьям-славянам, — Александр II в 1877 году объявил туркам войну с целью улучшения положения христиан в Турецкой империи.

Несмотря на огромные материальные трудности и немалые военные неудачи, эта война, после многих и блестящих побед русского оружия, закончилась в 1878 году Сан Стефанским миром на весьма выгодных для балканских славян условиях. Но уже вскоре, на Берлинском конгрессе, эти условия были значительно изменены с ясным ущемлением прав и особенно престижа России и, конечно, не в пользу покровительствуемых нами балканских славян... Этот злосчастный конгресс, на котором русская дипломатия проявила излишнюю и даже оскорбительную для нашего национального достоинства уступчивость, вызвал единодушное и решительное возмущение русской общественности.

Вызвало это горькую обиду и явное неудовольствие также и балканских славян, заметно охладевших к России. А это было тотчас же использовано враждебным к нам Западом, приложившим большие усилия, чтобы растерявшихся балканских славян втянуть в орбиту австро-германского влияния. И это им в значительной степени удалось на долгие годы... Поэтому, затаив обиду и разочарование, с полным правом император Александр III в 1889 году произнес свой горько-иронический тост за "единственного верного друга России, князя Николая Черногорского..."

Таково было в кратких словах внешне-политическое положение славян на Балканах. Но не менее сложными были их внутренние взаимные отношения. И это особенно ярко проявлялось в Южной Сербии: здесь резко сталкивались интересы всех многочисленных народов, находившихся в вековой и тяжелой турецкой неволе.

Здесь искусственно подогревалось и провоцировалось вообще почти естественно-неизбежное столкновение интересов этих народов, бесчеловечно управлявшихся турецкими фанатиками, лишавшими эти обездоленные народы самых основных прав.

Но при этом в действиях турок ясно чувствовалась злая воля западной Европы. Причем в эту жестокую взаимную борьбу была втянута и Церковь. В основе ее деятельности лежали не вероисповедно-догматические вопросы, а исключительно национально-политические интересы. При этом вольно и невольно Церковь делалась политическим орудием в руках турецкого правительства. А взаимная вражда этих христианских и славянских, в частности, народов, ослабляла их и значительно облегчала туркам возможность держать их в своем подчинении.

Южная Сербия, до Балканской войны 1912-1913 г. г. находившаяся под властью турок, была разделена на "вилайеты", во главе которых стояли "вали". Кроме того, было и высшее военное начальство во главе с командующим армией. Большинство населения составляли славяне и только у моря жили греки. Говорило население на смешанном языке, в котором попадались слова самого разнообразного происхождения, внесенные народами, жившими здесь веками под игом чужеродной власти. Коренное же население Македонии представляло собою неопределенную народность, о которой с уверенностью можно сказать только, что она несомненно и чисто славянская. При этом, сербы считали эту народность сербской, а болгары — болгарской. Но притязания тех и других были равно спорны, хотя в известной степени и обоснованы. А под влиянием той или другой пропаганды, — македонец, с равной легкостью, считал себя то болгариним, то сербом. Вообще же, сами жители, особенно жители сел, в большинстве не знали, кто они. А, в сущности, и довольно равнодушно относились к этому вопросу.

Но среди этого населения, однако, усиленно велась пропаганда греками, болгарами и сербами; даже и румынами. При этом особенно любопытна была румынская пропаганда и ее претензии. Каждую весну прихо-

дили из Румынии стада овец, пригоняемых пастухами "куцо-влахами", — и вот только на этом основании Румыния тоже претендовала на эту богатую и плодородную область.

Национальная пропаганда по-разному проводилась в областях, всегда с особой энергией и настойчивостью. Вообще же, все эти пропагандисты хотели из населения образовать фанатичных последователей своего, того или другого, национального течения. И при этом не разбирались в средствах для достижения цели: втягивали в эту борьбу и Церковь и школу; не только учителей, но и самих школьников. Дело часто доходило до поножовщины и чуть ли не обычным явлением было убийство школьником одной национальности своего школьного товарища другой враждебной национальности.

Столь же ожесточенной была борьба и в области религиозно-церковной. У греков-патриархистов и у болгар-экзархистов пропаганда приобрела даже характер какого-то церковно-политического спорта. Сербы-патриархисты, ненавидимые греками-патриархистами за твердое их стремление к славянскому богослужению и славянскому епископату, в свою очередь, вели горячую пропаганду. А народ, видя стольких и таких проповедников религии, в конце концов, стал терять и самое веру и доверие к проповедникам и шел не к тем, чье убеждение веры ему было понятнее и ближе к сердцу, но к тем, с которыми оставаться было выгоднее чисто житейски. Он шел к тем, кто давал пастве больше удобств политических и материальных... Народ, если не понимал, то чувствовал, что все это чисто политическая работа, лишь прикрытая церковными формами. И, вслед за такими пастырями, народ и сам невольно отдалялся и от религии и от Церкви, а значит и от морали.

На греческом духовенстве, — развратном, корыстолюбивом, фанатически эллинизированном, — лежал великий грех: оно отбивало македонский и южно-сербский народ от религии, от веры в смысл и дух христианства и отдаляло его даже от слова и буквы веры Христовой. Чисто внешнее, почти механически-равнодушное исполнение обряда, с формулами, произносимыми

на чужом, непонятном языке, превращало для простого человека богослужение, — то есть моление к Богу Живому, — в ряд каких-то заклинаний.

Грек-епископ, грек-священник для славянина этих областей был прежде всего злейшим врагом его народности: священнослужитель-грек приходил в бешенство, когда его прихожанин называл себя болгариним или сербом. Это был чужак, присланный к этим беднякам на кормление; безжалостный вымогатель, опиравшийся к тому же на поддержку турецких властей. Слепой, безумный фанатизм греческого духовенства в желании во что бы то ни стало эллинизировать этот край, — сделал из греческого патриархийского клира постыдную и всеми ненавидимую клику шпионов турецкого правительства...

Представители греческого духовенства в Южной Сербии часто были гораздо более турки, чем сами турки, когда дело шло о преследовании славянской иерархии и лиц, ее приемлющих. Все в области Церкви и школы, что уклонялось от служения филэллинизму, — хотя бы это было и далеко от мечтаний о национальной самобытности, — находило в греческом духовенстве пылких и свирепых врагов. Вторжение, даже случайное, какой-либо иной речи, даже отдельного слова, в язык греческий, в богослужение или в школьное преподавание, — приводило греков в неистовство, не только отвратительное нравственно, но и глупое политически.

Дикий национальный фанатизм греческих патриархов отталкивал от них сперва отдельных лиц, а затем целые племена и области. Это были не служители Христовы, а слуги византийской тирании, все прикрывающейся именем Христа. Христианство приносилось в жертву филэллинизму. Случалось, что фанатик-грек запрещал чтение Евангелия на церковно-славянском языке или из эктинии выбрасывал моление о всех православных христианах и заменял молением только о греческой церкви... Это был — дух не любви, а ненависти. Как некогда распрями своими духовенство погубило Византию и сдало туркам Константинополь, — так в начале нынешнего века греческое духовенство в Юж-

ной Сербии зачастую служило полумесяцу, а не кресту. При этом, может быть, оно и само того, в узком эгоизме своем, и не сознавало. Во всяком случае, не удивительно, что такое духовенство не в состоянии было поддержать уважения народного ни к себе, ни к религии, коей оно являлось носителем и служителем.

Сама по себе тягостная рознь между церквями вызвала также большие осложнения чисто официально служебного характера. Болгарская Церковь отделилась от Константинопольской патриархии. Этот факт очень затруднял действия российских консулов в Южной Сербии, особенно в Скоплянском (Ускюбском) и Битольском вилайетах. Святейший Синод русской православной Церкви не мог выступать против Вселенской патриархии в ее споре с болгарской Церковью; даже не мог последнюю официально признавать. Поэтому и российский дипломатический представитель не мог официально поощрять болгарскую церковную власть. А под турками в помощи нуждались представители всех православных церквей в Южной Сербии: сербской и болгарской, греческой и румынской. Сельские храмы и монастыри обеднели, прихожане были бесправны и зачастую в глазах представителей турецкой власти находились как бы вне закона, духовенство было в большинстве полуграмотное; нищенствовало и вынуждено было заниматься тяжелым крестьянским трудом.

Бедственное положение приходов и храмов, запуганное почти бесправное духовенство и жалости вызывало мало и помощи не получало. Не прекращалась ожесточенная борьба между патриархистами (паства Вселенского патриарха) и экзархистами (приверженцы болгарской Церкви), т. е. между грекофилами и болгарофилами. А и те и другие жестоко расправлялись с прихожанами сербских приходов и их духовенством. Турки, пользуясь этим, всегда были готовы резать христианское население ("райю"), какой бы оно ни было национальности.

Эта взаимная церковная и национальная вражда развращала православное население Южной Сербии, которое, в силу обстоятельств, называло себя то греческим,

то болгарским, то сербским. Нередко это вызывалось и соображениями личной выгоды, где и деньги играли не последнюю роль. Но при этом нужно признать, что все же наиболее стойким — в церковном, национальном и политическом отношениях — всегда было население сербское. И поэтому именно сербы терпели наибольшее угнетение от турок. Но они же больше всего и восставали против своих вековых притеснителей-мусульман.

Вообще же, славянское население терпело гнет не только турецких властей, но и местных "беев"-помещиков. Оно было поистине глубоко несчастным и до крайности приниженным. Поселяне были не только бедны, безграмотны, но и примитивны до крайности. Во многих, даже больших, селах в начале этого столетия не было не только докторов, больниц и аптек, но и мелких лавок. Редко были школы, да и неохотно пускали в них родители своих детей... Вся жизнь проходила в исключительно тяжелой работе, которая к тому же велась лишь устаревшими несложными орудиями. При этом работали, главным образом, женщины, т. к. турки силою привлекали мужчин к тяжелой трудовой повинности и многие должны были скрываться в горах и лесах. Поэтому родители старались не выдавать дочерей замуж ранее 30-35 лет, чтобы сохранить в доме рабочую силу. Наоборот, сельские парни женились очень рано, 16-18 лет, чтобы поскорее ввести в домашнее хозяйство жену-работницу.

Одна надежда была у православного населения Южной Сербии: "Белый царь" — единоверный русский царь, который один только может помочь и выволить... Поэтому безграничный был авторитет, беспредельный почет русского консула. Его ореол был чрезвычайно велик, так как православное население видело, что только русского консула боялись турки. Но наряду с этим процветали в угнетаемой толще славянского народа и дурные чувства: клевета, подозрение в фаворизме одних народностей в ущерб другим; друзья и враги пристально следили за каждым шагом русского консула и за каждым его словом, иногда давая им фантастические объяснения.

После Андрианопольского мира в 1889 году, русское правительство стало посылать своих консулов в Южную Сербию, которая была под вековым турецким игом. Наши консулы появились в Нише, Скадаре, Скопле, Приштине, Битоле, Призрене и в других городах. Православное население встречало русских консулов в этих областях, как своих единственных и верных защитников и предвестников своего освобождения от турок. И российские дипломатические представители в этих отдаленных краях, с первых же шагов своей деятельности вполне оправдали желания и надежды угнетаемого народа, оказывая ему братское внимание и всестороннюю защиту.

При этом нужно заметить, что всего больше внимания и помощи приходилось уделять народности сербской, которая была наиболее воинственной в отношении угнетателей. И при всех столкновениях сербов с турками большое значение имело посредничество именно русских консульских представителей, которые были единственными и мужественными защитниками угнетаемых братьев... До полного освобождения сербского народа от турок в Балканскую войну 1912-1913 г. г., выдающимися дипломатическими представителями России в Южной Сербии были: Гильфердинг, Ястребов, Никифорович, Лисевич, Машков, Щербина, Ростковский, Беляев, Акимович, Тухолка, Петряев и др. Некоторые из них, — как Ростковский и Щербина, — жизнь свою положили, защищая сербское население: были убиты турками-фанатиками.

Теперь, спустя больше ста лет, можно и нужно признать, что русские консулы были постине образцовыми представителями Великой России, которыми она вправе была гордиться. Это были бесстрашные защитники православных, брошенных в бурное море турецкого беззакония, насилий и зверств диких арнаутов. Поэтому и доньне коренное славянское население Южной Сербии с благодарностью вспоминает и в песнях воспекает знаменитых российских консулов из той, уже далекой, эпохи турецкой неволи. И не только воспекает, но и складывает легенды о мужестве их и доброте.

Действительно, они мужественно вели себя при исполнении ответственных и опасных служебных своих обязанностей, всемерно защищая христианское население от произвола турецких властей. А в тех случаях, когда канцелярско-дипломатическая защита оказывалась недостаточной, — эти достойные представители России, отбросив все формальности, решительно переходили от слов к делу и сами проявляли инициативу: даже освобождали из тюрем невинно заключенных славян. Да, так именно это и было. Между прочим, этим прославился ускубский (скоплянский) консул В. Ф. Машков... Многих они спасали в самих зданиях российских консульств, пользовавшихся правом внесемельности. И числа нет таким путем спасенным национальным политическим сербским деятелям того времени. Поэтому с полным правом писал выдающийся историк королевства Сербии, д-р И. Хаджи-Васильевич, что "Россия была защитницей православия, а ее консулы были единственными заступниками в наших южных краях под турками". И бывший сербский королевский представитель в тех краях пишет: "С благодарностью вспоминаю великие заслуги, которые оказывали русские консулы. Без их эфикасной защиты много тяжелее было бы турецкое иго".

Действительно, в то время вся защита православных народностей в Южной Сербии находилась почти исключительно в руках русских консулов, ибо дипломатические представители тогдашнего королевства Сербии были совершенно бессильны перед местными турецкими властями. "Орманда ферман окупмаз!" — сказано было известному сербскому профессору Иовану Цвиничу, когда турки не пустили его в Призрен и окрестности для научных исследований. "Орманда ферман окупмаз!" — сказано было и королевскому сербскому консулу И. Михайловичу в Призрене, когда он получил назначение в этот город. То же самое было сказано и консулу из королевства Сербии в Приштине, др. Мирославу Спалайковичу, когда турки вернули его с пути в древние Печ и Дечаны.

Кстати, когда заговорили о Призрене, то следует напомнить, что местная православная Учительско-Богословская школа, воспитавшая много выдающихся серб-

ских церковных¹⁾), национальных и политических деятелей в Южной Сербии появлением и процветанием своим тесно связана с Россией. Эту школу основал своим иждивением и оставил посмертный фонд своего имени на ее содержание — Сима Андреевич Игуманов: уроженец Призрена, но русский подданный и почетный гражданин Петербурга; он провел в России почти всю свою жизнь. И самая возможность основания такой школы в турецком государстве — имела место лишь благодаря мощному ходатайству перед турками русских властей: в первую очередь местного русского консула, а затем всеильного российского посла в Царьграде-Константинополе.

Следует упомянуть, что российские консулы на Ближнем Востоке очень импонировали местному населению и особенно турецким властям также и тем, что носили полувоенную форму с погонями, оружие и имели военную охрану.

Русские консулы, бывшие старшими государственными чиновниками-дипломатами, своей горячей преданностью общеславянскому делу были не только официальными, но подлинными представителями России и ее государственно-правительственных органов, но и широких общественных кругов, одушевлявшихся идеей и еще больше чувством и сознанием необходимости славянского единения.

Работа русских консулов на Балканах в те, — сейчас уже отдаленные времена, — была необычайно важной, чрезвычайно ответственной и весьма многообразной. Консулы почти единолично вели всю эту работу, которая требовала не только знания, умения, такта, настойчивости, но даже мужества и чрезмерного напряжения сил. К счастью, на этих местах нередко бывали лица, полностью отвечавшие этим высоким и многообразным требованиям. Особо выдающимися из них были выше перечисленные, из коих двое были при исполне-

1) Два выдающихся сербских патриарха, святейшие Варнава и Гавриил, были воспитанниками этой школы.

нии своих служебных обязанностей убиты турецкими националистами-фанатиками.

О двух из этой славной плеяды представителей тогдашней русской дипломатии на Балканах мы хотим сейчас кратко рассказать, — на память и в поучение потомкам. Этими славными консулами были — И. С. Ястребов и А. А. Ростковский.

УЧЕНЫЙ ЛИНГВИСТ

Иван Степанович Ястребов родился 27-го сентября 1839 года в семье православного военного священника Тамбовской губернии. Но детство и первые впечатления его связаны с поэтическим Кавказом, где отец его был тогда на службе. Величественная природа произвела глубокое впечатление на его детскую душу, а рассказы о подвигах кавказцев и наших казаков оставили след на всю жизнь. А условия здешней жизни заложили основы умственного его развития и в последующие годы определили направление характера и деятельности И. С. Ястребова.

Он получил образование в Астраханской духовной семинарии, а затем в Казанской духовной академии, которую окончил с отличием, унеся из нее основательные и разносторонние знания. Исключительный успех в науках и советы высшего академического начальства, а также отца-протоиерея, направили его на дипломатический путь и в 1864 году он поступил в отделение восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел... Этим определилась и его дальнейшая карьера. Из отделения (впоследствии факультета) восточных языков он вынес, — помимо предметов, необходимых для дипломатической службы, — еще и основательное знание турецкого, арабского и персидского языков. Впоследствии это имело решительное значение в служебной и научной его деятельности.

По окончании курса наук, молодой Ястребов был назначен чиновником Императорского Российского посольства в Царьграде, — и этим был намечен дальнейший путь и поприще его деятельности. В то время Тур-

ция была под сильнейшим русским влиянием и молодой дипломат вступил в плеяду тех даровитых людей, которые окружали тогда могущественного российского посла графа Н. И. Игнатьева. В то время Сербия и сербство пользовались исключительным и доброжелательным вниманием русской дипломатии, которая рассматривала их, как лучшего и чистейшего представителя славянства на Балканском полуострове. И с такими мыслями и чувствами, руководившими тогдашней русской дипломатией, Ястребов впервые вошел в личное соприкосновение с сербским народом, когда в январе 1867 года был назначен секретарем и драгоманом российского консульства в Скадре, а позже управлял этим же консульством. Но его симпатии к угнетенному сербскому народу еще больше окрепли, когда он впервые вступил в тесное общение с сербским народом, временно заняв пост консула в Призрене (в 1870 году). Но затем он снова был возвращен в Скадар, где пробыл девять лет, и во время сербского восстания (1875-76 г. г.) он был членом Консульской Комиссии для оказания помощи сербскому населению Боснии и Герцеговины. А в середине 1879 года вернулся на должность консула в Призрен, где — по его словам — провел "лучшие дни и годы". И здесь-то, как мы уже упоминали, именно при его поддержке Сима Игуманов основал Богословско-Учительскую школу, которая дала Сербской церкви и народу ряд выдающихся церковно-национальных деятелей, подготовивших освобождение Южной Сербии.

Помимо всегдашнего заступничества перед турками, свою любовь к православной вере и угнетенному сербскому народу Ястребов проявил не только в оказании помощи по организации Призренского рассадника церковно-национального просвещения, но также и множеством разных других полезных дел. В частности, именно ему призенцы должны быть благодарны за сооружение храма. А когда однажды турки выкрали сербскую девушку с целью насильно ее "потурчить", то Ястребов ворвался в турецкий дом, отобрал похищенную девушку и взял ее под защиту императорского российского консульства... Подобный случай произошел и во время его пребывания в Скадре, когда дикие албанцы напали

на Черногорское консульство и Ястребов с револьвером в руке бросился на них, разогнав вооруженную толпу фанатиков... Можно себе представить, какое впечатление это произвело на местное население, привыкшее уважать только силу. Но самым блестящим периодом его служебной деятельности было его пребывание в качестве генерального консула с 6-го марта 1881 г. до 7-го января 1894 года, дня его смерти, — в Солуни, где он и похоронен на греческом кладбище. Жена его и верный друг, имея в виду любовь покойного к сербскому народу, все движимое имущество, в том числе и богатую его библиотеку, подарила сербской школе в Солуне.

Ястребов был не только выдающимся представителем русского могущетвенного государства, но и замечательным общественным и научным деятелем. Он отличался исключительно высокими душевными качествами, светлым умом, независимостью мысли, правдивостью и большой личной храбростью, которая импонировала особенно в этих краях, где торжествовал турецкий произвол. И прав был проф. П. Сречкович, его друг и почитатель, когда писал: "Ястребов был атлетического сложения, веселый и необычайно трудолюбивый. Никакая опасность не заставляла его растериваться и никакая низость не допускала молчания. Всегда спокойный и решительный. Правду и честь ценил выше всего".

Прекрасные черты характера Ястребова, его всесторонняя и глубокая образованность и, в частности, великолепное знание турецкого, арабского и албанского языков, — выделяли его в глазах всех знавших его дипломатов других государств, а турецких ученых мул несказанно изумляли. Личная же храбрость его покоряла и привлекала к нему и простых восточных людей. Но его храбрость, часто переходившая в дерзкую смелость, удивляла даже храбрейших арнаутов, которые и у своих врагов ценят эту черту характера.

Неутомимый и смелый научный исследователь, И. С. Ястребов вдоль и поперек объездил весь Балканский полуостров. Со специальными научными географическо-историческими и этнографическими целями он прошел Старую Сербию и Албанию. Для успешного выполнения последней задачи он даже изучил трудный

албанский язык. И тогда, с опасностью для жизни, путешествовал он по этой дикой стране, неутомимо ее изучая. При этом его личная храбрость не раз спасала его, привлекая к нему сердца диких жителей и создавая друзей, которые потом преданно оберегали этого смелого человека.

В результате этих опасных путешествий и многолетних научных исследований появилось две крупных его работы по археологии и этнографии тех краев: "Материалы для истории Сербской церкви" (Белград, 1879 г.) и "Обычаи и песни турецких сербов" (Петербург, 1886 года). Ястребов открыто заявил и в своих научных трудах доказал, что славянские жители Старой Сербии и Македонии — сербы, а не болгары. Он убедительно опроверг мнение противников и привел историю, способы и средства болгаризации тамошних сербов, особенно от начала болгарской Экзархии 1870 г., неудачной войны 1876 года, Сан-Стефанского договора и открытия болгарских школ в этих краях под турецкой властью.

Оба этих научных труда Ястребова своим источником имели его путевые записки, частично им для этого использованные. А на основании остального материала, находившегося в этих записях, он задумал написать свой главный, еще более фундаментальный, научный труд — исторического, этнографического и археологического характера. Но этот замечательный труд не удалось ему закончить и рукопись его вдова покойного Ивана Степановича передала Королевской Сербской Академии Наук. И эта рукопись была напечатана впервые в 1904 году под названием "Старая Сербия и Албания. Путевые Записки И. С. Ястребова". Научная ценность этого труда выражается, между прочим, и в том, что Ястребов здесь описал многие из тех мест, которые в те времена были совершенно недоступны большинству исследователей. И даже иногда вообще были тогда еще неизвестны ученому миру. Также ценно и то, что в описании некоторых мест и историко-археологических памятников их — он внес существенные поправки и описания других исследователей, отметив их ошибки и неточности. Но особенно интересны взгляды Ястребова в части этого труда, касающиеся Старой Сербии, где он говорит: о

взаимных отношениях сербов и арнаутов в период сербского господства в старой сербской державе и после ее падения; об исчезновении христианства и о том, как женщины защищали веру праотцев в тех краях; о расселении сербов и населении пришлым в Старой Сербии; о сербском языке и женщинах, его оберегавших (мужчины отправляясь на заработки на чужбину, особенно в Болгарию, вносили в родной язык чужестранные элементы); о болгаризации сербов под влиянием Екзархии, болгарских школ и о сопротивлении этому, опять-таки преимущественно женского сербского элемента; о гибели остатков старых сербских исторических построек, в особенности монастырей и церквей, вследствие турецких насилий и сербского погубения.

В части, касающейся Албании, Ястребов, произведя усердные научные розыски и обследование остатков сербского прошлого в этих краях; увлекательно рассказал о былых сербских здесь поселениях, о православии в этих краях и о многом другом, — интересном и важном.

Как писатель, И. С. Ястребов отличается исключительной простотой и краткостью изложения, ясностью и красочностью выражения. Поэтому его труды читаются с большим интересом, который увеличивается еще и тем, что все, им описываемое, касается областей старой сербской державы, некогда могущественной, а во времена Ястребова малой, полусвободной и угнетаемой. Описываемое им является лишь жалким остатком некогда великого наследства, попавшего в жадные руки грубых завоевателей турок и их союзников — арнаутов, цыцаров и греков, сумевших огромное незаконно ими захваченное историческое богатство превратить в прах и пустошь. Поэтому его писания полны не только привлекательности, но также великой грусти и горечи.

Оттомная научная работа выполнена Ястребовым умело, талантливо и любовно. Многие, собранные им во время многолетних розысков, предметы сербской старины он передал Ученому Обществу и Сербскому Народному Музею, оставив по себе память не только, как о достойном представителе великого русского народа и искреннего друга сербов, — но и внес серьезный вклад в науку о Балканах и населявших его народах.

УБИЙСТВО А. А. РОСТКОВСКОГО

Как мы уже говорили, годы конца прошлого и начала этого столетия были одними из самых тяжелых для сербов в пределах б. Косовского и Битольского вилайетов (Южная Сербия). В те годы велось планомерное истребление сербского элемента в этих краях. Арнаутам позволялось делать все, что им хотелось и почти открыто, на глазах у турецких властей, при условии сохранения лояльности их к этим властям. Убийства, захват движимой и недвижимой собственности, насильственный увод девушек, принудительное обращение в мусульманство — были самыми обычными явлениями.

Дабы хоть немного обуздать арнаутов и подтянуть местных турецких чиновников, русские консулы неоднократно выезжали в самые отдаленные и недоступные районы. Но такие выезды русских дипломатических представителей всегда вызывали недовольство и даже смятение, как в турецких правительственных кругах, так и в среде самих арнаутов. Ибо, вслед за такими поездками консулов, почти всегда следовало отозвание наиболее ретивых и зарвавшихся турецких чиновников, а также аресты и высылки наиболее свирепых угнетателей из среды арнаутов. А в то же время появление русских консулов в глухих местах этих вилайетов, отличавшихся наибольшим произволом мусульманского населения над православным, — поднимало дух бесправных христиан, показывало, что о них заботятся и что надежда на лучшее будущее не потеряна.

Но все это, конечно, в свою очередь рождало и ширило ненависть диких фанатиков арнаутов и турок по отношению к местным дипломатическим представителям России, к ее консулам, наделенным огромной властью. И это нередко приводило к трагическим результатам. Так, например, в течение всего лишь одного 1903 года были убиты два достойнейших российских консула — в Косовской Митровице и в Битоле.

**
*

В такую сложную и напряженную политическую, национальную и церковную обстановку попал в 1894 году молодой Ростковский, когда он с семьей прибыл на службу в Южную Сербию, в российское вице-консульство древнего города Битоля (или Монастыря, как он также назывался, ввиду некогда бывших там многочисленных монастырей).

Александр Аркадьевич Ростковский родился в Одессе 18 октября ст. ст. 1860 года. Отец его был выдающийся генерал, а мать — из известной морской семьи Вавиловых. После окончания Императорского Александровского Лицея, Ростковский поступил в Министерство иностранных дел, а затем был секретарем российского посольства в Болгарии, при Баттенберге. В 1886 году он женился на княжне Екатерине Дабижа из старинного сербского рода Котромановичей Боснийских. Служил он в Иерусалиме, Бейруте, Бриндизи и в Южной Сербии. А последним местом его службы был Битоль, где, как выше мы упоминали, смешалось несколько враждебных народностей, между которыми был весьма сильный политический, национальный и религиозный антагонизм. А, кроме того, существовала почти зверская неприязнь к христианам вообще значительного числа совершенно диких местных мусульманских племен. Битольская равнина граничила с Албанией, где жили свирепые гоги и несколько более мягкие тоски. Услугами их часто пользовались турецкие власти.

Обстановка была не только весьма сложная, но и опасная до крайности. Но, не взирая на это и вопреки советам других консулов, Ростковский басстрашно ездил без всякого эскорта и только в большие путешествия брал с собою каваса. В противоположность многолетнему обыкновению, почти традиции, других иностранных консульств, прочно отгораживавшихся от местного населения, — двери российского генерального консульства были широко открыты для всех нуждающихся в его защите и помощи. Неизменно внимательно и сердечно Ростковский выслушивал всех, обращавшихся к нему, страдавших от гнета турок, помогая им всемерно. И часто он возвращался из отдаленных сел с

детьми бедных христианских родителей, которых уговаривал отдать детей в школу.

Благодаря его энергии и широкой помощи, восстанавливались православные храмы, воспряли духом бедные пастыри, затихли беги-угнетатели. Не забыты были и несчастные узники: он терпеливо выяснял причину их заключения и, если этого требовала справедливость, мужественно настаивал на освобождении невиновных. При этом неизменно сам проверял исполнение этих требований. Иностранные консулы были просто поражены, когда однажды в помещении российского консульства Ростковский укрыл группу христианских девушек, спасенных им от гарема. И продолжительное время они находились на попечении его жены, которая с чисто русской сердечностью умела их приласкать, успокоить и ободрить. А тем временем сам Ростковский искал и нашел верный путь, чтобы под надежной защитой отправить их в места, недосягаемые для самовластных бегов.

Широким гостеприимством семьи русского консула пользовались учителя и учительницы православных школ, присылаемые из королевства Сербии. Оказывал он гостеприимство и помощь также и многочисленным ученым, писателям и журналистам, изредка посещавшим эти области, удаленные от международных путей. Но турецкие власти всячески затрудняли работу сербских ученых, особенно археологов, под предлогом, что они, якобы могут похитить найденные ценные клады... Неутомимый Ростковский умел улаживать все эти разнообразные и многочисленные недоразумения и затруднения. Через его гостеприимный дом прошли и многие представители русской науки, искусства, печати и просвещения, как например: Шлиман, Кондаков, Успенский, Фармаковский, Погодин, Ковалевский, Милюков, Амфитеатров, Немирович-Данченко... Археологи чаще всего направлялись к Охриду и, переправившись на лодках (копии римских трирем) через Охридское озеро, посещали знаменитый древний монастырь св. Наума, почитаемый даже мусульманами. Монастырь этот находился на границе Албании, где тогда процветали особенно дикие нравы. И вот однажды Ростковский освещал

домился о напряженном положении среди христианского населения Елбасанской области и о возможности серьезных церковных беспорядков. А представители турецкой власти не могли, — даже если бы и хотели, — туда проникнуть, так как свободолюбивые горцы сами собой управляли и, кроме своих патриархов-старцев, никаких других властей вообще не признавали. И вот Ростковский все же решил проникнуть в эту "запретную" область. Дело было глубокой зимой. Военная охрана, предоставленная турками смелому русскому консулу, бежала в самом начале этого опасного путешествия. И с неустрашимым Ростковским остались только консульский кавас и переводчик, оба албанцы. Вскоре кавас нашел друзей среди горных разбойников, защите которых и поручил своего господина. Пробираться верхом было очень трудно из-за массы снега и крутых тропинок. Зачастую приходилось сходить с измученных коней и вести их в поводу. Иногда продвигались по пояс в снегу. Редко попадалось албанское жилище с бойницами вместо окон; внутри, на земляном полу, было огнище, а в крыше отверстие, которое служило дымоходом. Только здесь, в этой примитивной обстановке, и можно было отдохнуть и согреться.

В начале этого путешествия Ростковский упал и сильно расшибся. Но, несмотря на уговоры, решил продолжать путь. В одном ущельи как-то послышались выстрелы: выяснилось, что один из разбойников пал жертвой кровавой мести... На пути дальнейшего следования, по берегам бурной горной речки, было два селения, не общавшихся между собою и с давних времен живших в дикой вражде, так как предки их завещали им кровавую месть за какое-то уже давно забытое преступление. Ростковский созвал главарей и убедил их, ради приезда его, представителя "белого царя", примириться. И совершилось поистине чудо: главари согласились и, взяв по камню в руки, бросили их в бурную воду, поклявшись жить дружно до тех пор, пока эти камни из воды не всплывут, то есть вечно.

Появление в такую пору российского консула в Елбасане произвело огромное впечатление и вскоре на-

ступило успокоение среди враждовавших христианских племен. Это было в 1898-1899 годах. Турецкую власть и диких арнаутов до крайности раздражило это событие и самое путешествие представителя русского правительства. Усилилась враждебность к Ростковскому и слышались угрозы со стороны мусульман-фанатиков и непримиримых врагов христианского населения, которое он защищал.

При этом нужно иметь в виду, что постепенно центр тяжести турецких зверств переместился из Македонии в Старую Сербию; но ожесточение от этого лишь возросло. И ближайшим результатом этой путанной, чисто балканской неурядицы, вызванной непримиримой браждой племен, на национально-политической и религиозной почве, должно было быть, — как предсказывали знатоки местных дел, — убийство русского консула. И действительно, через несколько лет в Косовской Митровице был убит консул Г. С. Щербина, а вслед за ним, в том же году, и Ростковский.

С 1900 года стала замечаться некоторая перемена в Битольском вилайете. Старик вали, с которым Ростковскому удавалось часто находить общий язык, вышел в отставку. Вскоре за ним последовал командующий армией, сыновья которого, молодые офицеры, принадлежали к крайней национально-революционной группировке "младотурок". Прибыли новый вали и новый генерал, — оба, повидимому, со специальными инструкциями. Первый таил в душе ненависть к христианам вообще и к России в особенности, как выученик немецкой школы. Действуя исподтишка, он поощрял насилия, убийства и пытки, при этом сваливая все на "комитаджей", деятельность которых тогда значительно усилилась. Во главе их был знаменитый Борис Сарафов, имя которого гремело не только по всему Балканскому полуострову, но и далеко за пределами его.

В то время турки особенно зверствовали и тем же отвечали им комитаджи. А от всего этого жестоко страдало, прежде всего, беззащитное христианское население.

ние. Прийдут в село комитаджи, надо их укрыть и накормить; кроме того, в указанный день и место класть им пищу. Отказ или колебание вызывали подозрение в предательстве и влекли побои, поджоги и часто даже убийства. Потом приходят турецкие жандармы или солдаты: "Где укрылись комитаджи?" — и снова побои, пытки, чтобы заставить говорить. Если же скажут, — то жестоко отомстят комитаджи... И так протекала превращавшаяся в сплошную муку, жизнь между двух огней, одинаково угрожавших гибелью. И стон стоял по всей Южной Сербии. "Когда же придет Белый царь и спасет всех нас?" В ответ на эти стоны, заволновались тогда и все Балканские государства и тоже вопрошали: "Когда поможет нам Россия?"

**

С каждым днем положение становилось все напряженнее и чувствовалось приближение грозы. Темною ночью пробирались в российское консульство бежавшие от озверевших турецких властей люди, тайком приходили болгарские комитаджи и сербские комиты. Однажды пробрался и сам Борис Сарафов и Ростковский тогда почти до рассвета провел с ним в беседе... Все больше внимания нужно было уделять защите обездоленных, укрыванию гонимых и спасению христиан вообще от вконец озверевших турок. А из Петербурга в это время получено было секретное распоряжение не только не поддерживать надежды христианского населения на возможность скорой помощи России, а, наоборот, охлаждать эти надежды. Все внимание русского правительства обращено было тогда на Дальний Восток, где назревал военный конфликт и чему мешало бы всякое выступление на Ближнем Востоке, на Балканах.

Горько было русскому консулу разрушать последнюю надежду православных в этих краях. А славянские национальные борцы, комиты и комитаджи, узнав об этом распоряжении из России и отчаявшись, решили спровоцировать великие державы. И с этой целью они в марте 1903 года подложили бомбу во французский пароход, стоявший на рейде Салоникского порта. После

взрыва вспыхнул пожар, и было много жертв, что вызвало большое возмущение в европейской печати. А вскоре комитаджи захватили и увели в горы двух американских миссионеров, потребовав за их освобождение большой выкуп для пополнения своей скудной партийной кассы. Хаос достиг крайних размеров. Это еще больше взволновало в Европе общественные, политические и церковные круги.

Вся мировая печать отражала это настроение. Русские газеты также были полны описаниями турецких зверств, что очень волновало общество. Тогда министерство иностранных дел решило, — по не вполне понятным причинам, — ушатом холодной воды умирить это волнение и поместило в газетах извлечение из трех рапортов российских консулов, выбрав описания жестокостей комитаджей и выпустив описания турецких зверств... Об этом узнали на Балканах и возмущение христианского населения было неопишимо. Против авторов этих рапортов вспыхнула дикая злоба: их почитали изменниками славянского дела. "Вас решили убить", — сказал как-то Ростковскому старик драгоман, всю жизнь проживший в Битольском вилайете и тесно связанный с местным населением. А консул и сам хорошо знал, что этот момент случится. Но он не испугался и принял известие это с обычным для него спокойствием, продолжая свою всегдашнюю деятельность. А тут еще подошел "Джурджевдан" (день св. Георгия).

Нужно сказать, что ни один святой не почитался среди балканских христиан так, как святой великомученик Георгий, которого почитали даже мусульмане. В день празднования этого святого, после богослужения всегда совершалась торжественная лития с освящением, а потом народное гулянье, которое сопровождалось песнями, танцами, возлияниями и... стрельбой. Правда, по требованию турецких властей допускалась стрельба только холостыми зарядами. Но уследить за всеми стреляющими не было возможности и поэтому часто гулянка оканчивалась убийствами, не всегда случайными и невольными.

22 апреля того же 1903 г. прибыли в Битоль солдаты фанатики из мусульман Анатолии и на следующий день

в день праздника св. Георгия, началась их стрельба, но не холостыми зарядами: анатолийцы убивали христиан... Город охватила паника. Закрылись храмы, лавки, базар; христиане попрятались. Иностранные консулы и те испугались и забаррикадировались. Один только российский консул Ростовский облачился в мундир и, взяв с собою только каваса, поехал к вали. Вынув свои часы, он решительно заявил турецкому правителю: "Даю вам полчаса и за это время все солдаты должны быть разоружены. Я сам проверю исполнение этого!" Повернулся и ушел, направившись к митрополитам, которых было два — греческий и болгарский. Потом посетил храмы, заходил в дома православных славян и успокаивал их. Везде уверял, что опасность прошла, что можно открывать храмы и лавки; можно спокойно выходить на улицу. Сам пошел на базар и как только встречал турецкого солдата, говорил кавасу: "Посмотри, есть ли у него заряженное оружие!"

Вернувшись в консульство, Ростовский спросил жену: "Боишься ли ты?" — "Нет, я не боюсь!" "Так пойдем к народу"... И, взяв ее под руку, без каваса Ростовский прошел по всему городу, чтобы доказать народу наступление полного спокойствия. Но своим близким он в тот вечер, задумавшись, сказал: "Какую ответственность взял я на себя сегодня"!.. Начиная со следующего дня, он ежедневно стал объезжать села, чтобы лично проверить, спокойно ли там. А впоследствии стало известно, что в эти же дни турецкие офицеры, собравшись под покровительством вали в мечети, поклялись убить человека, который столько лет им мешал, открыто поддерживая недовольство и протесты христианского населения этой области.

Об этом заговоре знало высшее начальство в Стамбуле и только желало, чтобы для приведения в исполнение решения заговорщиков представился подходящий повод и случай. А офицеры Битольского гарнизона были уверены, что не будут наказаны за свое выступление. Они считали, что если убийцы российского консула Щербины в Косовской Митровице были прощены русским царем, — значит, Россия слаба и все сойдет и им с рук... Так всегда рассуждали на Ближнем Восто-

ке, и отчасти были в этом правы. Поэтому, когда пришло в Битоль известие, что государь Николай II помиловал убийц своего консула Щербины, то Ростовский пророчески сказал: "Ну, теперь убьют другого русского консула... Интересно кого... Машкова (в Ускубе-Скопле) или меня?"

**

В июне 1903 года Ростовскому предстояла поездка в далекие заброшенные села и вали предложил ему военный эскорт. При этом, разумеется, вали заботился не об охране русского консула, а хотел приставить к нему турецких шпионов, которые следили бы за ним, в частности, наблюдая, кто является к нему с жалобами на турецкую власть. Ростовский отлично понимал истинное намерение хитрого вали и от такой "охраны" отказался. Однако, в продолжение всего пути турецкий отряд, отставая или опережая его, все-же двигался неизменно по той-же дороге под предлогом слежки за комитаджами. И все-же Ростовскому удавалось повидаться и поговорить с селяками и даже однажды ночью выслушать священника, пришедшего с поручением от комитаджей, скрывавшихся в горах.

— Если консул-бей не будет противиться, то сегодня же ночью комитаджи перережут всех турецких солдат отряда, — сказал посланец.

— А сколько вас? — спросил Ростовский.

— Нас больше пятидесяти, — ответил сельский пастырь.

— Ну, вот видите, а солдат больше пятисот... Как вы сможете справиться с ними? Малейшая неосторожность — и все вы погибнете.

Этот довод убедил священника. Турецкие солдаты на следующее утро спокойно двинулись дальше, не подозревая о грозившей им опасности, которую отвратил от них ненавистный им русский консул.

Трудности и невзгоды, которые пришлось пережить Ростовскому на этом пути, были вознаграждены теми ценными сведениями, которые ему удалось тогда собрать для подробных донесений в Петербург. Но на этот раз и его, привыкшего к местным нравам, все-же

потрясли страшные рассказы в каждом христианском селе о зверствах турок. Однажды ему довелось даже с одной горы наблюдать схватку комитаджей с турками...

Путешествие это длилось десять дней. А при возвращении в Битоль отважные путешественники были радостно и торжественно встречены громадной толпой народа, так как в городе распространился слух, что русского консула и его семью (с ним действительно были жена и дочь) комитаджи увели в горы, как заложников.

"Вскоре после этого, — впоследствии рассказывала дочь Ростковского, — мы поехали в заброшенный монастырь Буково, место нашего летнего отдыха. Подымаясь к монастырю, часто слышали подозрительный шорох в лесу, а когда совсем стемнело, прокрались к отцу какие-то темные фигуры. Повидимому, это были комитаджи. Они долго разговаривали с отцом, но не слушались его доводов о необходимой осторожности и безнадежности их выступлений, когда Россия не может оказать помощи... Из этого монастыря Буково прекрасно была видна вся Битольская равнина и каждый вечер в разных частях ее видны были пожары: горели села. А поджигали их комитаджи — за измену, и турки — за содействие тем-же комитаджам. Кровавый круг страдания и злодеяний".

Почти каждый день Ростковский приезжал из монастыря в город. У него, в здании консульства, все чаще собирались обеспокоенные положением иностранные дипломатические представители и расспрашивали своего русского коллегу, что видел он, что слышал и знает? А в это-же время озлобленные турецкие офицеры говорили своим солдатам: "Русский консул наш враг, он за одно с комитаджами... С Буковского монастыря он показывает им, где и что надо поджигать". И солдаты-фанатики всему этому верили и озлоблялись все больше против Ростковского, укрепляясь в желании поскорее от него избавиться. Везде устраивались засады против него, уже обреченного. При этом враги хорошо знали, что Ростковский не соблюдал осторожности, постоянно ездил без охраны, а часто даже и без каваса или драгомана. При этом всегда он был в форме, по которой легко было его узнать.

И вот, в роковой день 8 августа ст. ст. 1903 года, спустился Ростковский в последний раз из Буковского монастыря в Битоль. На этот раз с ним был преподаватель его детей, болгарин Мисирков, получивший образование в России. Ехали они в экипаже по дороге, которая проходила мимо сторожевого поста. Часовой на этот раз демонстративно не отдал чести, а турецкие солдаты обязаны были приветствовать всех иностранных консулов. И хотя Ростковский по своей скромности вообще мало интересовался почестями, но в данном случае дело касалось престижа великой Российской Империи, дипломатическим представителем которой был он в этой чужой и коварной стране. Он остановил экипаж, подошел к часовому и спокойно спросил его: "Почему чести не отдаешь? Разве ты не знаешь, что я русский консул?.. Как тебя зовут?" — и вынул при этом записную книжку, чтобы записать ответ. А часовой, после краткого молчания, вдруг вскинул ружье и раздался выстрел. Испуганные лошади понесли... Из казармы выскочили другие солдаты и начали стрелять в Ростковского. Раны — их было несколько — все оказались смертельными. Но раненого добивали еще прикладами.

Это произошло в 8 часов утра. А в 10 часов в Буковский монастырь прибыли английский и французский консулы, чтобы известить семью погибшего о трагическом происшествии.

Неописуемая скорбь охватила всех христиан этого края.

Пятнадцать дней ждали прибытия в Салоники из Стамбула русской канонерской лодки "Терец", которая по распоряжению российского правительства должна была доставить на родину тело погибшего ее славного представителя и семью его. Пятнадцать дней продолжалось непрерывное паломничество местных христиан к телу убитого их добросердечного покровителя и неустрашимого защитника. Паломничали жители даже самых далеких и заброшенных сел. А, прийдя ко гробу его, рыдали: "Отец наш, что же теперь будет без тебя? Кто защитит нас? Отец наш и покровитель... единый защитник наш!"

По два раза в день служили панихиды многочис-

ленные православные священнослужители всего этого обездоленного края. Наконец, настало утро отбытия тела покойника, — момент последнего прощания. Переезд до моря совершался в специальном траурном поезде, предоставленном для этой цели растерявшимся турецким правительством. И всюду, до самых Салоник, стояли шпалерами войска, отдающие честь российскому консулу, жертве дикого фанатизма. Но на остановках в пути население не допускалось близко к этому поезду, так как власти опасались проявления негодования христианского населения. А оно проявило свою скорбь тем, что с момента отхода траурного поезда с Битольского вокзала, всюду по горам зажглись огромные костры. Так христианское население этого края по своему древнему обычаю прощалось со своим дорогим покойником, со своим заступником, отдавшим жизнь за братьев своих, в бедствиях сущих.

Прошли годы. Много лет прошло, а в домах местных христиан, — уже освобожденных от турецкого ига и присоединенных к королевству Сербии, — можно было видеть фотографии погибшего русского консула, незабвенного А. А. Ростковского. Народ помещал его фотографии подле икон, ибо почитал его народным мучеником. И мучеником его назвал впоследствии епископ Николай Охридско-Битольский, когда в 1934 году собрались у него в Епископии сербы и русские, чтобы решить вопрос, какой памятник поставить Ростковскому на месте его гибели. Вот тогда этот сербский Златоуст и ученнейший православный иерарх сказал собранию: "Я за то, чтобы поставить ему возможно бóльший крест в память того креста, который он много лет здесь нес и с которым здесь умер, как настоящий христианин"... А в проповеди на заупокойном богослужении еще добавил: "Если-бы не этот человек, великий брат-русский, то мы сегодня не стояли бы здесь".

**
*

Огромное значение русских консулов в Южной Сербии вообще и, в частности, Ростковского — очень ярко обрисовал святейший патриарх сербский Варнава, кото-

рый 7 ноября 1936 года в Битоле на торжественном открытии памятника А. А. Ростковскому сказал: "С именем царского русского консула в этом краю было соединено представление о могущественном русском православном Царе, мощном защитнике Церкви и Православия и единственной надежде измученного здешнего народа на освобождение. С этим именем в народе связывалось представление о правде Божией, милосердии, милости к бедным и защите угнетенных. Здешний народ знал, что царский русский консул защищал его, побуждаемый братской любовью; что он объезжал в порабощенном крае церкви и монастыри, передавая царские пожертвования на обедневшие храмы, защищал служителей Божиих, зоботился о школах и просвещении. И вообще не жалел себя в этих краях для народа в ту пору, когда вопрос шел о сохранении этого православного народа. Все это знал и чувствовал здешний народ и поэтому в крае этом создалось особое почитание Русского Православного Царя, как защитника здешней Церкви и народа, самому бытию которого угрожала страшная опасность.

Эти народные чувства нашли себе яркое выражение в те дни, когда был убит А. А. Ростковский. Тогда его бездыханное тело в течение двух недель было покрыто цветами и поливалось народными слезами. А в ту ночь, когда останки его увозили из Битоля в Россию, — все окрестные горы были покрыты громадными кострами в знак скорбного прощания здешнего православного народа со своим незабвенным защитником и милостивцем. С тех пор многое изменилось в современном мире. Временно не стало православной царской России — и вот теперь не только здешний народ, но и весь мир может убедиться в том, чем была великая Россия. Поистине она была самой мощной основой и защитницей христианской культуры".

**

В первые-же дни после убийства Ростковского выяснилось, что вызывающее поведение турецкого солдата и его выстрел, а также насилие со стороны его това-

рищей — все это заранее было замышлено. В это тягчайшее преступление — прямо или косвенно — замешан был ряд вдохновителей и попустителей из рядов высших представителей турецкой власти и офицерства. Поэтому Россия решительными действиями ответила на этот вызов. Меры воздействия по отношению к Турции на этот раз были внушительны и энергичны. И, прежде всего, была произведена у Босфора демонстрация русского Черноморского флота. И уже через восемь дней российский посол в Константинополе сообщил своему правительству, что перепуганный султан согласился на все русские требования. По приказанию султана были осуществлены следующие мероприятия:

1. Битольский вали был отправлен в ссылку, а командующий армией — в отставку.

Офицеры-подстрекатели разжалованы, а непосредственные убийцы преданы смерти, и на том самом месте, где пал жертвою консул Ростовский.

2. Российскому послу сообщен список 24 высших должностных лиц, уволенных и преданных суду, ввиду неблагоприятных отзывов о деятельности их, по донесениям российских консулов.

3. Освобождены все христиане, арестованные за жалобы на насилия и злоупотребления со стороны мусульман.

4. Смещены с должностей начальники всей жандармерии и полиции края. Турция должна была пригласить в состав жандармерии несколько иностранных офицеров, имена которых обязывалась сообщить российскому послу для его согласия.

5. Всем военным, гражданским и судебным властям Турция должна была дать строгие указания и приказания в связи с случившимся.

А, кроме того, в Южную Сербию назначена была международная комиссия для наблюдения за действиями турецких властей и защиты христианского населения. Таким образом, сила мощи России на этот раз сказалась во всей ее полноте и блеске.

Султан Абдул-Гамид всячески старался смягчить и загладить происшедшее. Во время остановки русской

канонерки "Терез" в Стамбуле, он послал к вдове Ростковского, Екатерине Васильевне, своего великого визиря Хильми-Пашу с выражением своего соболезнования и предложением ей... очень крупной суммы денег. А когда Е. В. Ростковская отказалась от денег, то великий визирь поспешил эту сумму удвоить. Возмущенная вдова, в присутствии командира "Терца" заявила: "Я не торгую кровью моего мужа!.." Затем встала, давая этим понять турецкому министру, что разговор кончен. При этом она вручила изумленному Хильми-Паше все турецкие ордена, которые получил ее покойный муж.

Кто когда-либо имел, хотя бы малое, прикосновение к архивам российских консульств в Македонии и Южной Сербии, — тот был бы несказанно поражен тою массою литературно-политической работы, которой обязан был наш консул. Каждое донесение его в посольство, которое находилось в Константинополе, было одновременно и фактически-документированный, подробный и строго проверенный этнографически-политический доклад. А в копии эти доклады, весьма интересные и ценные, направлялись в Петербург, где весь этот драгоценный материал, часто лишь бегло просмотренный, отправлялся в архив министерства иностранных дел. И к нему не имели доступа даже ученые историки, экономисты и политики.

В числе авторов таких докладов был и А. А. Ростковский, — человек еще молодой, в высшей степени порядочный и хорошо образованный, деятельный и талантливый. Его доклады всегда были в высшей степени интересные. Но когда его спрашивали, почему он не печатает своих докладов-исследований о положении на Балканах, чем оказал бы громадную услугу всей России и пролил бы свет на многие события, — он обычно отвечал, улыбаясь:

— И в тот же день, как пролился бы этот свет, меня бы выгнали со службы.

— За что же?

— За разглашение служебных тайн... Как-то раз я возгордился одною своею работою, затеял ее напечатать и послал начальнику просьбу о разрешении на сию продерзость. Ну, с тех пор и закаялся. Было это в пер-

вый и последний раз!.. Не получил даже ответа. Относительно моих докладов, на которые я уложил много труда и, могу похвалиться, изобразил положение края во всю его натуральную величину и во всех подробностях, будучи готовым каждую строку защищать с документами и цифрами в руках, — я как-то получил замечание: "Охота вам было потратить столько труда и таланта на исследование вопроса, который нас в данную минуту ничуть не интересует".

**

Сложное международное положение, однако, беспрерывно все ухудшалось и усложнялось, вследствие все усиливающихся интриг многих государств, — конечно, не только западно-европейских. Но с особой успешностью это замечалось на Балканах, издавна бывших невралгической точкой в международной политике. — В 1908 году Австро-Венгрия, которая по Берлинскому договору 1878 года имела право "временно оккупировать" Боснию и Герцеговину неожиданно объявила аннексию этих областей. Этот явно провокационный акт вызвал возмущение и России и всех вообще славянских народов и подъем их национальных чувств.

Вскоре состоялось два общеславянских съезда: в 1908 году в Праге, а в 1910 — в Софии. Еще через два года состоялось вооруженное выступление балканских славян против Турции, закончившееся блестящей их победой. А вскоре грянул в Сараеве выстрел Гавриила Принципа... Все это тесно между собою связанные ступени, приведшие к Первой мировой войне 1914-1918 гг., которая начала совершенно новый период всеобщей истории, — мрачный и жестокий. По прошествии вот уже почти полувека человечество и сейчас еще не может найти выхода. А это не мешает, а быть может даже и обязывает подвести прошедшему итоги и сделать некоторые выводы.

При многих недостатках нашей русской внешней политики конца минувшего и первых десятилетий нынешнего века, все же нужно сказать, что среди наших дипломатов было немало лиц, которые преданно и уме-

до служили интересам своего отечества и достойно поддерживали его авторитет за рубежом. Это, в частности и в особенности, относится к нашей дипломатии на Балканах, где всегда до чрезвычайности сложная обстановка требовала от наших дипломатических представителей — и нередко, главным образом, консулов — не только больших знаний и дипломатической изощренности, но и самоотверженности. Вплоть до самопожертвования, — в прямом и буквальном смысле этого грозного понятия.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИССИЯ СЕРБСКИХ ИЕРАРХОВ В РОССИИ

I.

Чтобы изложить, хотя бы в кратком очерке, сношения Руси с Востоком надобно было бы написать много. В особенности они были оживленными в царствование первых двух государей из дома Романовых и, главным образом, при благочестивейшем царе Алексее Михайловиче. Именно при нем все четыре восточных патриарха посетили Москву; много архиереев греческих, сербских, молдаво-влахийских и грузинских вызываемы были на соборы, по просьбе патриарха Никона или против него. Трудно исчислить и всех настоятелей различных обителей Афонских, Синайских, Морейских, Анатолийских, Славянских и Сирийских, которые непрестанно приезжали за милостыней в Россию, со времени царя Ивана Васильевича, когда вся Восточная Церковь признала его царское достоинство.

Когда постепенно осведомился весь Восток о неистощимой щедрости русских государей и народа, отовсюду к ним потекли прошения, пограничные воеводы беспрестанно извещали, что прибыли с Востока духовные власти, прося о дозволении пропуска их. И всем разрешался въезд; все принимаемы были с честью и отпускаемы с богатыми дарами. Сколько новых храмов и древних монастырей соорудилось в течение этого

времени милостынею русскою, во всех пределах Турецкой империи, в Сирии и Египте! Многие из них теперь уже не существуют и память о них сохранилась только в государственных и церковных актах. Но можно почти утвердительно сказать, что не осталось ни одного монастыря на православном Востоке, который в свое время не получил подаяния от щедрот государей русских и благочестия народа их. Такова была неистощимая сокровищница милостыни русской для бедствующего православного Востока.

От этих непрерывных сношений, утвержденных вековыми воспоминаниями, и произошла та неразрывная связь Руси с Востоком, которую неоднократно и напрасно силились расторгнуть своими происками враги православия. Но слишком глубоко запала в сердца единокверных славян, сирийцев, арабов и отчасти греков память вековых благодеяний русских. И если бы она даже стерлась из сердца, — не может изгладиться из церковной утвари, которую щедро наделяла Россия их церкви. А если бы и люди умолкли, возопили бы камни, по слову евангельскому (Лук. 19, 40) ибо храмы эти и св. обители большею частью построены на русские деньги; даже нынешняя патриархия Царьграда восстановлена из развалин милостынею Феодора Иоанновича патриарху Иеремии.

Но, говоря о неразрывной связи России с православным Востоком, нужно тут же заметить, что из православных славян все же именно у сербов были с Россией самые тесные связи. И часть сербов это и теперь понимает, а наиболее объективные их историки всегда отмечают этот исторический факт. При этом надо иметь в виду, что связи эти не всегда носили характер только церковно-просветительный и благотворительный, но зачастую вплетался и элемент политический: мольба о защите перед властью государственной, — мусульманской или латинской.

В 1654 году прибыл в Россию патриарх сербский Гавриил, когда шла война с Польшей из-за Малороссии и царь находился при войсках. Во время его пребывания в Москве, свирепствовала холера и патриарх Никон

с царской семьей отправился в Сергиеву лавру, поручив Гавриилу исполнять обязанности епархиального архиепископа. Из этого видно, что сербский патриарх-гость пользовался полным расположением Никона, который считал его поистине своим братом во Христе. С находившимся тогда же в Москве, антиохийским патриархом Макарием сербский патриарх присутствовал и на Соборе по делу исправления богослужебных книг и потом с тем же Макарием давал ответ на письменный запрос Никона о сложении перстов для крестного знамени.

Гавриил прибыл в Москву с особой политической миссией со стороны вождей балканских народов, которые тогда уже организовали тайный договор для освобождения от турок. В Москве ему не сиделось и через два года он заявил о своем желании отправиться в отечество, где он и пострадал: говорят, был казнен.

Во всяком случае, приезд его в Россию носил характер политический, ибо в посольском приказе он давал показания о насилиях "турских людей". Между тем вопрос стоял гораздо сложнее. Семнадцатый век был тем временем, когда папский престол возобновлял свои попытки борьбы с турками. Эпоха крестовых походов отошла в прошлое и нужно было искать новых средств борьбы с этим опасным противником. И центром организации возможных действий против турок был Рим, который создал польско-венгерско-венецианскую лигу или своего рода священный союз против господства турок. Но этот союз был направлен теперь не на освобождение азиатских владений, — в особенности св. Земли, от турок, — а на изгнание их из Европы. И с этой точки зрения сербская иерархия во главе с патриархом стремилась установить добрые отношения с римской Церковью; найти почву для соглашения в целях общей борьбы с турками. И на этот раз, несмотря на все предыдущие неудачи, церковная уния между Западной и Восточной Церковью выдвигалась, как составная часть создаваемой христианской лиги. Казалось невозможным разрешить турецкий вопрос на Балканах без предварительного разрешения вопроса церковного.

На церковном Соборе в Мораче 1648 года, когда

патриархом избран был Гавриил Раич, было постановлено вступить в переговоры с Римом об унии. А примером для переговоров должна была послужить та уния, которая за 52 года до того была заключена митрополитом Михаилом Рогозой, главой западно-русской Церкви, с Римом и касалась населения Малороссии и Белороссии. На Морачском Соборе присутствовал князь Иван Васильевич Шуйский, который прибыл в Сербию из турецкого плена, а затем отправился в Рим; он рассказал об унии в западной России — и этим как бы разъяснил сложность вопроса. Переговоры с сербами в Печи начались в 1651 году и подробности о церковной унии в западно-русской Церкви на этот раз дал монах Паулин Демский, малоросс по происхождению. Но, кроме него, в Сербию неоднократно приходил Холмский униатский епископ Мефодий Терлецкий, который также вел агитацию в пользу унии. Но сербская православная масса решительно была против унии. И церковные лица из Боснии и северной Сербии никакого участия в этом не принимали.

Турки были осведомлены об этих течениях среди части православных сербов и когда патриарх Гавриил назначил будимльского епископа Паисия в качестве своего представителя для переговоров с Папою, — план Гавриила был выдан монахом. Турки захватили Паисия и лишили его жизни. Это так подействовало на патриарха Гавриила, что он в конце 1653 года ушел в Россию, а, вернувшись потом в отечество, был повешен.

Москва, повидимому, плохо была осведомлена о церковных сербских делах: центр внимания в отношении церковных и политических дел был Константинополь. За жизнью вселенского и других восточных патриархов Москва следила очень внимательно. Но из отношений царя и патриарха Никона к сербскому патриарху Гавриилу; из того доверия, которое ему было оказано, как православному иерарху, — ясно, что в Москве не имели ни малейшего понятия о его попытках соглашения с Римом. Не знали об этом и греки: иначе они несомненно поспешили бы сообщить.

II.

В начале 1913 года сербский митрополит Димитрий получил приглашение в Россию на торжества по случаю 300-летия Дома Романовых. В это время политическое положение Сербии было очень тяжелое в виду угроз Австрии и поэтому для Пашича, как премьера и министра иностранных дел приглашение в Россию главы Сербской Церкви было очень кстати. И он решил воспользоваться этим случаем. Поручил митрополиту политическую миссию у русского царя и его правительства: разъяснить тяжелое положение Сербии под давлением Австро-Венгрии во время Балканской войны и рассеять всякое сомнение о мнимом враждебном положении по отношению к своей союзнице (Болгарии). Одновременно митрополит должен был склонить официальные и общественные круги на справедливые пожелания сербского народа.

В связи с этой задачей митрополит получил от Пашича точные инструкции, которых и придерживался во все время выполнения своей политической миссии. 21-го февраля он был представлен государю в Зимнем дворце и, после обычного приветствия, сказал: "Я прибыл, чтобы вместе с русскими иерархами Богу помолиться и высказать благодарность, которую чувствует Сербская Церковь и народ по отношению Императорского Дома и братского русского царства. После того, что на св. богослужениях вознес молитвы за здравие Ваше и Вашего Дома, теперь почтительно приближаюсь пред Ваше лицо и подношу адрес, в котором высказывается благодарность Сербской Церкви и народа за все благодеяния, которые больше столетия оказывал нам Ваш Дом и российское государство"...

На многочисленных приемах и торжествах, в печати и отдельных разговорах с высокими личностями, — всюду митрополит Димитрий старался рассеять предубеждение русских о вражде сербов к болгарам, а также и о том, что сербы в своих симпатиях ближе к Австро-Венгрии, нежели к России.

При содействии обер-прокурора Саблера, сербский митрополит был принят гр. Коковцевым, тогдашним

председателем совета министров, который, выслушав приветствие, сказал: "Мы делаем все, чтобы облегчить судьбу наших братьев-сербов и поддержим их всей силой авторитета нашего государства. Знаем, что положение сербов очень тяжелое и, если бы не было нашей помощи, неизвестно как удалось бы ваше дело при всех военных успехах во время Балканской войны с турками. Но и вы должны быть умеренными и должны удовлетвориться тем, что в этой трудной политической ситуации можно получить... Знаете ли вы, какой крупный вопрос был в европейской политике о Санджаке? Кажется, что ввиду австрийских притязаний Санджак никак не может быть сербским; но Австрия, благодаря нашим настояниям, должна была уступить: оставить вас в покое — и вот теперь вы в связи с Черногорией. А насколько это ценно — вы сами прекрасно знаете... Кроме того, Австрия уступила в вопросе Призрена и Дебара, и города эти остались за вами. А теперь похоже, хотя еще не могу утверждать, что и Джаковицу вам оставят. Вы сами знаете, с каким трудом удается все это вырывать, а в то же время вызываете новые осложнения, которые могут именно вам очень повредить. Зачем посылаете войска под Скадар, когда уже знаете, за кем он останется? Теперь уже поздно предпринимать там новые операции. Да, собственно говоря, Скадар не так и нужен Черногории, которая получит плодородные поля вблизи его... Также вы стараетесь, во что бы то ни стало, задержать за собою Драч и иметь кусок земли через Албанию для железной дороги до драчквой пристани, — а я считаю, что в этом вы допускаете ошибку. Гораздо лучше для вас, — если Драч не может быть ваш, — чтобы великие силы гарантировали вам и охраняли проход свободный; нежели сами из-за него проливаете кровь с арнаутами. И албанского государства нет основания вам опасаться: кроме вас, с ним будут граничить Болгария и Греция, ваши союзницы; если в Албании начнется что-либо против вас, — они пойдут вам на помощь. Вообще, не следует желать всего в один раз, из-за мелких выгод рисковать большими успехами, которые удалось достигнуть до сих пор. А пройдет время, когда все, на что предъявляете права, будет ва-

ше. А мы все, что можем, делаем, чтобы помочь вам; поможем вам получить и заем, который понадобится вам после военного истощения для укрепления экономической силы. Но помните, что всемерно нужно поддерживать союз с вашими теперешними союзниками-соседами, потому что все вы на Балканах только тогда будете сильны“... .

В своем ответе, после выражения благодарности, митрополит, между прочим сказал:

”Когда идет речь о том, останутся ли за нами отдельные места, как Джаковица и Дебар, или кому-либо другому они будут уступлены за счет нашей безопасности и наших насущных интересов, то я, — хотя и не знаю, что об этом думают наши правители, — считаю несомненным, что эти места смогут отнять от нас только после кровавой борьбы. Мы хорошо знаем, как много делает Россия для нас в эти страшные дни; знаем, сколько она имеет врагов — и поэтому не хотели бы, чтобы из-за нас она впуталась с ними в войну и израсходовала свою силу, которая так нужна всему славянству в решительные дни, которые, повидимому, не так уж далеки. Но все же нам кажется, что могущественная Россия могла бы лучше защитить наши интересы, если бы не уступала австрийскому цинизму“... .

Сказано это выдающимся сербским церковно-общественным деятелем; сказано ясно и откровенно. И теперь, спустя 45 лет, этот разговор представляется совершенно невероятным тем более, что происходил он между премьером величайшего государства и представителем маленькой страны, окруженной врагами. В ответ на заботливые слова русского министра, мудро предостерегавших о грозящих опасностях и обещавшего дальнейшую помощь, — сербский представитель, к тому же иерарх, бросил слова угрозы и упреков. И все это происходило за год до Мировой войны, когда Россия должна была выступить на защиту Сербии и, в результате, сама пришла к катастрофе.

В мае того же 1913 года, Пашич собирался посетить Петербург, потому что отношения с балгарами не только не улучшились, но еще больше обострились особенно в связи с разграничением спорной зоны в Ма-

кедонии. И вот тогда, не имея возможности лично посетить Пашича, чтобы обратить его внимание на некоторые важные обстоятельства, — тот же митрополит Димитрий обратился к нему с письмом от 6 мая, в третьем пункте которого, между прочим, писал:

”Если русские из пристрастия (к болгарам) нас ослабят, отымая от нас кровавые приобретения и могилы наших сыновей, уступая их жадным болгарам, — то пусть сами себе поставят вопрос: будет ли возможен и естественен дальнейший наш союз? Если бы я знал теперь, что дойдет до суда перед царем и что на этом суде мы будем осуждены, — я бы сказал русским: с этого момента сербский народ должен запомнить, что именно они, а не болгары, наши... погубители. А вообще мое мнение, что не смеем ни стопы уступить, чтобы с нами ни случилось вследствие небратской политики“...

Это русские-то ”погубители“ сербов!

Чтобы покончить с этим вопросом, приведем еще разговор, который произошел 13 июня того же года между Пашичем и выдающимся сербским политиком, др. Иованом Жуевичем, в Народной Скупщине в связи с тем, что оппозиция противилась отъезду Пашича в Петербург ”на суд“ царя. И тогда Жуевич, который считал, что необходимо отозваться на приглашение русского государя, все же сказал Пашичу: ”Нужно ехать на суд. Но иное дело, как после суда нужно поступать. Если бы его (т. е. царя) суд нас не удовлетворил; если бы он нарушил существенные наши интересы, т. е. предоставил болгарам границу с Албанией и отрезал нас от Греции и Солуня, — то я бы убил себя на пороге царского кабинета. Пусть сербская кровь зальет его дворец; пусть эта кровь останется в истории его царствования и семьи, а наши в Белграде пусть тогда изменят политику, как знают“, (т. е. в сторону немцев).

И действительно, уже через один только год кровь залила ”историю его царствования“, но это была кровь русских солдат, пролитая за братьев-сербов.

III.

По окончании бедствий в Албании, высшее командование сербской армии приложило все усилия для скорейшего воссоздания боеспособности и духа армии. А правительство было озабочено изысканием помощи на стороне. И, прежде всего, взоры его были обращены на север, к своей вековой защитнице и покровительнице, — к России, к великодушному сердцу братского русского народа. К тому же из России стали доходить слухи, что падает энтузиазм и чувствуется в народе усталость от затянувшейся войны; что революционные круги стараются создать смуту умов и расположить общественное мнение и народное сознание в пользу мира.

Это угрожало бы политическому бытию Сербии. Поэтому решено было послать в Россию с политической миссией лицо, наиболее авторитетное в русском обществе и хорошо знакомое с характером русских людей. Выбор остановился на представителе Сербской Церкви, которому поручена была сложная и ответственная миссия: снова поднять в русском обществе и народе внимание, сочувствие и братское участие к тяжелому политическому положению, материальной нужде и потрясениям, в которых находилась сербская армия и многочисленные беженцы.

Пашич и его правительство полагали, что для этой миссии всего более соответствует представитель Сербской Церкви, лицо духовного сана. В сербской иерархии и в высшем духовенстве не мало было лиц высокого положения, достойных этой миссии и связанных с Россией образованием, службою и личными связями. Но выбор пал на молодого епископа Варнаву (Росича), администратора южных сербских епархий.

И, действительно, выбор сделан был как нельзя более удачно, ибо и в пользу того, чтобы послать в Россию с указанной миссией именно епископа Варнаву — говорило многое: он прекрасно владел русским языком, славился недюжинными ораторскими способностями, умел зажигать слушателей и, участвуя в студенческие годы в проповедническом кружке, отлично изучил психологию русского народа; знал как подойти к людям. К

тому же епископ Варнава, по окончании Петербургской духовной академии, уезжая из России еще иеромонахом, оставил по себе исключительно добрую память и сохранил живую связь с влиятельными представителями русской иерархии. А главное: свою службу в Константинополе и в Южной Сербии он зарекомендовал себя крупным церковно-патриотическим деятелем, полным дипломатического такта, выдержки, умения ориентироваться и удачно выходить из запутанных и тяжелых положений.

Но, чтобы пробраться в Россию, минуя район неприятельских военных действий, епископу Варнаве пришлось избрать окольный, далекий путь. Снабженный официальными рекомендациями русских дипломатических представителей за границей и союзной миссией, — он ехал через Грецию, Италию, Францию, Англию и в мае 1916 года прибыл в Россию. И возложенную на него деликатную миссию начал выполнять с Петрограда. Поэтому в первые же дни приезда в русскую столицу епископа Варнавы появились в различных органах печати статьи, в которых не только сердечно приветствовали преосвященного гостя, но, в его лице, и братский сербский народ.

Как умудренный опытом духовный психолог, епископ Варнава начал с печати предварительную подготовку общественного мнения и заручился полным сочувствием влиятельных русских органов. Они громко били в набат и горячими статьями призывали духовенство и народ на помощь братской Сербии. Но и сам представитель сербский, как авторитетный знаток балканского вопроса, работал неутомимо: составлял статьи, давал информацию и многочисленные интервью, правдиво рисуя тяжелое положение сербской армии и народа. Расположение в Государственной Думе обеспечено было огромным влиянием, которым умело пользовался тогдашний сербский посланник д-р Мирослав Спалайкович, — талантливый дипломат и неизменный друг русского народа. В синодальных и духовных кругах полное содействие оказывали высшие иерархи и сам обер-прокурор.

Успешно проведя свою миссию в высших влиятель-

ных сферах русской столицы, епископ Варнава направил свои обращения непосредственно к сердцу русского общества и народа путем публичных выступлений с лекциями и докладами о положении дел на Балканах и с страданиях сербского королевства, армии и народа. Выступал он со своими горячими речами и обстоятельными докладами в Петрограде, Москве и во многих городах центральной и южной России; объезжал города, совершал торжественные богослужения, на которых говорил проповеди, а вечерами местные архиереи и духовенство устраивали собрания, которые переполнялись слушателями всех классов, званий и состояний, с напряженным интересом внимавшими горячим призывам о помощи сербского патриота-епископа. И в массе простого народа, и среди блестящей интеллигенции большого университетского города — всюду слышалась живая, одушевленная речь сербского архиерея, призывавшего к помощи и глубоко захватывавшего всю аудиторию. А открывавшиеся после того сборы давали крупные суммы в пользу специального Сербско-Черногорского комитета, который возглавлял в то время знаменитый харьковский архиепископ Антоний (Храповицкий).

Интересно отметить, что самое теплое и братское гостеприимство сербскому епископу Варнаве оказал в России именно высокопреосвященный Антоний в своем архиерейском доме в Харькове. И Господь в своей благодати и милости возместил ему это гостеприимство сторицею. Когда владыка Антоний, спустя пять лет (уже после русской катастрофы) очутился в эмиграции, то встретил от святейшего Варнавы, — тогда уже патриарха сербского, — исключительное внимание, заботу и братскую любовь. Он проживал в патриаршем дворце со своими приближенными много лет и скончался на руках патриарха Варнавы, который его и оплакал.

**
*

Возвращаясь к нашему повествованию, нужно признать, что ни один приезд в Россию во время войны популярных иностранных министров не имел такого блестя-

щего успеха в русском обществе, какой имел приезд сербского епископа Варнавы. Успех в смысле воодушевления русского народа и общества идеей борьбы до победного конца и твердого решения добиваться полного объединения братьев сербов в одно государство... Прием епископа Варнавы в России и энтузиазм, который вызывали у слушателей его красочные описания сербской голгофы — может быть сравнено только с приемами популярного среди русского общества выдающегося государственного деятеля и друга России, — Николая Петровича Пашича. Его популярность была так велика, что портреты его украшали многие русские дома рядом с портретами Петра Карагеоргиевича, короля сербского.

Высокая политическая миссия, блестяще выполненная епископом Варнавой, имела огромное значение и лично для него. Это вторичное посещение России открыло ему доступ в те глубины русской церковной, государственной и народной жизни, которые ранее — в годы студенчества и новоначального иночества — конечно, еще не могли быть доступны ему. Теперь же он наблюдал и изучал Россию в широком масштабе и в глубине народной, будучи и сам уже умудрен пережитым церковно-административным опытом. Поэтому впоследствии патриарх сербский Варнава (с 1931 года), как мало кто другой, с полным правом мог гордиться, что знает русскую Церковь; знает русский народ, его душу и сердце.

Провидению было угодно, чтобы, задержавшись в России и по выполнении своей миссии, будущий первосвятитель сербской церкви был свидетелем и очевидцем великой русской катастрофы; двух пароксизмов русской революции — февральской и октябрьской. Все личные переживания и наблюдения дали ему массу жизненных уроков назидания; обогатили его опытом исторической трагедии русского народа... Русская революция, большевизм и Московский Церковный Собор предоставили епископу Варнаве ценный урок для будущей деятельности церковного кормчего, когда он был избран на древний престол сербских патриархов. И в то

же время сделали его непримиримым врагом богоборческого коммунизма, а одновременно — горячего защитника русской эмиграции, ея покровителя по всему рассеянию.

СЕРБСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС В РОССИИ

I.

Начало этому делу, по словам бывшего сербского посланника в Петербурге доктора Мирослава Спалайковича, было положено "еще в конце 1914 года; инициатива и весь труд по созданию сербского Добровольческого корпуса в Одессе принадлежит полностью сербскому посольству в Петрограде"... И только позднее к этому начинанию присоединился так называемый "Югославянский Комитет", желавший сделать из этого корпуса некий "Югославянский легион", который должен был свидетельствовать о проснувшемся самосознании южных славян.

Вначале не делалось разницы между военнопленными немецкого и славянского происхождения, так как южные славяне решительно ничем не выявляли своих симпатий к России, а дрались в рядах австро-венгерской армии и при этом с достаточным воодушевлением. Однако, австро-венгерские военнопленные, сербы по происхождению, привлекали к себе внимание сербского посольства в Петрограде и русский Главный штаб постановил зимой 1914 года, что из плена могут быть освобождены те сербы, за которых ручается королевское сербское посольство. И на таком основании свободу получило только несколько человек.

К вопросу, очевидно, необходимо было подойти с другой стороны.

В России сначала довольно легко смотрели на формирование добровольческих отрядов из военнопленных и граждан славянских народов Австро-Венгрии и сразу же была разрешена организация чешских дружин.

Но затем на дело посмотрели серьезнее. Действительно, организация военнопленных на территории чужого государства для борьбы против государства, законными подданными которого были эти военнопленные, — нарушала не только нормы международного права, но и простые международные приличия. К тому же она была чревата и последствиями. Поэтому дальнейшая организация чешских дружин была прекращена.

С сербами вопрос обстоял несколько иначе. Дунаем через Румынию, которая не очень хранила свой нейтралитет в начале войны, Россия имела общение с Сербией; посылала ей продовольствие и снаряжение. Таким же образом направлялись и сербы, взятые в плен русскими: они зачислялись в сербскую армию. И так не оказывалось следа нарушения международного права, с чем считалась Россия. А позже прибыла в Россию специальная группа сербских офицеров для выполнения этой задачи. Тогда началась концентрация и регистрация славянских военнопленных (кроме чехов) и таковых к концу 1915 года было установлено 19.700 человек.

Представителем "Югославянского Комитета" в России был д-р Мандич, который, исполняя предписания Комитета, обосновавшегося в Лондоне, стремился создать из этих добровольцев "Югославянский легион" чего не хотели Россия и королевское сербское посольство. К тому же и самая агитация эта в России среди южных славян успеха не имела: подавляющее большинство добровольцев, сделавших заявление, были сербы; отзывчивость из хорватских и словенских рядов была очень незначительная. И в этом точно вырисовывается фактическое положение, в котором был югославянский вопрос в Австро-Венгрии: интеллигенция склонялась к югославянству, а народ к нему еще нужно было привлечь... Поэтому между добровольцами было много больше в процентном отношении хорватских офицеров, нежели солдат. Враждебная агитация, которая велась среди хорватов в течение полувека, отразилась на психологии военнопленных из народа, между которыми находились и такие, которые отговаривали своих земляков вступать в Сербскую армию и даже грозили мезью по возвращении в Австро-Венгрию.

Как только Болгария вступила в войну на стороне немцев, связь России с Сербией была прервана и добровольческое движение замерло. Теперь дело шло о том, чтобы создать собственные сербские военные части в самой России, в которые принимались бы югославы из Австро-Венгрии. Но, в силу международного права и политического оппортунизма, Россия этому противилась вначале, пока он не разрешился благодаря сербской катастрофе 1915 года, когда сербская армия вынуждена была покинуть родную землю. Теперь Россия могла иначе смотреть на славянских и, главным образом, сербских военнопленных: они должны быть участниками того общего дела победы, которое теперь лежало только на русских плечах — если говорить о славянах. И к этому начинанию было привлечено большое внимание русского общества. Но осуществлялось это начинание в первой его стадии совсем неудачно.

9 мая 1916 года глава сербского королевского правительства, Никола П. Пашич, посетил Одессу и застал там "добровольческий хаос". Получив распоряжение, чтобы из лагерей военнопленных отправлять в Одессу сербов, хорватов и словенцев, — русские власти не могли точно разбираться в их происхождении и отправляли просто всех не немцев. И в Одессе, таким образом, оказались не только югославы, но и чехи, поляки, русины и даже итальянцы, говорившие по славянски. Русские власти во время войны просто не в силах были разбираться в этой славянской мозаике. Но самое главное, что из лагерей ринулась в Одессу масса людей, которые вовсе и не желали вступать в ряды добровольцев. Кроме того, славянских военнопленных оказалась такая масса, что не было возможности разместить их при переполнении города русскими запасными частями.

Этот хаос, вызванный недостаточно обдуманной просьбой сербского посольства и отсутствия у него организации, — должны были приводить в порядок опять таки русские власти... во время исключительно тяжелой войны. И тогда в Одессу стали поступать только те военнопленные, которые действительно желали вступить в новые формирования. Те же, которые раньше при-

были, но отказывались вступить в добровольческие части, — были отправлены в лагеря.

Но это вызвало отрицательную психологическую реакцию: сербы увидели, что в России находятся массы хорватов и словенцев, которые не желают вместе с сербами бороться за национальное объединение, плечом к плечу с общим врагом славянства...

В то же время было это и предостережением для сербов против их увлечения "югославянскими идеями", которые не имели глубоких корней, что и обнаружилось катастрофически при нападении Гитлера в 1941 году, когда офицеры и солдаты Югославянской армии перешли на сторону немцев... Но, к сожалению, в годы первой Мировой войны сербы на это не обратили должного внимания. Во всяком случае, в рядах добровольцев 1916 года сразу же начались расхождения и просуществовали они до конца формирований.

В марте этого 1916 года стали прибывать большие партии. А к концу апреля в Одессе было уже 9.904 солдата и 300 офицеров. Но из этого числа к сербской народности принадлежало 9.751 человек, а хорватов и словенцев было только... 98 и чехов 25! Вообще, из сближения сербов с хорватами для осуществления югославянской идеи мало что выходило, но возникло много недоразумений. Поэтому явился вопрос об организации двух отдельных лагерей.

И, таким образом, наглядно обнаружилось, что в народной толще добровольческой солдатской массы, даже после двух лет войны, не было ярко выраженного чувства югославянского национального единства. Наоборот, давала себя весьма ощущать национальная вражда между родственными славянскими племенами. И в этом столкновении южных славян должна была тогда разбираться Россия, обремененная тяготами борьбы с сильнейшим противником.

II.

Летом 1916 года решено было собранных сербов-добровольцев применить к делу. Но на это смотрели по разному: Россия (а до некоторой степени и Сербия)

считала их частью общей вооруженной силы союзников славян; но Югославянский Комитет считал их носителями югославянской идеи и желал сохранить эту силу до конца войны на случай необходимости выявить и осуществить единство югославян Австро-Венгрии. При этом интересно отметить, что судьба последней в глазах югославянских политиков была уже решена: в форме разделения. И вот для защиты этого раздела необходимо было иметь вооруженную силу в лице "югославянского легиона".

Между тем, в Одессу прибыла с острова Корфу первая группа сербских офицеров во главе с полковником Ст. Хаджичем, которые приняли на себя командование в отряде. А вступление Румынии в войну на стороне союзников поставило задачу перед сербской Добровольческой дивизией попробовать пробить путь через Добруджу в Сербию. При этом полковник Хаджич на дело смотрел с чисто военной точки зрения и эту дивизию считал просто сербской, повидимому, вообще мало интересуясь югославянскими идеями. В это время у него уже было около двадцати тысяч человек, в том числе около пятисот офицеров. Но в дивизии этой не было главного — единодушия: начались политические споры и брожение, что грозило разложением.

Первая сербская Добровольческая дивизия получила русское вооружение и русскую артиллерию, но была обмундирована в сербскую форму. К тому времени сербское верховное командование прислало в Одессу и знамя, которое было торжественно освящено архиепископом Платоном на Соборной площади. Государь, по дороге в Крым, пожелал сделать смотр и с семьей прибыл в Одессу 10 мая 1916 года, когда и произвел смотр на стрельбище. Все время он обращался к войскам по-сербски и остался очень доволен смотром.

Русское правительство и военное командование эту дивизию рассматривали, как составную часть не только сербской, но и русской вооруженной силы. А командование дивизии, по директивам сербского верховного командования, считало ее частью особого назначения, предназначенной для борьбы в надлежащее время против болгар на Салоникском фронте. Поэтому дальше

держать эту дивизию в Одессе для русских властей не было смысла. И сербские добровольцы были отправлены в Добруджу, где приняли участие в боях осенью того же года. Но этот поход был неудачен в виду небоеспособности румынской армии, которая просто в панике покидала поле сражения.

Отступая по вине румын, сербская дивизия понесла большие потери, главным образом сербы: из 1939 убитых оказалось 1840 сербов и только 32 хорвата, 41 словенец и 26 чехов!.. Из этого похода сербская Добровольческая дивизия снова вернулась в Одессу.

III.

Положением добровольцев в России — "Югославянский Комитет" был недоволен. Он находил, что с политической точки зрения понесенные потери бесплодны. И доктор Поточняк жаловался сербскому королевичу Александру: по существу неудовольствие сводилось к тому, что дивизия оставалась по-прежнему **сербскою** и не желала становиться "югославянскою", к чему полковник Хаджич и сербские офицеры не имели никакой охоты... К этому прибавилось и сознание, что главные потери понесли именно сербы и никаких заслуг "югославян" в общей вооруженной борьбе пока что и не было. Но сербское правительство всеми средствами уклонялось от фактического признания требований "Югославянского Комитета" и только, когда был образован Добровольческий корпус, впервые были помянуты "югославянство" и "Югославия".

В том же октябре 1916 года началась уже насильственная мобилизация югославян, подданных Австро-Венгрии. И в Одессу было доставлено, по требованию сербского командования и югославянских политиков, около двадцати тысяч человек. Но большинство из них были включены в корпус против их воли. И эти "добровольцы", которых стали называть "насильновольцами", зачастую оказывали сопротивление, отказываясь называть свое имя и одевать сербскую военную форму. А объяснялось это просто: жизнь военнопленных славян в России была настолько привлекательна, что её не хотели менять вновь на строевую жизнь и опасности.

Поэтому эти "наильновольцы" при первой возможности бежали из корпуса.

Таким образом, идея сербского правительства и югославянской эмиграции в целях политических, вопреки началам международного права, произвести насильственную мобилизацию в России австрийских славян, которой уступило русское правительство, — явно провалилась. Но, кроме того, она вызвала 23 октября 1916 года военный бунт в казармах на Куликовом поле, во время которого в "международной" борьбе погибло 13 человек. А в результате всего этого, солдаты вообще стали разбегаться и вскоре оказалось, что 44% наличного состава покинуло корпус: около 3.000 солдат вообще разбежалось, а 6.000 возвратились в лагеря военнопленных... Вот тогда новый командир корпуса, генерал Живкович, обратился к сербскому правительству с предложением переименовать корпус из Сербского в "Югославянский".

**

Приближалась русская революция. И вот, перед началом её сербские патриоты поставили России новые задачи в отношении Сербии и ее интересов. Сербские войска с острова Корфу направлялись на Солунский фронт, где снова должны были вступить в борьбу. И тогда сербский генеральный консул обратился к Пашичу с предложением воздействовать на Россию в том смысле, чтобы сербский корпус был освобожден от военных операций и Россия **обязалась** осуществлению сербской национальной программы: сербская армия понадобится для будущей оккупации областей Австро-Венгрии и т. д.

Любопытно, что в письме к главе сербского правительства, Н. Пашичу, этот сербский консул на русской земле, питал от имени сербских политиков: "От царя Николая мы должны **требовать** не только спасти остатки нашей армии, но и помочь нам до конца в осуществлении нашей национальной программы..." И это писалось в то время, когда Россия истекала кровью от военного напряжения. А по плану сербских политиков Добровольческий корпус югославян, существовавший на русской земле и на русские средства, должен был и

дальше оставаться преспокойно в России, как бы в резерве, вплоть до окончания войны.

Началась революция. И югославам не оставалось ничего, как спасая свое военное формирование, вывести его из России. Но не прекращавшееся брожение в нем усилилось с началом революции: корпус на глазах разлагался. А русские патриоты, — по незнанию обстановки и как утопающий за соломинку, — в критические дни пытались возлагать на него некоторые надежды... Многие добровольцы потребовали своего освобождения, а часть офицеров стала на политический путь. Правда, эта группа состояла почти исключительно из хорватов и словенцев. Они требовали точного определения взаимных политических и юридических отношений в будущем общем государстве и стояли на федеративном начале устройства будущей Югославии; корпус они предназначали только для охраны и освобождения земель, подлежащих федерированию.

В результате всего этого революционного сумбура, "Югославянский Комитет" частично получил удовлетворение и корпус стал называться: "Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев". Но в то же время в корпусе пришлось произвести и чистку, отделить козлиц от овец: корпус покинули все "диссиденты", частью сепаратисты, всего 12.741 солдат.

**

Теперь и сербская власть и Югославянский Комитет стали солидарно работать в том направлении, чтобы корпус скорее отправить на Салоникский фронт для присоединения к сербской армии. И 16 августа 1917 года остатки второй дивизии со штабом корпуса отбыли из России; в сентябре и остальные части стали направляться из Одессы в Мурманск, откуда были отправлены в Англию, а затем через Францию на Салоники. Вторая бригада первой дивизии в ноябре направилась через Архангельск. Но она не была пропущена большевиками и, после переговоров с Троцким, была направлена через Сибирь и Маньчжурию, а оттуда через Дальний и Суэцкий канал — в Салоники, куда и прибыла в апреле 1918 года.

ВЛИЯНИЕ НЕМЦЕВ НА РУССКИХ

I.

Колонизация немцев в России усиливается в царствование Екатерины и Александра I. Но не на далекий и суровый север шли немцы: туда направлялись русские, а немцы забирались на привольный и богатый юг, в Крым, Новороссийск, на Кавказ, Волгу и здесь пользовались огромными наделами прекрасной земли, свободой от воинской повинности.

В течение "петербургского" периода русской истории неметчина (лютеранство) все крепче и сильнее делала натиск на русскую жизнь. Руководя некоторыми русскими учебными заведениями, немцы воспитывали русских детей в немецком духе. Рисовались ими немцы и их наука, деятельность — в привлекательном и заманчивом виде; Россия и русский народ представлялись в карикатурном виде. В России все грязно, низко, пошло; в немецких государствах все идеально, возвышенно, превосходно; русские — грубый, варварский народ, тупой и невежественный: немцы — Богом избранная нация, сплошь герои и рыцари, таланты и гении...

Погодин приводил несколько образцов допущенных в наших учебных заведениях учебников и хрестоматий, в которых прославляются немецкие Гогенцоллерны и австрийские Габсбурги и по полстранички уделяется русской истории... Писал об этом и профессор А. А. Бронзов, который указывал, что в статье одной хрестоматии прямо доказывается, что "служить немецкому духу, значит служить человечеству".

Но самое худшее не в захвате земель и разных слу-

жебных должностей. Немцы ученые не только старались вытравлять здоровое патриотическое чувство, но и самое православие из сердца своих питомцев. Бывали случаи, когда некоторые преподаватели из немцев на уроках позволяли себе издевательства над вселенскими соборами, глумились над православным монашеством, мощами и иконами... Русскому образованному обществу в исследованиях некоторых русских ученых (под влиянием немецких) прививалась идеализация реформации и систематически внедрялась симпатия к протестантизму. И таким путем некоторые русские люди уже в далеком прошлом поддались влиянию зарубежных религиозных учений, — главным образом, немецких, протестантских.

Еще в царствование Петра I, под влиянием бесед с пасторами и изданных "лютеранского катехизиса и руководства", образовался кружок последователей ереси лекаря Тверитинова, распространявшего чисто протестантские суждения. А с усилением колонизации немцев в России в XVIII — XIV веках, усиленно начинают образовываться, расти и возрастать в России разнообразные секты мистического и рационалистического характера. Через сектантство, в различных разветвлениях его, немцы осуществляли мирное завоевание России.

Об иноземном насаждении у нас сект (особенно рационалистического характера) воспользуемся книгою профессора П. Н. Милюкова,*) которого никто не заподозрит в пристрастном отрицательном суждении о сектантах. Наоборот... Так вот он пишет: "Толчек к появлению секты хлыстов дан был иностранцем неким Квирином Кульманом". И происхождение секты духовборцев тоже связывают с немецкой пропагандой: в 1740 1750 годах бродил по Харьковской губернии какой-то прусский унтер-офицер, который бросил среди местных жителей зерна сектантского учения.

Секта более позднего происхождения штунда, которую Милюков называет "свежим учением, — тоже

*) Милюков, П. Н.: «Очерки по истории русской культуры». Издание 6-е, т. II, стр. 106.

пересажена в Россию и трудами Бененкемфера распространенная при пособии немецком. По суждению того же Милюкова, баптизм — одна из форм западного евангелического (протестантского) исповедания. Действительно, баптизм, как и адвентизм, выродились из немецкого лютеранства.

О поддержке русского сектантства рационалистического характера немцами свидетельствуют и документы, напечатанные особою книгою в 1912-1913 г. г., по распоряжению главноначальствующего на Кавказе, в ограниченном количестве экземпляров и содержащие в себе переписку и литературу, отобранные у сектантов. В этой книге помещены протоколы собраний и конференции сектантов, немецких проповедников баптизма... Здесь ясно указано, что содержание проповедники получали из Германии, книги из Гамбурга и т. д. И русские юноши, посылаемые в Гамбург для выучки на немецкий счет и содержание, — впоследствии в России получали жалование наряду с протестантскими проповедниками, из-за границы!

Замечательно, что Бисмарк отпустил миллионы из французской контрибуции на дело насаждения протестантизма в России. Едва ли он сделал это потому, что хотел видеть русских "спасенными в лоне евангелического исповедания"? Ведь тогда, конечно, ему лучше было бы направить эти деньги на обращение немцев, пребывавших в католичестве в пределах Австрии, Саксонии и Баварии... Объяснение такой ревности Бисмарка дает известный философ и узкий немецкий патриот Гартман, который в своей статье "Торжествующая Германия", распорядившись территорией России и отдавши ее до Урала немцам, — тем не менее считаясь с духом русского православного народа, — советует сокрушить этот дух... евангелическую пропагандою.

Влияние сектантства, отзвука протестантизма, на русских людей было таково, что сектанты (а особенно штундо-баптисты) сознательно и открыто переставали, в той или иной степени, считать себя русскими. В первую очередь, меняли свой внешний вид: начинали брить бороду и усы, отказывались от национального костюма и т. д.; меняли домашний уклад жизни. А были и воз-

мутительные случаи, когда ставили в своих домах портрет Вильгельма и заявляли, что придет он, завоюет Россию и даст свободу сектантам.

Философское, религиозное, социальное учение Толстого с отрицанием божественности Иисуса Христа и христианства, с отрицанием государства, национальностей, религиозных общественных организаций, судов, присяги, войны, непотворением злу и пр. и пр. — все это несомненно создано под влиянием безбожной культуры вообще и богатой в этом вопросе немецкой в частности.

Из лютеранского учения о свободном толковании каждым, по своему убеждению, Св. Писания с логической необходимостью вытекает то положение, которое было развито в западной философии и богословии, как конечный результат протестантизма, что выше откровений разума человеческого нет никаких других откровений. В итоге ничего не осталось от христианства, что не было бы не раскритиковано, осмеяно и затем отвергнуто. Но особенно сильно это направление было развито в так называемой Тюбингенской школе, у протестантских богословов Баура и Штрауса. Они Библию признают книгой такого же достоинства, как Илиада Гомера, Коран Магомета. По их учению, нет никаких тайн, непостижимых разумом, никаких сверхъестественных явлений. Мрачный пессимизм Шопенгауера и Гартмана и грубый материализм Фейербаха, Бюхнера, Мелешотта и Геккеля — являлись последними выводами из начал протестантизма, которые каплями яда проникли в русскую науку.

Эти Штраусы "своими сущностями христианства", библейскими исследованиями, списками мнимых противоречий евангельского текста, — расшатывали религиозное христианское чувство, на основании будто бы научных данных. Отсюда в западном, так называемом, культурном обществе стали распространяться убеждения, противные христианству: учили отрицанию божественности Христа, христианства, чудес в религии, учили о человеке-боге: что каждый человек — бог, что необходимо преклоняться пред человеком, который есть мера всех вещей... И это-то отрицательное учение по от-

ношению к христианству нашло себе подражателей-последователей среди некоторых из русского образованного общества в 60-70 годах прошлого столетия. И отразилось на философско-религиозном учении Льва Толстого.

А, наряду с этою безрелигиозною философиею, — проникало в русское общество также и учение безрелигиозной немецкой социал-демократии, с насаждением начал учения К. Маркса. Известный вождь немецкой социал-демократии Либкнехт учил, что "наша обязанность — тщательное искоренение веры"; единомышленник его Бебель добавлял: "Религия есть не что иное, как предрассудок, а христиане — это глупцы". Этим заветам последовали их достойные ученики Ленин, Сталин и пр.

Рассматривая всесторонне вопрос о немецком влиянии на русскую жизнь и науку, на народ и его веру, — с грустью надо признать, что это пагубное влияние проникло и в святая святых русской жизни: в религиозно-богословскую мысль ее. Ибо официальная русская богословская наука давно питалась немецкою богословскою наукою... Так, одна из старейших и лучших духовных академий, украшающаяся не одним громким именем в науке, — дает много материалов для печальных размышлений.

Вспоминать грустно, что приходилось слышать от выдающихся питомцев московской академии, впоследствии знаменитых профессоров и ученых. Так, например, выдающийся профессор А. В. Горский читал церковную историю для чего-то по Неандеру, а при своей огромной учености и таланте во много раз превосходил того же Неандера. Или знаменитый профессор О. А. Голубинский увлекался сочинениями Арндта, а самые лекции его носили на себе сильный отпечаток Гегеля и Шеллинга. Более того: он прямо читал свои лекции по немецким книгам, переводя с немецкого, вследствие чего чтения были довольно медленны.¹⁾

¹⁾ «У Троицы в академии». Юбилейный сборник исторических материалов». 1914 г., стр. 85, 87.

"Профессор Е. В. Амфитеатров читал хорошо обработанный курс эстетики по Гегелю и теории искусства в слове по Шеллингу и Шиллеру..." "Лекции И. Д. Петропавловского по Основному богословию представляли собою просто перевод с немецкого"... В своих журнальных статьях, составивших два тома, Петропавловский впоследствии занимался механической пересадкою неметчины в русское богословие под видом переделок, компиляций, имитаций и переводов. "Я любил, — вспоминает прот. Д. И. Кастальский, — историю и преподавателя ее. Он читал нам по Лоренцу. Логику читали нам по Бахману¹⁾).

Здесь характерно для автора воспоминаний указание на какую-то роковую для его профессоров необходимость чтения лекций непременно по чужим, немецким, руководствам. Повидимому, тут не допускается и мысли о возможности и обязательности самостоятельной разработки наук и независимости в лекциях от других.

Так обстояло дело у профессоров. Понятно, что у слушателей их немец был в занятиях на самом почетном месте: сочинения писались, главным образом, по немецким пособиям, и незнание немецкого языка ставило студента в весьма жалкое и трудное положение²⁾). Библиотека была переполнена немецкими книгами, и их было больше русских.

В воспоминаниях воспитанника духовной академии выпуска 1887 года хорошо подмечена типичная черта известной части русских богословов, созданная немецким влиянием: "В-в заметно СТЫДИТСЯ СПОСОБА разумения древне-православной Церкви, — предания... обиделся бы, если бы ему сказали, что он подчиняется авторитету Церкви, доказывая, принимаемое ею"... "Здесь более чутьем тогда усмотрено было мною одно из главных зол немецкого "засилья" в русском богословии, — прискорбное в некоторой части научно богословской среды разделение веры и науки, школы и Цер-

1) Там же, стр. 136, 184.

2) Там же, стр. 91-92, 137.

кви, признание руководительного авторитета Церкви, в религиозном знании и даже самой христианской веры несовместимыми со свободой научного исследования... А что в русском богословии "немецкое засилье" есть факт, в этом я тотчас убедился по окончании академического курса, испытав его на самом себе со своей магистерской диссертацией ("Значение Креста в деле Христовом"). Этот первый в русском богословии опыт православного и независимого от инославных образцов изъяснения догмата искупления подвергнули жестокому гонению".

"Вхожу в переднюю ректорских покоев. Выходит о. ректор архимандрит Христофор.¹⁾ Благословляет и, не садясь, начинает распекать меня за "пренебрежительное" мое отношение в диссертации к немецко-протестантской богословской науке... Помню ясно его фигуру с протянутою вверх десницей и указующим перстом: "о, немецкая богословская наука — это...это..." — и засим десница стремительно упала вниз для отпустительного благословения". Этот ректор был большим немцелюбом и, по воспоминаниям одного из его слушателей, лекции архимандрита Христофора были "деревянным пренебрежительно-невнятным чтением тетрадки, списанной с немецкого пособия и давно напечатанной по-русски самим лектором". Знание немецкого языка, достаточное для списыванья, поддало мысль этому властному заправиле рассадника богословской науки украсить званием доктора православного богословия, — "и вот он пишет и печатает докторскую диссертацию, но с треском проваливается даже в родной ему академии, нашедшей, что все взято и неудачно обработано с немецких книжек".²⁾

Эти печальные факты относятся к концу восьмидесятых годов прошлого столетия. И можно было бы думать, что тогда же они отошли в область прошлого... Но печальная действительность, к сожалению, не под-

1) Умер епископом Ковенским.

2) «У Троицы в академии». Воспоминания проф. Н. Н. Глубоковского. Стр. 746.

тверждает такого предположения. В 1914-15 гг. на страницах духовно-академического органа "Церковный Вестник" появились статьи проф. А. А. Бронзова, в которых признается во всей полноте немецкое засилье в богословской нашей науке. Оказывается, все оставалось попрежнему: в расадниках православной богословской науки в России продолжали опираться на немецкую богословскую науку, "руководствуясь ею, как своего рода непогрешимым папою", "преклоняются пред немецким авторитетом", пишут сочинения и читают лекции по немецким пособиям и т. д.

II.

Начало прошлого столетия застало православную Церковь в положении подчиненном и, даже в делах чисто церковных, часто она не имела своего голоса. Приниженность православной Церкви в Александровскую эпоху доходила до того, что она лишена была возможности действовать даже в сфере церковных постановлений единственным и главным своим орудием — духовными средствами. Часто там, где требовалось выступление Церкви с ее духовными увещаниями и наставлениями и где она готова была выступить, — гражданские власти налагали свои руки.

Поэтому неудивительно, что и русское сектантство, — представляющее собою отрицательное явление в жизни русского народа и Церкви, поскольку оно в своих религиозных исканиях стоит на пути самообольщения и ложного религиозного самоопределения, — оказавшись вне сферы влияния Церкви, — росло и распространялось в эту эпоху, как никогда. И оно чувствовало себя иногда лучше, чем сама Церковь...

Слабые протесты против развивающегося сектантства со стороны православной Церкви едва были слышны и почти не доходили до вершин государственной власти. Русское сектантство, чувствуя поддержку и покровительство сверху, быстро умножалось и распространяло свое учение всюду, не исключая столицы, где ему было оказано особенное покровительственное внимание со стороны самых высших государственных властей. И поэтому сектантство — болезнь духа, — лишенное духовного врачевания, — быстро охватило все слои

русского общества и проникло даже во дворцы и высшие столичные круги. А отсюда оно перешло в дворянское сословие и, проникая в средние классы, нашло себе почву и в низах русского общества.

Такому быстрому и почти повсеместному распространению сектантства способствовал и дух времени... Русское общество, особенно высшие круги, в Александровскую эпоху увлекались модным в то время мистицизмом и, стремясь к "безъисповедному христианству", искало бездогматной религии и "внутренней невидимой церкви". А среднее сословие русского общества как и высшие классы, не удовлетворяясь формализмом церковной жизни того времени и будучи слишком унижено морально и материально, — представляло хорошую почву для развития сектантства. Наконец, простой русский народ, — переживая то же, что и средние классы общества, будучи лишен авторитетных пастырей — которые не направляли его к истинному источнику, — легко поддавался влиянию и пропаганде сектантства. К тому же, простой народ не мог не увлекаться сектантством, видя, например, ряды карет, подкатывающих к сектантским молельням с видными столичными сановниками... Это не могло не производить на простой народ ошеломляющего впечатления.

Духовная болезнь росла и ширилась, а православная Церковь не могла предложить нужной помощи... Все же, когда ей не мешали, Церковь действовала по отношению к русским сектантам с некоторым успехом. Но деятельность ее в этом направлении много зависела от того положения, в каком она очутилась с 1803 года, находясь под управлением легкомысленного, мистически настроенного обер-прокурора Св. Синода кн. А. Н. Голицына. И если кто благодарен ему за 20-летнюю его службу в ведомстве православного исповедания, — то это только русское сектантство, обязанное именно ему быстрым распространением и постоянным заступничеством.

Покровительственная деятельность кн. Голицына по отношению к сектантам выразилась особенно в распространении мистической и сектантской литературы... С 1817 года как министр духовных дел и народного про-

свещения, он имел возможность действовать на пользу мистицизма, главным образом, через учебные заведения, а также и "рекомендации" разных книг мистического содержания подведомственным ему лицам. И библиотеки университетов духовных академий, семинарий и духовных училищ и даже консисторий быстро наполнялись книгами, рекомендованными мистически настроенным князем-министром. Сами архиереи "приглашались" распространять эти книги в своих епархиях... Но немало потрудился Голицын на пользу мистицизма и как председатель Библейского Общества, которое обслуживало интересы мистицизма, потому что попало в руки людей, которые выставляли себя непринадлежащими ни к какой церкви.

Сам император Александр I, держась мистически-созерцательного образа мыслей, очень снисходительно и покровительственно относился к русским сектантам. И, даже настолько, что православному духовенству запрещено было вступать в религиозные беседы с сектантами и входить в разыскание внутреннего исповедания веры их. Конечно, такого рода настроением государя в широкой степени пользовались придворные покровители сектантов. И только во вторую половину этого царствования замечается некоторая перемена к более строгому обращению с ними или, вернее, к более узкой снисходительности. А вызвано это было, главным образом ростом изуверской секты скопцов.

Вообще же, нужно сказать, что тогдашнее правительство само ведало дела сектантов и взяло в руки заботу об охране Церкви. Отсюда и ответственность православной Церкви за такое небывалое распространение сектантства, какое наблюдается в первой четверти прошлого столетия, в значительной мере отпадает. Но не целиком: и на православной Церкви этой эпохи лежит некоторая доля ответственности за такое небывалое распространение сектантства. Правда, она была приижена материально и угнетена морально; православное духовенство в своем большинстве было мало образовано, материально не обеспечено и не имело должного авторитета. Но все же часто и та часть духовенства, которая находилась в более выгодном положении, ока-

зывалась вследствие своего нерадения далеко не на высоте своего пастырского призвания. . . Мы имеем в виду, главным образом, высшее духовенство, — епархиальных архиереев, которые проявляли мало деятельности в борьбе с сектантами и шли по течению увлекаясь господствовавшим тогда мистицизмом. Затем, в ответственность православной Церкви следует поставить и то, что она, видя вмешательство государственной власти в чисто церковные дела, опустила руки и не оказала должного протеста против нарушения ее законных прав.

Чтобы положение православной Церкви в эту эпоху стало более ясным, необходимо кратко изложить те условия, в которых ей приходилось жить и действовать. И картина будет ярче, когда мы вспомним, что в это время в жизни русского общества наблюдались чуждые религиозные движения: вольнодумство, масонство и религиозный мистицизм.

Вольнодумство, как наследие еще XVIII века эпохи Екатерины II, как философское движение, подвергшись преследованию в конце царствования императрицы, снова ожило при Александре I. И распространителями западных идей были литература и выходцы из Франции, которым при Павле и Александре широко были раскрыты двери. . . Однако, на русской почве вольнодумство получило своеобразный характер. Русское общество не способно еще было усвоить идеи французской философии и восприняло только чисто внешние, отрицательные ее стороны: безверие и легкомысленные взгляды на нравственность. А отсюда кощунственные выходки против религии и духовенства, несоблюдение церковных обрядов, — были обычным явлением рассматриваемого времени. Вольнодумство быстро охватило высшие и средние классы русского общества, подорвало прежние верования и расшатало религиозно-нравственные воззрения его. Но особенно безрелигиозностью отличались все же высшие классы: например, помещики, живя по барским усадьбам, наводили своим безбожием ужас на всех жителей своего околка.

Как протест против вольнодумства в русском обществе явилось масонство, появившееся из Англии при императрице Елизавете и подвергшееся гонению в кон-

це царствования Екатерины II. Но уже при Павле оно чувствовало себя свободно, а в царствование императора Александра I масонские ложи снова ожили и организовались. Сам государь стоял близко к этому движению, а правительство его вообще покровительственно относилось к этому движению. Что же касается русского общества, то масонство было как бы точкой опоры для людей колеблющихся между вольнодумством и религией. Но вскоре обнаружилось, что и в нем русское общество не могло найти того, чего искало, так как в масонских ложах стали заниматься больше политикой. И тогда, неудовлетворенные масонством, оставляют масонские ложи и начинают проводить в русское общество одну только черту масонства: мистицизм, который заключался в стремлении к достижению истины путем непосредственного внутреннего созерцания, помимо внешних способов.

И вот теперь, когда в русское общество стал проникать мистицизм, православная Церковь более всего была забыта: мистики предлагали исповедывать "бездогматную религию", "новое", ни к чему не обязывающее христианство... Здесь не нужно было никаких нравственных подвигов, а требовалось лишь только предаваться влечению внутреннего чувства и "умной молитве"... Это религиозно-философское движение настолько проникло в русское общество, что очень многие поторопились оставить старые верования и следовать модному учению. А впереди, конечно, и в этом случае стояло высшее общество, которое вообще смотрело свысока на православную веру и считало ее религией просто народа.

Средние классы общества, а за ними и низы, прислушивались к голосу знатных. А прислушиваться к тому, что делалось в высших кругах, не представляло большого труда: руководители мистицизма рапространяли свои идеи печатным образом; вся светская литература, а отчасти и духовная была в их руках. И это увлечение переживали не только лица светские, но даже и духовные. Сами иерархи, например, архимандрит Филарет (Дроздов), — ректор петербургской духовной академии, а впоследствии митрополит московский, —

пережил это увлечение ... Поддался ему и другой очень образованный иерарх архиепископ Феофилакт (Русанов)... А о митрополите Платоне, московском златоусте, известно, что он был даже покровителем дружеского масонского общества, воспитанниками которого были петербургские Михаил (Десницкий) и Серафим (Глаголевский).

Среди православного духовенства были лица до крайности увлекавшиеся мистицизмом, не наблюдавшие уже границы между православной мистикой и скользкими путями мистицизма. В числе таких были не только простые монахи и священники, но и очень многие прославленные архимандриты и епископы: епископ тверской Иона, епископ тульский Симеон, епископ вологодский Онисифор, кишиневский — Димитрий и другие. Влияние мистицизма отразилось и в церковной проповеди и в первом повременном духовном журнале "Христианское Чтение" изданном петербургской духовной академией. А, как знамение времени он проник и в светскую литературу: мистические воззрения нашли свое выражение в поэмах Хераскова, в стихотворениях Державина... Мистицизм проник даже в духовно-учебные заведения. Словом, он проявился всюду и распространялся в разных слоях русского общества, преимущественно же среди дворян и чиновников: мистическими предметами и упражнениями занимались, например, в доме княгини Мещерской и княгини Голицыной.

Неудивительно поэтому, что русское сектантство не преминуло широко воспользоваться духом и обстоятельствами времени. И русское общество, особенно высшее, мистически настроенное, в большинстве случаев принадлежало к Церкви только номинально, покровительствовало сектантам. Никто тогда строго не различал, что такое сектантство, что такое мистицизм, — и, во всяком случае, удаление от Церкви никому не бросалось в глаза и едва-ли считалось предосудительным.

III

Император Александр I не получил должного религиозного воспитания: он сам жаловался на это. И, предоставленный самому себе, выработал своеобразную

собственную религию без определенных догматических убеждений, — универсальную религию сердца, одинаково мирившуюся со всеми вероисповеданиями и ни к одному из них не принадлежавшую, но близкую более к протестантскому мистицизму, чем к православию... Результат такого религиозного воззрения скоро сказан по отношению к православной вере, когда он на первых порах "громил безыскусственную веру" и, во всяком случае, относился к ней довольно безразлично. И душевный переворот случился с ним лишь после сожжения Москвы, а мистико-созерцательное направление особенно развилось в нем во время пребывания за границей в период борьбы с Наполеоном. А в 1814 году, во время своего пребывания в Лондоне, император посетил богослужение квакеров и во время беседы уверял их, что "соединен с ними в духовном поклонении Христу"... и приглашал в Россию.

Разочаровавшись в Криднер и освободившись от ее влияния, император все же нисколько не ослабел в своем мистическом настроении и почти одновременно стал покровительствовать уже чисто русской проповеднице мистицизма, вдове полковника Татариновой, распространявшей свое учение в самой столице. А учение это было сектантским чисто **хлыстовского** типа. И это признают сами апологеты сектанства, например, Пругавин... А собрания Татариновой устраивались в Михайловском дворце, где совершались радения и пелись хлыстовские распевцы. А император на полицейских донесениях об этом писал: "оставить оныя (т. е. собрания) без внимания, как не заключающие в себе важности". Он лично беседовал с Татариновой и сказал ей: "продолжайте ваше дело... Я очень доволен вами", и тут же объявил ей о даровании пенсии.

Естественно, что при таком отношении государя и двора хлыстовская секта Татариновой все больше распространялась по столице и ее окрестностям, и стала обогащаться кружками своих последователей в провинции. А петербургская знать, числящаяся в рядах последователей этой хлыстовской "пророчицы", всемерно старалась оправдать тот культ, который был позаимствован Татариновой из темного простонародного хлыстов-

ства и скопчества... Хотя секта эта была предназначена преимущественно для столичной знати, но впоследствии туда стали проникать и более широкие круги общества, — выходцы из секты скопца Селиванова.

На собраниях у Татариновой в Михайловском замке, на первых порах происходили простые беседы и чтения. Но вскоре все это надоело посетителям, и Татаринова ввела радения... Тогда знатные особы "отложили и попрали ногами всю мудрость людскую с ее приличиями" и решились "сделаться как бы глупцами и юродивыми ради Бога" — и сами, как выражается П. Н. Милюков, пустились в пляс. Самое кружение было истолковано, как "святое плясание, движение в некоем, как бы духовном вальсе"... Появились и попытки со стороны образованных посетителей Татариновой обосновать даже как бы "научно" простонародные песни или, точнее, пение на манер простого народа и радения, так как те и другие были позаимствованы Татариновой у хлыстов и скопцов из простого народа... Действительно: нужно было хоть для видимости оправдать такое общество, в котором "духовное" было смешано с плотским и более имелось плотское, и где "происходили и непозволительные сатурналии и совершались деяния, им же имени неть"¹⁾.

Во всяком случае, если бы не существовало многочисленных исторических документов того времени, равно как и воспоминаний участников этих радений, — с великим трудом могли бы мы поверить правдивости выше описанного. Настолько все это чудовищно и совершенно не вяжется со здравым смыслом. Но тем понятнее становится для нас картина жизни петербургского общества в начале нынешнего столетия и вплоть до революции. Как нет случайности в целом ряде исторических событий, которые являются последовательным завершением ошибок прошлого, — так не являются случайными и все те болезненные явления в столичных салонах уже нашего времени, в которых так распоясывался Григорий Распутин... И радения Михайловско-

1) С. Маргаритов, стр. 19.

го дворца в начале прошлого столетия являются прототипом таких же хлыстовско-распутинских радений спустя сто лет, уже в наше время, в великосветских салонах накануне революции 1905 и 1917 годов.

Великосветская секта Татариновой имела большое значение на развитие хлыстовства в простом народе... Действительно: простой народ не мог не увлекаться хлыстовством, зная, что даже придворная знать занималась плясаниями и радениями. А это он мог знать потому, что среди последователей Татариновой впоследствии были и простые люди — выходцы из скопческой секты Селиванова. К тому же и сама Татаринова на первых порах бывала у Селиванова, у которого тоже собиралась знать, но были и простые люди.

Но у Татариновой все же собиралась преимущественно столичная знать: князь Голицын, молодой граф Милорадович, Лабзин, много генералов, генеральш, княгинь и княжен. И покровительственное отношение высшей правительственной власти простиралось настолько далеко, что много лет Татаринова вела хлыстовские собрания у себя в Михайловском дворце, так сказать на виду у всей столицы и России, под боком у Св. Синода.

ФРАНЦУЗЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

По рекомендации австрийского императора, Петр Великий взял в русскую армию герцога де-Кроя и поручил ему командовать русскими войсками, осаждавшими шведскую крепость Нарву. Но это окончилось катастрофой: отряд де-Кроя был наголову разбит пришедшими на помощь крепости шведами, под командой шведского короля Карла XII. Судьба жестоко поступила с герцогом, взятым в плен, живя в котором он очень нуждался...

Почти одновременно с герцогом де-Крой, на русскую службу при Петре поступил также шевалье Морэ де-Бразэ. Он участвовал в Прутском походе 1711 года и оставил о нем интересные воспоминания, вышедшие в Париже в 1737 году.

Французская революция, вызвавшая массовую эмиграцию аристократии за границу, заставила многих французских дворян искать убежища в России. Императрица Екатерина II охотно принимала их на службу, как военную, так и гражданскую, и давала им не только хорошее содержание, но и земли. Так известный писатель роялист Жозеф де-Мэстр жил при Дворе, граф Тулуз де-Лотрэк, граф де-Сэн Лоран и др. поступили в армию и флот, а князя Полиньяк, герцоги Шаузель, графы Эстергази — стали помещиками Киевской и Волынской губерний...

В 1789 году поручик французской артиллерии Наполеон Бонапарт имел переписку с находившимся в Италии русским генералом Заборовским по поводу своего поступления на русскую службу. Но дело это расстроилось потому, что прием в русскую армию иностранцев производился тогда с понижением одним чином, на что Бонапарт не согласился.

Крупную роль на службе России сыграл зато герцог Арман Эммануил де-Ришелье де-Франсак. Покинув Францию в первые годы революции, он гостил в Вене у своего друга принца де-Линь, когда узнал от проезжавшего русского дипломата о предстоящей осаде русскими крепости Измаила. Увлеченный смелой затеей князя Потемкина, Ришелье, с двумя своими друзьями, тоже эмигрантами, — принцем де-Линь и графом Ланжероном, — решили принять участие в осаде турецкой твердыни и отправились в главную квартиру кн. Потемкина. Там они встретились со своим земляком, тоже эмигрантом графом де-Лама, уже служившим в русской армии, который устроил их зачисление в отряд, осаждающий Измаил.

В день решительного штурма крепости герцог и его друзья покрыли себя славой и были награждены орденами св. Георгия за храбрость; Ришелье, кроме того, получил и золотую шпагу.

После взятия Измаила, герцог возвратился во Францию и занял при короле место первого придворного кавалера. Но после ареста якобинцами Людовика XVI и его семьи, — снова покинул Францию с миссией искать поддержки погибающей французской монархии у рус-

ской императрицы... Принятый весьма ласково при русском дворе, герцог представил проект поселения французского эмигрантского корпуса принца Кондэ на юге России и образования из него военных поселений в Новороссии.

Этот проект сводился к тому, что русское правительство должно было отвести корпусу Кондэ, на берегу Азовского моря, 630.000 десятин земли для основания им здесь двух французских колоний из 10 округов, в каждой по 5 деревень. Что касается офицеров, то таковые получали каждый по имению в 300 десятин. Поселенцы должны были получить от русского правительства по 2 лошади, по 2 коровы и по 6 овец каждый; помимо жалованья... Генерал-инспектором колоний Новороссии должен был стать принц Кондэ, а губернатором — сам Ришелье.

Императрица утвердила этот проект и отправила с ним Ришелье, в конце 1792 года, на Рейн, где в то время находился корпус. Герцог, кроме того, вез с собой два боченка золота на 60.000 дукатов, назначены на расходы по переходу корпуса из Германии в Россию.

Прибытие Ришелье на Рейн, однако, совпало с началом военных действий союзников против Франции, в которых принял участие и эмигрантский корпус, причем принц Кондэ предложил Ришелье занять должность командира полка "Рыцарей Короны", от чего последний уклонился, приняв должность русского представителя при корпусе... После распедения коалиции союзников в 1795 году, Решелье возвратился в Россию, где принял должность командира кирасирского полка, а с воцарением императора Павла он был вызван в Петербург, где получил назначение командира полка гвардейских кирасиров и был произведен в генералы. Ошибка по службе лишила Ришелье милости строгого императора и он принужден был выйти в отставку... Уехав из России в Вену, он жил там до восшествия на престол Александра I, который хорошо знал герцога и ценил его.

По ходатайству русского императора перед Наполеоном, Ришелье был восстановлен в своих имущественных правах во Франции и уехал в Париж, мечтая кончить свою жизнь на родине. Однако, судьба судила ина-

че: не желая служить узурпатору, герцог снова покинул Францию и приехал опять в Россию, где в 1803 году был назначен градоначальником Одессы. И здесь он стал устройтеlem молодого города, чем впоследствии он с правом всегда гордился. . . После кампании 1812 года и занятия русскими войсками Парижа, Ришелье возвратился во Францию, где, после падения кабинета Талейрана, в 1815 году он занял пост председателя правительства.

На посту градоначальника Одессы Ришелье сменил друг его молодости и земляк, граф Ланжерон, впоследствии занявший пост генерал-губернатора Новороссийского края. А другой соратник Ришелье по осаде Измаила, принц де-Линь, на русской службе достиг чина адмирала и командовал эскадрой на Черном море. . . Скончался герцог Ришелье в Париже.

Возвращаясь к судьбе эмигрантского корпуса принца Кондэ, с которым снял начало своей службы в России Ришелье, надо сказать, что он, — после заключенного соглашения между союзниками и французами в 1797 году, — попал в крайне тяжелое положение. Будучи озабочен судьбой верных ему людей, которые составляли этот корпус, король Людовик XVIII, живший в изгнании, обратился с письмом к русскому императору Павлу, описав ему тяжелое положение, в котором оказались французские легитимисты, жертвы своей преданности Богу и королю, изгнанные за это из своей родины и лишенные средств к существованию на чужбине. При этом, Европа не желала понимать это геройство и жертвенные подвиги эмигрантов. И, благодаря этому, они, попав в узел сложных международных отношений, поставлены были в необходимость вести тяжелую жизнь бездомных скитальцев.

Император Павел отнесся к просьбе французского короля с большим сочувствием и Людовик XVIII получил приглашение поселиться в России, в старом королевском замке Митава, куда он и переселился с семьей и всем двором. Именной указ императора Павла от 1797 года гласил по этому поводу: "Повелеваем с 1-го сего июля до будущего впредь нашего соизволения отпускать Его Величеству королю Франции из казначейства

нашего, на содержание с фамилией и принадлежащими ему людьми 200.000 рублей, выдавая сии деньги при начале каждого полугодия“.

Одновременно с тем в августе того же года князь Горчаков привез в штаб-квартиру французского эмигрантского корпуса предложение императора принцу Кондэ переселиться со всеми чинами его корпуса в Россию. Французским военным входящим в него при этом было обещано безопасное убежище, свободное отправление веры, сохранение французского подданства, чинов, титулов и званий; целостность отрядного состава и командования во всех частях; оклады жалованья и право служить или выходить в отставку по доброй воле... Одновременно корпусу вменялось в обязанность принять присягу на верность русскому императору, носить русские мундиры и кокарды и соблюдать правила русской военной дисциплины.

Вооруженные части французской эмиграции, под своим прежним наименованием "корпуса принца Кондэ" и под его главным начальством должны были стать по квартирам на Волыни, причем содержание корпуса на иждивении России началось с 1 октября 1797 года. И 30 декабря того же года корпус Кондэ, в составе 7.000 человек, вступил в пределы России, пройдя через Германию. У русской границы его ожидали католические священники для приведения французов к присяге на верность императору Павлу I... После этого полки были одеты в русскую форму, а именно: зеленые мундиры для пехоты и белые для кавалерии. Одновременно с этим, полки получили знамена и штандарты, на которых посередине был изображен российский двуглавый орел, а по углам золотые королевские лилии Бурбонов.

Штаб корпуса расположен был в Дубно, в замке князя Любомирского, а подчиненные ему части: в Луцке — драгуны герцога Энгийенского и полк Бурбонов в Ковеле — немецкий полк князя Гогенлоэ, во Владимире-Волынском — пеший полк принца Кондэ, в Докачах, поместья князя Сангушко — дворянский конный полк герцога Берийского.

После ряда лет скитаний, войн и лишений, французские эмигранты зажили на богатой Волыни спокой-

ной и обеспеченной жизнью, под защитой и покровительством русского императора.

По свидетельству шевалье де-Тибу, французского эмигранта, служившего в корпусе Кондэ на Волыни, город Дубно, будучи глухой провинцией, тем не менее удовлетворял полностью всем потребностям французов, так как в нем были приличные магазины, кафе и даже рестораны. По вечерам французы бывали в домах местного дворянства, широко открывшего перед ними двери их замков, как, например, семья князей Сангушко, графов Ржевусских и других.

Спустя два года, а именно осенью 1799 года, корпус Кондэ, в рядах армии Суворова, выступил в поход в Италию. В октябре полки Кондэ, войдя в отряд Римского-Корсакова, занимали позиции против войск французской республики у Констанцы. И здесь они с большим мужеством встретили атаки армии генерала Массена, численное превосходство которой принудило Кондэ отступить на правый берег Рейна, причем в руки неприятеля попало пленными около 500 эмигрантов. И, только благодаря русским мундирам, эти пленные избежали жестокой с ними расправы войск республики и были, по требованию русского командования, обменены на пленных республиканцев. . .

В конце 1799 года принц Кондэ получил от британского правительства предложение принять участие в высадке со стороны моря во Франции. . . Тогда император Павел, не желая препятствовать эмигрантам сражаться за своего короля, освободил их от присяги России и разрешил воспользоваться предложением англичан.

ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

I

Идея о смене культурных типов и о преемстве цивилизаций представляет собою драгоценный ключ к уяснению поступательного движения в человечестве. Вслед за Грецией, с ее культом красоты, — выступил Рим, с его идеею права. Эта идея, сочетавшись с унасле-

дованною от предшествовавшей цивилизации красотою, явила миру прекрасное в своем грозном величии государство, охватившее собою весь тогдашний цивилизованный мир, склонившее перед собою все и вознесшее на недостижимую высоту правовое положение человека, как римского гражданина.

Но и для этой железной цивилизации наступил поворотный пункт. Человек изжил в ней всё, что давала она, и затосковал по лучшему и высшему... Это высшее явилось в христианстве и обновило дряхлеющий дух утомленного человечества.

Наследниками новой эры явились варвары, — свежие, только лишь выступавшие на мировую сцену народы. Античный мир погиб, но на его развалинах закипела новая жизнь, — жизнь могучего человеческого духа, уверовавшего во Христа, освящаемого и спасаемого Христом.

Но если умиравшая Греция не завещала миру ничего, кроме своей кроткой и незлобиво-созерцательной красоты, — то железный Рим, извиваясь в последних конвульсиях пред засиявшим в небе Крестом, — оставил в своем праве и государственности страшное наследство облекшейся в плоть и кровь и восторжествовавшей над язычеством Церкви...

Дело Христово, — в чистоте сердечной воспринятое на Востоке, — замутилось на Западе гордым рационализмом, порожденным старыми идеями формального права. Создалась идея о всемирной церковной монархии, о власти над душами римского первосвященника. И тот элемент мира и любви, который принес на землю Богочеловек, — отступил перед похотью духовной власти и нетерпимостью ненависти, так долго заливавшими кровью христианский Запад и метавшими измученное в борьбе человечество от крайнего деспотизма пап к крайнему духовному своеволию протестантизма.

А, между тем, на Западе зарождалась новая цивилизация, слагавшаяся гармонически из воскрешенной в эпоху возрождения античной красоты, извлеченных из старых пергаментов правовых государственных идей и

окрыленная могуществом свободной и пытливой человеческой мысли. Мысли, которая рвалась все понять, все объять, все подчинить творческому гению человека; а самого человека поставить бесконтрольным и всевластным хозяином природы и мира.

Таковы яркие, несомненные черты латино-германской, точнее европейской цивилизации, определившиеся после завершившегося брожения средних веков и создавшие великую эру торжества материальных и познавательных успехов человеческого гения. Во всем этом движении Церковь стояла в стороне, или вела беспощадную борьбу с захватами человеческого ума. Это не была уже единая соборная апостольская Церковь первых веков. Огромная ее часть откололась от вселенской соборности и повела борьбу, хотя и под знаменем Христа, — но чуждая Его любви, чуждая принесенному Им на землю учению. Малая часть греческого Востока осталась хранительницею апостольских преданий и бережно передала этот святой дар свой неизвестному и темному дотоле северному народу, едва вступавшему на всемирно-историческое делание.

II.

Во главе новой европейской цивилизации стала Франция, быстро собравшая вокруг себя всю Европу, как вокруг нового великого очага человеческой мысли и знания.

Правда, эта новая цивилизация уже не являлась столь определенной и простою, как две, ей предшествовавшие; правда, ее носителем являлось не одно племя, а целая группа народов, слагавшихся в "Европу". Но несомненно, что именно Франция шла во главе этой группы и первая переживала все стадии развития новой культуры, оставляя лишь повторять их своим соседям.

Борьба между верою и знанием, властью и свободой, государством и личностью, — борьба во всех сферах жизнедеятельности человеческой характеризует эту новую цивилизацию, и самые яркие проявления этой

борьбы происходили, бесспорно, во Франции. Великая революция была кровавым торжеством действующего и освободившегося от смирения веры ума человеческого, последним его торжеством над так называемыми старыми предрассудками; составлявшими, однако, органический продукт исторической жизни Европы. В несколько гигантских ударов были подрублены: старая монархия, вместе с ее божественным правом, церковный авторитет и церковная жизнь, провинции и сословия. Разбито все на мелкие куски, и высшим владыкою, творцом над этим новым хаосом был торжественно провозглашен свободный Разум человеческий.

Но это разбитое и разбросанное целое, теперь избражавший простое стадо, — французский народ носил в себе такой преизбыток жизненной силы, клокотавшей в каждой его отдельной единице, что не мог остаться только пассивным материалом для холодного творческого разума. А сразу же, в самом разгаре революции, он далеко отбросил разум и кристаллизовался вокруг человека, вынесенного волною на поверхность. И с этим военным гением во главе, чуть с разбегу не покорил целого мира.

Это была последняя вспышка живых сил народа, носителя старой культуры. Цивилизованная Европа не вынесла военной диктатуры. На выручку ей явился чужой северный народ, сто лет назад свернутый со своих исторических путей другим великим гением и отданный на службу Европе. Этот народ ценою собственного разорения и крови спас Европу и восстановил прежний порядок... Кое как собрали и склеили во Франции обломки старой монархии; вокруг устроились поддержанные русскою кровью и штыками другие троны и правительства. И европейская цивилизация, еще гордая и верующая в себя, могла спокойно продолжать свое дело — переустройства человечества посредством творческой силы науки и разума.

К началу первой Мировой войны этот период заканчивался. Европейская цивилизация вполне определилась — и вот что дала она человечеству. Во внешней, материальной обстановке: чудеса техники, ряд неведомых прежде удобств общежития. В науке ряд ог-

ромной важности точных знаний и во многих отношениях полную победу человека над природой. В жизни государственной и общественной: благоустройство внешнее, доселе невиданное, защиту прав и полную свободу личности, достоинство и права коей бесспорно определены и признаны... Таков был этот блестящий актив европейской цивилизации.

Но, увы! Рядом с этим активом был и пассив, которым страшно балансировался счет!.. Чудеса техники и удобства материальной обстановки лишь выделили имущих, для которых все это дается, от неимущих; на долю которых оставлена лишь честь быть завистливым и голодным фундаментом для имущих, наслаждающихся и пресыщенных до одурения тоски и разврата. Точные знания не обобщались ни во что, и не только не умягчали и не услаждали жизнь, но приводили к философскому отрицанию всего, чем до того жило и дышало человечество; убивали душу человека сознанием полнейшего бессмыслия ее внутренней жизни, иллюзорности каких-бы то ни было упований. Вот что выражается одним страшным словом "пессимизм".

Государственная жизнь прошла последовательно: конституционализм или договорное начало, социальные теории, с попыткой их приложения в виде коммуны, и, наконец, Франция (да и остальная Европа) вступила в область воинствующего анархизма, не только отрицавшего общество и государство в теории, но и осуществлявшая все это террористическими актами... Среди полного расцвета культуры появились явно все признаки одичания.

Потом пришла кровопролитнейшая первая Мировая война с миллионами жертв, которая легко привела к революциям, смене режимов. В огромном государстве российском, при помощи его исторических врагов, установлена была тирания большевизма с кровавыми расправами и концлагерями. В то же время неправда Мирной конференции в Париже посеяла семена недовольства и вражды немецкого народа — и легко привела к зверскому "гитлеризму". Потом вторая Мировая война и, в результате ее, еще большее недовольство от неправды новой Мирной конференции в Потсдаме; вол-

нения, перевороты и государственное расстройство среди народов Азии, Африки и Южной Америки; одновременно произошло установление коммунистических режимов во многих странах, при поддержке их двумя могущественными красными государствами.

III

Что же делать теперь в виду всех этих, ныне столь грозно заявляющих о себе дикарях цивилизации тем, кто еще давно, когда это ужасное насекомое было еще червем, уже отчетливо предвидел, что из него выйдет? Что делать тем, кто понимает, что в борьбе с одичанием и озверением человека разум вполне бессилён, что на той почве, где угасло высшее нравственное начало, как движущая сила истории, — современным "мыслителям" нечего возразить? Современная цивилизация оказывается бессильною против своих собственных детей. Она может смотреть на них, как на диких зверей, и как на зверей устраивать на них облаву. Но это будет только борьба силы с силой, большинства с меньшинством, условного писанного закона с его отрицателями.

Если христианину есть во имя чего страдать, если христианскому судье есть во имя чего карать нестерпевшего страданий или к страданию неподготовленного, если христианскому богачу есть перед чем трепетать и помимо динамита, — то современная цивилизация расталась давно со всеми этими силами, связующими народ в государство. Она подменила их условностями, дала полное торжество голому праву и должна покорно склонить голову перед своим смертным приговором, если это право, — коего единственный критерий большинство, — очутится в руках дикарей.

Революционные красные вожди показали к чему способны даже не дикари, а истинные идеалисты, покинувшие почву веры и нравственного начала и признавшие Разум высшим и единственным хозяином души человеческой. Чего же ожидать от современных дикарей, одичавших только потому, что сила разума, ярко

осветив перед ними хаос человеческих отношений, не смогла внести в него никакого творческого начала?

Таков современный момент в истории цивилизации; момент полного разложения этой цивилизации, со всех сторон подрывтой динамитом. В таком воздухе людям еще не окончательно заглушившим высшие нравственные стремления, нечем дышать. Без веры в будущее, созерцая одно лишь неудержимо-быстрое движение к одичанию, — идущее как наверху, среди сытых и властвующих, так и внизу, в массе голодных, и лишь в виде издевки величаемых свободными, рабов, — видя кругом лишь один ужас разрушения надвигающийся, как стихия, лучшие умы и еще живые сердца не могут не впасть в отчаяние. Не могут не начать с безнадежною тоскою озираться кругом, ища спасения от дикарей, перегрызающих горло другим дикарям.

ЭПОПЕЯ БУЛАТОВИЧА

Александр Булатович прошел бурную, полную приключений жизнь. Блестяще окончив Александровский лицей, питомник государственных людей, он пренебрег гражданской службой и поступил на военную, определившись в лейб-гвардии гусарский полк.

В этом полку он выдвинулся среди товарищей лихим нравом и кавалерийской удалю. Он воплощал в себе черты умирившего типа гусара, описанного многими нашими писателями. Начальство смотрело сквозь пальцы на выходы и кутежи Булатовича; его знали и любили в высших кругах.

Лихой кавалерист "Сашка" Булатович пожинал лавры в спортивном мире и считался одним из лучших участников в скачках. Владея огромным состоянием, он завел собственную конюшню скаковых лошадей и одно время брал призы за призами.

Но в блестящей карьере Булатовича все же произошла неудача. Как-то на маневрах он так увлекся сражением, что вообразил себя на подлинной войне и... начал стрелять боевыми патронами... Разыгрался боль-

шой скандал, который кое-как замяли, но Булатовичу все же предложили на время исчезнуть.

Это произошло в разгар флирта между Россией и единой Абиссинией.

В 1896 году, во время итало-абиссинской войны, туда снаряжался русский санитарный отряд Красного Креста. Булатович, увлеченный таинственностью и романтикой Абиссинии, определился в охрану этого отряда. Он провел там около трех лет. Негус Менелик и его семья полюбили Булатовича: им нравилась его смелость, веселый нрав, джигитовка и интерес к жизни.

После разгрома итальянцев и окончания военных действий, санитарный отряд вернулся на родину, а Булатович составил отряд из местных жителей и предпринял самостоятельное путешествие в неисследованные области Эфиопии. Тогда он достиг западных границ Абиссинии и перешел реку Баро, до того времени неизвестную и неисследованную ни одним европейцем. А на обратном пути Булатович побывал в низовьях Дидессы, в долине Голубого Нила.

Во все время этого своего путешествия, он производил астрономические наблюдения, а наряду с этим, делал подробную маршрутную съемку и составил карту путешествия. Впоследствии ученые общества признали его ценные труды. В начале мая 1897 года он возвратился в Россию.

Молодой 27-летний Булатович снова стал кумиром светского общества. Но он отдался научной работе: написал и издал книгу "От Энтото до реки Баро".

В сентябре того же года государь Николай Второй пожелал завязать с единой Абиссинией непосредственные сношения и к негусу Менелику была отправлена чрезвычайная дипломатическая миссия, в состав которой вошел и А. К. Булатович, тогда уже штабсротмистр, как знающий страну и абиссинский язык.

В ноябре того же года из Аддис-Абебы снаряжалась значительная экспедиция абиссинских войск с целью присоединения к Эфиопской империи еще неис-

следованных южных областей, лежащих между Абиссинией и озером Рудольф. Булатович поспешил воспользоваться представившейся возможностью и снова совершил поход через неведомые страны центральной Африки. Он прошел через страны, совершенно неизвестные европейцам, и открыл на западном берегу реки Омо большой хребет гор, простирающийся с севера на юг.

Таким образом, первым европейцем, прошедшим через часть этих областей и открывшим горный хребет, — оказался гвардейский русский гусар штабсротмистр А. К. Булатович. Он составил карты своего путешествия, которые в течение десятков лет оставались единственными для путешественников по Эфиопии. В то же время он записывал местные диалекты и составил обширный словарь; тщательно изучал быт и устройство эфиопской армии и лечил эфиопов...

Работы Булатовича считали выдающимися. И на заседании Географического общества ему была вручена медаль, — одна из высших наград за исследование в области географии.

В это же время он, — обрабатывая материалы экспедиции, — написал книгу об Эфиопии, фундаментальную монографию "С войсками Менелика II".

Как имеющий право первого открытия, а потому и наименования вышеупомянутого громадного горного хребта, — Булатович исходатайствовал разрешение именовать вновь открытый хребет именем императора Николая Второго. С своей стороны и негус Менелик обратился с тою же просьбою к русскому императору. Государь дал свое согласие. И с того времени в центре Африки выдающаяся по своему положению местность, представляющая громадный горный массив, — служащий водоразделом главнейших рек этой части света, — носит имя покойного русского царя-мученика.

И опять заговорили в обществе о легендарном гусаре...

Что он натворил в Абиссинии, — об этом, может быть, когда-нибудь поведаст абиссинский историк. Но одна из этих историй все же всплыла в русской печати,

когда в Петербург явилась абиссинка, заявившая, что она дочь знатного лица и разыскивает сбежавшего мужа Александра Булатовича...

Оказалось, что в Абиссинии он повенчался и это венчание совершил абиссинский священник. Но Булатовичу все, что произошло в этой далекой, сказочной стране, казалось настолько несерьезным, что он этот брак считал за ничто. Однако, абиссинка оказалась энергичной дамой и история с браком, непризнаваемым Булатовичем, дошла до высших кругов. И его опять пришлось убраться.

В это время вспыхнула русско-японская война, и Булатович отправился в действующую армию. На этой войне он отличился, как боевой, беззаветно храбрый человек. Но тут с ним произошло событие, резко перевернувшее всю его жизнь. Участвуя в кавалерийской разведке, он натолкнулся на японский отряд, врезался в него и зарубил нескольких японцев. Между ними — и молодого японского солдата, на вид совсем мальчика.

Образ этого зарубленного мальчика стал преследовать его. Во сне и наяву он видел окровавленное детское лицо, с молчаливым укором смотревшего на него. И видение это было столь мучительно, что поглотило все существо Булатовича... В душе его что-то переломилось. К прежней беспечной жизни уже не стало возврата.

Булатович дал обет, что если видение его оставит, то он пойдет в монахи. Так вскоре и случилось... По возвращении в Петербург, он подал в отставку и ушел... в монастырь.

В миру он перепробовал многое, и теперь ему казалось, что лишь церковь даст ему удовлетворение и покой. При пострижении он получил имя Антоний.

Но и тут не удержался надолго: из монастыря бежал и очутился на Афоне, где впоследствии возглавил движение "имябожников". А когда русская церковная власть применила суровые меры к этим еретикам, — то Булатович бежал на родину. Вскоре Св. Синод своим постановлением предал его церковному суду, который и приговорил Антония Булатовича к лишению сана.

Вскоре началась Первая мировая война и Булатович поспешил в действующую армию. Он организовал специальный отряд разведчиков и с ним совершил ряд подвигов, выдающихся по храбрости и находчивости. Получил в награду ордена и отличия...

После революции, развала армии и большевизма, Булатович поселился в родном месте. Жил в тиши, уединенно, в садовой беседке. Но вскоре был убит бродившими в тылу солдатами.

Так закончилась жизнь этого безусловно незаурядного русского человека.

КНИГИ ВЛ. А. МАЕВСКОГО

- ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ (Турция, Сербия, Черногория и Далмация).
Петербург 1913 г.
- ВЕЛИКАЯ РОССИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ СЕРБИЯ. Москва, 1914 г.
- ВЕШНИЕ ВОДЫ. Сборник. Петроград, 1914 г.
- БУДУЩЕЕ ЮГОСЛАВИИ. Киев, 1916 г.
- НАБРОСКИ С ФРОНТА. Киев, 1918 г.
- ИСКРЫ. Сборник. Новый Сад, 1931 г.
- СЕРБСКИЙ ПАТРИАРХ И ЕГО ВРЕМЯ. Белград, 1932 г.
- ИВЕРСКАЯ ЧАСОВНЯ И УСЫПАЛЬНИЦА РУССКИХ ВОИНОВ.
Белград, 1932 г.
- НАРОДНЫЙ ПАТРИАРХ, Т.т. 1-й и 2-й. Осек, 1933 г.
- РЕВОЛЮЦИОНЕР-МОНАРХИСТ. Новый Сад, 1934 г.
- КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И БОРЬБА С ПРАВОСЛАВИЕМ НА ВОС-
ТОКЕ. Дрезден, 1935 г.
- СВЯТАЯ ГОРА. Сремские Карловцы, 1936 г.
- ЖЕНЩИНЫ. Сборник рассказов. Белград, 1937 г.
- ГВАРДЕЙСКИЕ САПЕРЫ. Белград, 1938 г.
- ПОВСТАНЦЫ УКРАИНЫ. Белград, 1938 г.
- НЕУГАСИМЫЙ СВЕТИЛЬНИК. Т.т. 1-й и 2-й. Шанхай, 1940 г.
- МИНУВШЕЕ. Новый Сад, 1941 г.
- В СИЯНИИ СЛАВЫ. Новый Сад, 1941 г.
- ЛАВРА ХИЛЕНДАР. Новый Сад, 1942 г.
- АФОНСКИЕ РАССКАЗЫ. Париж, 1950 г.
- ТРАГЕДИЯ БОГОИСКАТЕЛЬСТВА Л. ТОЛСТОГО. Б. Айрес, 1952 г.
- ВНУТРЕННЯЯ МИССИЯ И ЕЕ ОСНОВОПОЛОЖНИК. Б. Айрес, 1954 г.
- ПО ТРОПИНКАМ ПРОШЛОГО. Буэнос Айрес, 1957 г.
- ХРИСТИАНСТВО И СОЦИАЛИЗМ. Буэнос Айрес, 1958 г.
- ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И СЕРБИИ. Буэнос Айрес, 1960 г.
- ЛЕСНА — ХОПОВО — ФУРКЕ (Женская обитель). Сан Пауло, 1962.
- БОРЕЦ ЗА БЛАГО РОССИИ (П. А. Столыпин). Мадрид, 1962 г.
- НА ГРАНИ ДВУХ ЭПОХ (Трагедия России). Мадрид, 1963 г.
- ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ И С.С.С.Р.. Мадрид, 1965 г.
- РУССКИЕ В ЮГОСЛАВИИ. Мадрид, 1966 г.
- НА НИВЕ ЦЕРКОВНОЙ. Мадрид, 1968 г.
- АФОН И ЕГО СУДЬБА. Мадрид, 1960 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Женщина в древнем мире.....	5
Римская республика и империя.....	13
Значение древней Руси	19
Закат Византии и возвышение Москвы	32
Падение Константинополя и возвышение Москвы.....	41
Опричина царя Ивана Грозного.....	46
Дипломатический авантюрист	62
Гайдамацкое движение	67
М а з е п а	84
Немцы в России XVIII века	93
Воспоминания испанского посланника	102
Временщики XVIII столетия	111
Временщики в ссылке	119
Переселение славян в Россию	123
Граф Симеон Зорич	142
Новороссийский край	153
Россия и южные славяне	170
Графы Ивеличи из Далмации	181
Русская дипломатия на Балканах	186
Ученый лингвист	198
Убийство А. А. Ростковского	203
Политическая миссия сербских иерархов в России	219
Сербский добровольческий корпус в России	231
Влияние немцев на русских	239
Французы на русской службе.....	254
Движение человечества	259
Эпопея Булатовича	265

Este libro terminó de imprimirse en el mes de setiembre de 1972 en los Talleres Gráficos "Dorrego", avenida Dorrego 1102, Bs. Aires, Argentina

